

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК
ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

№ 1 (26), 2015

Грозный
2015

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
№ 1 (26), 2015**

Основан в 1992 г.
Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике
Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ 20-00023

Подписной индекс в каталоге
«Газеты и журналы»
Межрегионального агентства подписки
53909
Учредитель: ГКНУ «Академия наук
Чеченской Республики»

Главный редактор – Гапуров Ш.А., д.и.н., профессор, академик АН ЧР

Заместители главного редактора:

Дадашев Р.Х. – д.ф.-м.н., профессор, академик АН ЧР (физико-математические науки)
Керимов И.А. – д.ф.-м.н., профессор, академик АН ЧР (науки о Земле)
Магамадов С.С. – к.и.н., доцент (исторические науки и археология)
Халидов А.И. – д.филол.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР (филологические науки)
Абумуслимов А.А. – к.б.н., доцент (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

Акаев В.Х., д.филол.н., профессор, академик АН ЧР
Алахвердиев Ф.Д., д.б.н., профессор
Альбеков Н.Н., к.филол.н.
Арсалиев Ш.М.-Х. д.п.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР
Батаев Д.К.-С., д.т.н., профессор, академик АН ЧР
Гагаева З.Ш., к.г.н.
Гуфан Ю.М., д.ф.-м.н., профессор
Даукаев А.А., д.г.-м.н.
Заалашвили В.Б., д.ф.-м.н., профессор
Зармаев А.А., д.с.-х.н., профессор, академик АН ЧР
Ибрагимов Муса М., д.и.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР
Иванов А.Л., д.б.н., профессор
Канукова З.В., д.и.н., профессор
Кидирниязов Д.С., д.и.н., профессор
Коряковцева Е.И., д.филол.н., профессор;
Крапивина Е.А., к.б.н., доцент;
Лолуа Р., доктор филологии;
Магомаев В.Х., д.и.н., профессор;

Мамаев Х.М., к.и.н., доцент
Марченко П.Е., д.т.н., профессор
Махмудова Л.Ш., д.т.н., профессор
Межидов В.Х., д.х.н., профессор, академик АН ЧР
Навразова Х.Б., д.филол.н., профессор
Овхадов М.Р., д.филол.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР
Осмаев А.Д., д.и.н., доцент
Романова О.С., к.г.н.
Снытко В.А., д.г.н., профессор, член-корреспондент РАН
Созаев В.А., д.ф.-м.н., профессор
Солтаханов Ш.Х., д.ф.-м.н., профессор
Тайсумов М.А., д.б.н., профессор
Тимаев А.Д., д.филол.н., академик АН ЧР
Умаров М.У., д.б.н., доцент, академик АН ЧР
Умаров Х.Г., к.ф.-м.н., доцент
Хоконов М.Х., д.ф.-м.н., профессор
Широкова В.А., д.г.н., профессор
Элимханов Д.З., к.ф.-м.н.

Адрес редакции/издателя: 364024, г. Грозный, пр. М. Эсамбаева, 13
Тел./факс: (8712) 22-26-76, 22-55-76, e-mail: vestnikanchr@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Джамбулатов Р.С., Дадашев Р.Х., Элимханов Д.З.** Теоретические модели для прогноза поверхностного натяжения растворов диоксан 1.4-ацетон-вода 5
- Умаров Х.Г.** Явный вид решения задачи Коши для аналога уравнения теплопроводности в банаховом пространстве 9

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Гапуров Ш.А., Гадаев В.Ю.** Русская культура как фактор консолидации народов России 22
- Кидирниязов Д.С.** Российская политика в Северо-Кавказском регионе во втором десятилетии XIX в. ... 31
- Кыдыралина Ж.У.** Особенности этнокультурной идентичности чеченцев и ингушей в Казахстане 36
- Магомадова Т.С.** О чеченских посольствах в Москву конца XVI–XVII вв. 43
- Бекмурзаев С.Х., Бурков С.Б., Мамаев Х.М.** Кень-Юртовское городище – новый памятник эпохи раннего железа в Чечне 48
- Завьялов В.И., Мамаев Р.Х.** Средневековые сабли из Майртупа и Гордали в Чечне (технологический аспект) 63

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Алигаджиева А.Р.** Семантико-словообразовательные особенности глаголов зрительного восприятия (на материале немецкого, английского и аварского языков) 70
- Гаджиева З.М.** Сопоставительный анализ семантической деривации в денотативной сфере «растения» 73
- Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л.** Ориентализмы нетюркского происхождения, усвоенные русским национальным (литературным) языком в начальный (конец XVII–XVIII вв.) период его формирования, в «Словаре Академии Российской» 77
- Джамалудинова С.М.** Семантический синкретизм нефинитных форм глагола в языках различных типологий 84
- Довлеткиреева Л.М.** Отражение чеченского космо-психо-логоса в художественной словесности 87
- Патахова П.Д.** О некоторых особенностях семантического потенциала императива (на материале аварского и английского языков) 90
- Таджибова Р.Р.** К вопросу об этимологических связях лезгинских языков (на материале семантической деривации) 93
- Халидов А.И.** Многопадежность и иные признаки падежных систем как основание для структурной классификации языков 96
- Халидов А.И., Арсакаева Х.С.** Разновидности эргативной и номинативной конструкций предложения иберийско-кавказских языков, определяемые по признаку переходности 103

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- Алахвердиев Ф.Д., Абумуслимов А.А., Абумуслимова И.А.** Изучение природных и антропогенных процессов ландшафтно-индикационными методами 110
- Марченко П.Е., Гяургиева М.М., Джаппуев Д.Р.** Подверженность селевой опасности отдельных районов Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской Республик: характеристика селевой деятельности; численная интегральная оценка опасности 115

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 123

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ 125

CONTENTS

PHISICS AND MATHEMATICS

- Dzhambulatov R.S., Dadashev R.Kh., Elimhanov D.Z.** Theoretical models for the prediction of surface tension solutions dioxane 1.4-acetone-water 5
- Umarov H.G.** Explicit solution of the Cauchy problem for analog of the heat equation in Banach space 9

HISTORY AND ARCHEOLOGY

- Gapurov Sh., Gadaev V.Y.** Russian culture as a factor in the consolidation peoples of Russia 22
- Kidirniyazov D.S.** Russian policy in the North Caucasus region in the second decade of the XIX century 31
- Kydyralina Zh.U.** Features of ethno-cultural identity of the Chechens and Ingush in Kazakhstan 36
- Magomadov T.S.** About Chechen Embassy in Moscow late XVI–XVII centuries 43
- Bekmurzaev S.H., Burkov S.B., Mamaev H.M.** Ken-Yurt settlement – a new monument to the early Iron Age in Chechnya 48
- Zav’yalov V.I., Mamaev R.H.** Medieval sabers from Mairtup and Gordali in Chechnya (technological aspect) 63

PHILOLOGY

- Aligadzhieva A.R.** Semantic-derivational features of verbs of visual perception (based on German, English and Avar) 70
- Hajiyev Z.M.** Comparative analysis of semantic derivation denotative in the field of “plants” 73
- Huseynov G.-R.-K., Mugumova A.L.** Orientalism non-Turkic origin, learned Russian national (literary) language in the beginning (end of XVII–XVIII centuries) During its formation, in the “Dictionary of the Russian Academy” 77
- Dzhamaludinova S.M.** Semantic syncretism non-finite forms of the verb in the languages of different typologies 84
- Dovletkireeva L.M.** Reflection Chechen Cosmo-Psycho-Logos in language arts 87
- Patahova P.D.** Some peculiarities of the semantic potential imperative (based on Avar and English languages) 90
- Tadzhibova R.R.** On the question of the etymological connection Lezgin (based on semantic derivation) 93
- Halidov A.I.** Mnogopadezhnost and other signs of case systems as a basis for structural classification of languages 96
- Halidov A.I., Arsakaeva H.S.** Varieties of ergative and nominative constructions offers Iberian-Caucasian languages, defined on the basis of transition 103

EARTH SCIENCES

- Alakhverdiev F.D., Abumuslimov A.A., Abumuslimov A I.A.** Study of natural and anthropogenic processes by landscape-indicator methods 110
- Marchenko P.E., Gyaurgieva M.M., Dzhapsuyev D.R.** Susceptibility of the separate areas of Karachay-Circassian and Kabardin-Balkar Republics to torrential hazard: characteristics of the torrential activity; numerical integrated assessment of dangers 115
- DATA ON AUTHORS 123
- REGISTRATION RULES 125

УДК 744.72

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДЛЯ ПРОГНОЗА ПОВЕРХНОСТНОГО НАТЯЖЕНИЯ РАСТВОРОВ ДИОКСАН 1.4-АЦЕТОН-ВОДА

© Р.С. ДЖАМБУЛАТОВ¹, Р.Х. ДАДАШЕВ², Д.З. ЭЛИМХАНОВ³

¹ Комплексный НИИ РАН им. Х.И. Ибрагимова, г. Грозный

² Чеченский государственный университет, г. Грозный

³ Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

В данной статье проведены расчеты поверхностного натяжения тройной системы диоксан 1.4-ацетон-вода. В расчетах использована полуэмпирическая модель для прогноза поверхностного натяжения многокомпонентных систем. Для растворов органических веществ такие расчеты проведены впервые. Обобщение полученных результатов позволило установить границы применимости предложенного метода.

Ключевые слова: *поверхностное натяжение, молярная площадь, многокомпонентные растворы, избыточное поверхностное натяжение, аддитивность.*

In this article, the calculations of the surface tension of the ternary system 1.4-dioxane, acetone-water. The calculations used semi-empirical model for the prediction of surface tension of multicomponent systems. For solutions of organic substances such calculations are carried out for the first time. Generalization of the results allowed to establish the limits of applicability of the proposed method.

Key words: *surface tension, the molar area, multi-component solutions, excess surface tension, additive.*

Исследование поверхностных свойств растворов органических веществ имеет большое научное и практическое значение, т. к. позволяет выявить характер межмолекулярных взаимодействий и установить связь между структурными и энергетическими характеристиками поверхностного слоя. Экспериментальное изучение концентрационной и температурной зависимости поверхностного натяжения (σ) многокомпонентных растворов – задача сложная и трудоемкая. В связи с этим особую актуальность приобретает разработка теоретических и полуэмпирических методов прогноза σ многокомпонентных растворов, по данным о свойствах боковых двойных систем [1, 2].

Следует отметить, что концентрационная зависимость поверхностного натяжения двойных растворов к настоящему времени изучена достаточно полно, что облегчает процедуру расчета свойств поверхности многокомпонентных растворов по свойствам боковых двойных систем. Для многокомпонентных металлических расплавов теоретические и полуэмпирические методы расчета поверхностных свойств, по свойствам боковых двойных систем, разрабатываются давно [2–11]. Представляет интерес разработка аналогичных методов для прогноза свойств растворов на основе органических веществ.

Как показывают наши исследования [3, 4, 10] и анализ литературных источников [5–6], для прогноза σ металлических расплавов наиболее эффективным является метод, основанный на идее Колера [6]. Как показано ранее [7, 8], предложенный полуэмпирический метод прогноза σ многокомпонентных систем с достаточной точностью описывает как гладкие, так и сложные изотермы σ тройных систем. Однако, как подчеркнуто в работе [9], к основному недостатку этого метода следует отнести отсутствие научно обоснованных критериев, позволяющих установить границы применимости предложенного метода. Отсутствие критериев, позволяющих определять границы применимости, заметно сдерживает использование этого метода на практике. Как будет показано ниже, полученные в данной работе результаты, позволяют хотя бы частично решить эту проблему.

Для разработки метода прогноза поверхностного натяжения, в работе [3] введено понятие избыточного поверхностного натяжения:

$$\Delta\sigma = \sigma - \sigma_{ид}, \quad (1)$$

где σ – поверхностное натяжение реального раствора; $\sigma_{ид}$ – поверхностное натяжение идеального раствора.

Следует отметить, что понятие избыточного поверхностного натяжения введено формально. Так как существуют различные модели идеального раствора, то для зависимости $\sigma_{уд}$ от состава можно использовать различные выражения. Основными требованиями к используемому уравнению являются: математическая простота и отсутствие в ней трудноопределимых или неизвестных физических величин. В большинстве случаев в научной литературе для этих целей использовано известное выражение [2–4].

$$\sigma_{уд} = \sigma_j - \frac{RT}{\omega} \ln \sum_{i=1}^n x_i \exp \left[\frac{\sigma_i - \sigma_j}{RT} \right], \quad (2)$$

где σ_i и σ_j – поверхностное натяжение чистых компонентов; $\omega = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \omega_i$ – усредненная по всем компонентам молярная площадь; x_i – молярная доля i -го компонента.

Зависимость избыточного поверхностного натяжения от состава в боковых двойных можно представить следующим образом [9]

$$\Delta\sigma_{ij} = f(K_{ij})x'_i x'_j. \quad (3)$$

Здесь x'_i и x'_j – молярные доли компонентов в двойной системе i - j ; $K_{ij} = \frac{x_i}{x_j}$ – отношение числа молей компонентов; $f(K_{ij})$ – функция, зависящая от состава двухкомпонентного раствора.

Аналогично можно представить и зависимость избыточного поверхностного натяжения многокомпонентного раствора от состава

$$\Delta\sigma = \frac{1}{2} \sum_{i,j=1}^n f(K_{ij})x_i x_j, \quad (4)$$

где x_i и x_j – молярные доли компонентов в многокомпонентном растворе.

Из выражения (4), после не сложных преобразований, одним из авторов [3] получено

$$\Delta\sigma = \frac{1}{2} \sum_{i,j=1}^n \Delta\sigma_{ij} (x_i + x_j)^2, \quad (5)$$

где $\Delta\sigma_{ij}$ – избыточное поверхностное натяжение двухкомпонентного раствора i - j с таким же отношением молярных долей компонентов, что и в многокомпонентном растворе.

Таким образом, выражение (5) позволяет определить поверхностное натяжение многокомпонентного раствора, если известна зависимость поверхностного натяжения от состава во всех боковых двойных системах.

Для апробирования этого уравнения на растворах органических веществ нами проведены расчеты поверхностного натяжения тройной системы диоксан 1.4-ацетон-вода, поверхностное натяжение и плотность которой изучена нами экспериментально. Концентрационная зависимость

поверхностного натяжения как тройных, так и боковых двойных систем изучена нами впервые. Измерения поверхностного натяжения проводились нами на тензиометре DSA 100 «KRUSS», методом висящей капли (погрешность не более 1%) [12]. Термостатирование осуществлялось в термокамере с помощью термостата «НААКЕК 10» (погрешность не более 0.1° C). Тензиометр «DSA 100» позволяет с помощью встроенной цифровой видеокамеры регистрировать форму капли. Компьютерная программа DSA 1, по уравнению Юнга-Лапласа [13] и изображениям профиля капли, рассчитывает значение поверхностного натяжения исследуемого раствора [14].

По полученным экспериментальным результатам нами рассчитаны изотермы избыточного поверхностного натяжения для боковых двойных систем диоксан 1.4-вода и ацетон-вода. Полученные изотермы σ представлены на рис. 1. В двойной системе диоксан 1.4-вода и ацетон-вода изотермы σ в пределах погрешности измерения совпадают с идеальными.

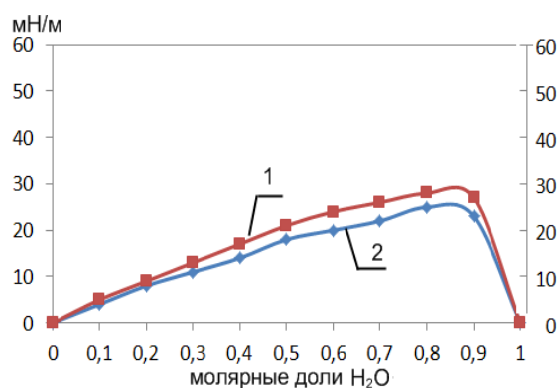

Рис 1. Зависимость избыточного поверхностного натяжения от концентрации второго компонента в системе: 1 – диоксан 1.4-вода; 2 – ацетон-вода, при 293К

Как видно из рис. 1, изотермы $\Delta\sigma_{ij}$ в боковых двойных системах диоксан 1.4-вода и ацетон-вода имеют явно выраженный асимметричный вид. Максимум на изотермах $\Delta\sigma$ в обеих системах сдвинут в сторону воды. Используя эти данные, нами были проведены расчеты поверхностного натяжения тройных растворов диоксан 1.4-ацетон-вода, составы которых располагались на лучевом сечении с постоянным отношением молярных долей диоксана 1.4 к ацетону. Такой способ измерения имеет ряд преимуществ, т.к. позволяет сделать сравнительный анализ изотерм σ тройного разреза с изотермами σ боковых двойных систем. Полученные результаты представлены на рис. 2.

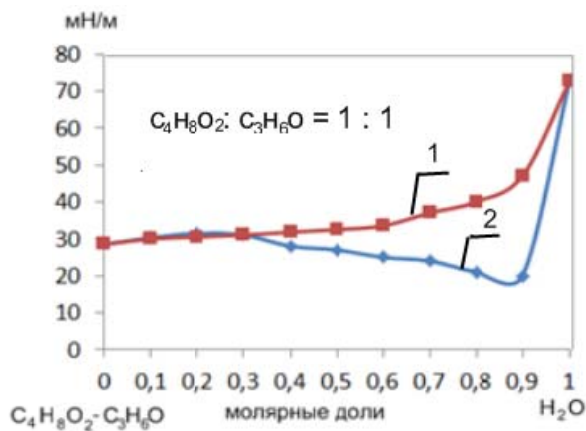

Рис 2. Зависимость поверхностного натяжения от молярной доли H_2O в трехкомпонентной системе диоксан 1.4-ацетон-вода при 293 К.
1 – экспериментальная изотерма;
2 – теоретическая (на основе метода Колера)

Как видно из этого рисунка, теоретическая изотерма σ , вопреки ожиданиям, характеризуется минимумом в области 0.8–0.9 молярных долей воды. При этом экспериментальные кривые изотерм σ характеризуются гладкими кривыми без каких-либо экстремумов. Минимум не обнаружен и на изотермах σ боковых двойных систем диоксан 1.4-вода, ацетон-вода. Отсюда следует, что пред-

ложенный метод даже качественно не описывает концентрационную зависимость σ в изучаемой системе. Аналогичные минимумы на теоретических изотермах σ были получены авторами [9] в системе натрий-цезий-рубидий. При этом экспериментальные данные свидетельствуют об отсутствии подобных экстремумов на изотермах σ тройных разрезов. Сопоставление и анализ полученных результатов показывает, что общим для этих систем является наличие заметной асимметрии на изотермах избыточного поверхностного натяжения боковых двойных систем (диоксан 1.4-вода, ацетон-вода, в системе диоксан 1.4-ацетон-вода и рубидий-натрий, цезий-натрий, в системе натрий-цезий-рубидий). Математические расчеты по полученной формуле показывают, что минимум на изотермах тройных разрезов обусловлен асимметрией изотерм избыточного поверхностного натяжения в боковых двойных системах.

Таким образом, обобщение полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что обсуждаемый метод не описывает концентрационную зависимость физико-химических свойств многокомпонентных систем, если изотермы этих свойств в боковых двойных системах имеют сильные отклонения от симметричности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калажиков З.Х., Калажиков Заур Х., Карданова З.В., Хатухов А.А., Калажиков Х.Х. Расчет температурной зависимости адсорбции свинца и висмута в бинарных системах Sn-Pb и Sn-Bi // Вестник АН ЧР. №4 (25). 2014. С. 8–10.
2. Дадашев Р.Х. Термодинамика поверхностных явлений. М: Физматлит, 2008. 278 с.
3. Дадашев Р.Х. Прогнозирование физико-химических свойств многокомпонентных металлических расплавов // Расплавы. 1994. №6. С. 1–6.
4. Dadashev R. Thermodynamics of surface phenomena. Cambridge international science publishing, 2008. 281 p.
5. Dadashev R., Kutuev R., Elimkhanov D. Analytical description of concentration dependence of surface tension multicomponent systems. 13th International Conference on Liquid and Amorphous Metals IOP Publishing Journal of Physics: Conference Series V. 98, 2008 062029 doi:10.1088/1742-6596/98/6/062029.
6. Kohler P. Findenegg. Zur Berechnung der thermodynamischen Daten eines ternaren System aus den zugthorigen Binaren Systemen Mn // Chem. – 1965. – Bd. – S. 1228–1251.
7. Коган В.Б. Гетерогенные равновесия. Л.: Химия, 1968. 432 с.
8. Дадашев Р.Х., Ибрагимов Х.И., Элимханов Д.З., Кутуев Р.А. Поверхностное натяжение и молярные объемы тройных расплавов щелочных металлов // Материалы Всероссийской конференции КНИИ РАН. Грозный, 2002. С. 56–64.
9. Дадашев Р.Х., Ибрагимов Х.И., Саввин В.С. Прогноз поверхностного натяжения многокомпонентных систем // Поверхностные свойства расплавов. Киев: Наукова думка, 1982. С. 7–11.
10. Дадашев Р.Х., Хоконов Х.Б., Элимханов Д.З., Бичуева З.И. Концентрационная зависимость поверхностного натяжения тройных систем // Журнал физической химии. 2007. Т. 81. № 7. С. 1342–1344.
11. Дадашев Р.Х., Хоконов Х.Б., Элимханов Д.З., Бичуева З.И. Концентрационная зависимость поверхностного натяжения двойных систем // Известия Российской академии наук. Серия физическая. 2007. Т. 71. № 2. С. 264–266.
12. Дадашев Р.Х., Джамбулатов Р.С., Элимханов Д.З., Новбраибеv Л.М., Джумаев А.М. Установка по исследованию поверхностных свойств границы раздела фаз(DSA-100) // Вестник АН ЧР. №1. 2011. С. 13–17.

13. Адамсон А.В., Гаст А.П. Физическая химия поверхностей. М.: Мир, 1979. 447 с.
14. Дадашев. Р.Х., Элимханов Д.З., Джамбулатов. Р.С., Джумаев А.М. Измерение поверхностного натяжения методом висящей капли на тензиометре DSA-100 // Сборник трудов КНИИ РАН. №5. Грозный, 2012. С. 3–7.

ЯВНЫЙ ВИД РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ КОШИ ДЛЯ АНАЛОГА УРАВНЕНИЯ ТЕПЛОПРОВОДНОСТИ В БАНАХОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© Х.Г. УМАРОВ

Чеченский государственный университет, г. Грозный

Явный вид решения задачи Коши в банаховом пространстве для абстрактного уравнения теплопроводности с операторным коэффициентом получен по классической схеме с применением операторнозначного аналога фундаментального решения. Абстрактные рассуждения иллюстрируются в пространстве непрерывных функций на неотрицательной полуоси, для которых существует предел на бесконечности.

Ключевые слова: *сильно непрерывные полугруппы операторов, уравнения в частных производных*

Explicit solution of the Cauchy problem in a Banach space to the abstract heat equation with an operator coefficient obtained by the classical scheme, using an operator-valued analogue of fundamental solutions. Abstract considerations are illustrated in the space of continuous functions on the nonnegative semiaxis, for which there is a limit at infinity.

Key words: *strongly continuous operator semigroups, partial differential equations.*

Введение. В настоящей статье рассматривается задача Коши для аналога в банаховом пространстве E уравнения теплопроводности:

$$BV_t = V_{yy} + F, \quad 0 < t \leq T < +\infty, y \in R^1 =]-\infty, +\infty[, \quad (1)$$

в котором оператор $-B$ является производящим оператором [1, с. 58] сильно непрерывной полугруппы класса C_0 , причем тип полугруппы $U(t; -B)$ – неположительный: $\|U(t; -B)\| \leq M \exp(-\beta t)$, $\beta \geq 0$, $t \geq 0$.

Под задачей Коши для уравнения (1) будем понимать, как и в классическом случае, задачу нахождения решения, удовлетворяющего начальному условию

$$V|_{t=0} = \Phi(y), \quad y \in R^1, \quad (2)$$

где $\Phi(y)$ – заданная функция со значениями в банаховом пространстве E .

Уравнение (1) является псевдопараболическим уравнением соболевского типа не разрешенным относительно производной по временной переменной t . Исследованию абстрактных псевдопараболических уравнений $BV_t + AV = F$, где A, B – операторы, действующие в банаховом пространстве E , посвящено большое количество работ (см. обзор и подробную библиографию, приведенную в монографии [2]), в которых чаще всего исследуются вопросы глобальной во времени разрешимости и разрушения решений.

Наша цель, по классической схеме, с применением операторнозначного аналога фундаментального решения, получить явный вид решения задачи Коши (1), (2), т.е. найти интегральное представление решения уравнения (1) через начальную функцию (2).

Искомое решение $V = V(y, t)$ уравнения (1) – абстрактная функция со значениями в банаховом пространстве E , ищется непрерывным при $(y, t) \in R^1 \times [0, T]$ и непрерывно дифференцируемым при $(y, t) \in R^1 \times]0, T]$ по переменной t один раз, а по переменной y два раза. Кроме того, полагаем, что при $(y, t) \in R^1 \times]0, T]$ значения решения V и ее частной производной V_t принадлежат области определения $D(B)$ оператора B .

В зависимости от того отрицательный или равный нулю тип полугруппы $U(t; -B)$, порождаемой оператором $-B$, будем обозначать уравнение (1) соответственно (1₋) или (1₀). Вначале рассматривается задача Коши (1₋), (2) для случая экспоненциального убывания нормы полугруппы, порождаемой оператором $-B$. В этом случае существует ограниченный обратный оператор B^{-1} и значит абстрактное дифференциальное уравнение (1₋) допускает разрешение относительно производной по времени. Далее предполагается, что тип $\beta = 0$ и рассматривается уравнение (1₀), не допускающее разрешение

относительно производной по времени. Решение задачи Коши для уравнения (1₀), в котором оператор $-B$ порождает полугруппу с нулевым типом, строится как предел при $\delta \rightarrow 0+$ решения вспомогательной задачи Коши для уравнения (1) с оператором $B_\delta = \delta I + B$ вместо B .

Все рассуждения статьи иллюстрируются на примере оператора $B = -d/dx$, действующего в банаховом пространстве $C[0, +\infty] \equiv C(\overline{R}_+)$ непрерывных функций $\psi(x)$, для которых существует предел при $x \rightarrow +\infty$ и норма которого определяется по формуле $\|\psi(x)\|_{C(\overline{R}_+)} \equiv \|\psi(x)\|_C = \sup_{x \in \overline{R}_+} |\psi(x)|$. В пространстве $C(\overline{R}_+)$ дифференциальный оператор d/dx с областью определения $D(d/dx) = \{\psi(x) \in C(\overline{R}_+) : \psi'(x) \in C(\overline{R}_+)\}$ является [3, с. 670] производящим оператором сжимающей сильно непрерывной полугруппы $U(t; d/dx)$ класса C_0 левых сдвигов: $U(t; d/dx)\psi(x) = \psi(x+t)$, $t \geq 0$.

2. Фундаментальное оператор-решение задачи Коши. Фундаментальным оператор-решением задачи Коши для однородного уравнения соответствующего (1) назовем операторнозначную функцию

$$G(\eta, \tau; y, t) = \frac{1}{2\sqrt{(t-\tau)\pi}} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4(t-\tau)}; -B\right) B^{1/2}, \quad 0 \leq \tau < t, y \in R^1, \quad (3)$$

где положительные дробные степени B^ν , $0 < \nu < 1$, определяются замыканием своего сужения на

$D(B)$ [1, с. 156], [4, с. 283]: $B^\nu e = \pi^{-1} \sin \nu\pi \int_0^{+\infty} s^{\nu-1} (sI + B)^{-1} B e ds$ или эквивалентной формулой [5, с. 358] $B^\nu e = \Gamma^{-1}(-\nu) \int_0^{+\infty} s^{-1-\nu} [U(s; -B)e - e] ds$, где $\Gamma(\cdot)$ – гамма-функция. Если $k-1 \leq \nu < k$, k – целое положительное число, то для дробных степеней B^ν справедливо представление [6] $B^\nu e = c_{\nu,k}^{-1} \int_0^{+\infty} \xi^{-1-\nu} [I - U(\xi; -B)]^k e d\xi$, $e \in D(B^k)$, где $c_{\nu,k} = \int_0^{+\infty} \xi^{-1-\nu} [1 - \exp(-\xi)]^k d\xi$.

На протяжении статьи будем пользоваться вытекающими из приведенных определений формулами $B^{k+1/2} e = B^k B^{1/2} e = (2\sqrt{\pi})^{-1} \int_0^{+\infty} \xi^{-3/2} [I - U(\xi; -B)] B^k e d\xi$, $e \in D(B^{k+1})$, и, в частности, при $E = C(\overline{R}_+)$, $B = -d/dx$ дробная производная $(-d/dx)^{k+1/2}$ представляется [7, с. 95–97] через правостороннюю дробную производную Маршо $D_-^{1/2}$ на полуоси $R_+^1 =]0, +\infty[$: $(-d/dx)^{k+1/2} \psi(x) = D_-^{1/2} ((-1)^k \psi^{(k)}(x)) = (-1)^k (2\sqrt{\pi})^{-1} \int_0^{+\infty} \xi^{-3/2} [\psi^{(k)}(x) - \psi^{(k)}(x+\xi)] d\xi$, где k – натуральное число или нуль, а $\psi(x) \in C(\overline{R}_+)$; $\psi^{(m)}(x) \in C(\overline{R}_+)$, $m = \overline{1, k+1}$.

Непосредственно из определения (3) следует:

(I) для $e \in D(B^{1/2})$, $0 \leq \tau < t$, $\eta, y \in R^1$, оценка нормы

$$\|G(\eta, \tau; y, t)e\| \leq \frac{M}{2\sqrt{(t-\tau)\pi}} \|B^{1/2}\| \exp\left[\frac{(y-\eta)^2}{4(t-\tau)}\right];$$

(II) $G(\eta, \tau; y, t)e \rightarrow 0$, $e \in D(B^{1/2})$, при $\tau \rightarrow t$, $\eta \neq y$;

(III) функция $Ge = G(\eta, \tau; y, t)$, $e \in D(B^{5/2})$, по переменным (η, τ) удовлетворяет уравнению $B \partial Ge / \partial \tau + \partial^2 Ge / \partial \eta^2 = 0$, а по переменным (y, t) – однородному уравнению соответствующему (1);

(IV) для любого элемента $e \in E$ выполняется равенство

$$B^{1/2} \int_{-\infty}^{+\infty} G(\eta, \tau; y, t) B^{-1/2} e = e, \quad \tau < t, \quad (4)$$

где отрицательные дробные степени $B^{-\nu}$, $0 < \nu < 1$, если тип полугруппы $U(\cdot; -B)$ – отрицательный, вычисляются [4, с. 275] по формуле $B^{-\nu} = \pi^{-1} \sin \nu \pi \int_0^{+\infty} s^{-\nu} (sI + B)^{-1} ds$ и для них справедливо интегральное представление [4, с. 297] через полугруппу $U(t; -B)$:

$$B^{-\nu} = \frac{1}{\Gamma(\nu)} \int_0^{+\infty} s^{\nu-1} U(s; -B) ds, \quad \nu > 0. \quad (5)$$

3. Существование и единственность решения абстрактной задачи Коши. Сначала рассмотрим теорему единственности.

Теорема 1. Пусть свободный член $F(y, t)$ и решение $V(y, t)$ задачи Коши (1), (2) удовлетворяют условиям $\|F(y, t)\|$, $\|V(y, t)\|$, $\|V_y(y, t)\| \sqrt{t} \leq \lambda(t) \exp(qy^2)$, $q < \beta/(4T)$, в которых $\lambda(t)$, $t \in [0, T]$ – непрерывная функция, тогда в каждой точке $(y, t) \in R^1 \times]0, T]$ имеет место формула

$$V(y, t) = \frac{1}{2\sqrt{\pi t}} B^{1/2} \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) \Phi(\eta) d\eta + \\ + \frac{1}{2\sqrt{\pi}} B^{-1/2} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4(t-\tau)}; -B\right) F(\eta, \tau) d\eta. \quad (6)$$

Доказательство. Пусть (y, t) – произвольная фиксированная точка множества $R^1 \times]0, T]$ плоскости (η, τ) , а s – достаточно большое число, причем $|y| < s$.

На плоскости (η, τ) выделим прямоугольник Q_s со сторонами $\{|\eta| \leq s, \tau = 1/s\}$, $\{|\eta| \leq s, \tau = t - 1/s\}$, $\{|\eta| = s, 1/s \leq \tau \leq t - 1/s\}$ и рассмотрим в нем тождество

$$\{BG_\tau + G_{\eta\eta}\} B^{-3/2} V + GB^{-3/2} \{BV_\tau - V_{\eta\eta}\} = GB^{-3/2} F, \quad (7)$$

где $G = G(\eta, \tau; y, t)$ – фундаментальное оператор-решение (3), а $V = V(\eta, \tau)$ – решение задачи Коши (1), (2).

Проинтегрируем обе части тождества (7) по области Q_s , предварительно представив левую часть (7) в виде дивергенции, тогда получим

$$\left\{ \int_{1/s}^{t-1/s} [G_\eta(s, \tau; y, t) B^{-3/2} V(s, \tau) - G(s, \tau; y, t) B^{-3/2} V_\eta(s, \tau)] d\tau - \right. \\ \left. - \int_{1/s}^{t-1/s} [G_\eta(-s, \tau; y, t) B^{-3/2} V(-s, \tau) - G(-s, \tau; y, t) B^{-3/2} V_\eta(-s, \tau)] d\tau \right\} + \\ + \left\{ \int_{-s}^s G\left(\eta, t - \frac{1}{s}; y, t\right) B^{-1/2} V\left(\eta, t - \frac{1}{s}\right) d\eta - \int_{-s}^s G\left(\eta, \frac{1}{s}; y, t\right) B^{-1/2} V\left(\eta, \frac{1}{s}\right) d\eta \right\} = \\ = \int_{1/s}^{t-1/s} \int_{-s}^s G(\eta, \tau; y, t) B^{-3/2} F(\eta, \tau) d\eta d\tau. \quad (8)$$

Разность интегралов в первой фигурной скобке в левой части (8) стремится к нулю при $s \rightarrow +\infty$, так как ее норма оценивается выражением

$$\frac{M(1+M/\beta)}{\sqrt{\pi}} \exp\left(\frac{\beta q}{\beta - 4Tq} y^2\right) \int_0^t \frac{\lambda(\tau) d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \exp\left[-\left(s\sqrt{\frac{\beta}{4T}-q} - \frac{\beta}{4T\sqrt{\beta/(4T)-q}}|y|\right)^2\right].$$

В уменьшаемом интеграле во второй фигурной скобке в левой части (8) у подынтегральной функции нет особенностей при $s \rightarrow +\infty$, поэтому

$$\lim_{s \rightarrow +\infty} \int_{-s}^s G\left(\eta, \frac{1}{s}; y, t\right) B^{-1/2} V\left(\eta, \frac{1}{s}\right) d\eta = \int_{-\infty}^{+\infty} G(\eta, 0; y, t) B^{-1/2} V(\eta, 0) d\eta.$$

Предел вычитаемого интеграла во второй фигурной скобке в левой части (8) равен $B^{-1/2} V(y, t)$. Это следует, учитывая формулу (4), из малости, для достаточно больших s , нормы разности:

$$\begin{aligned} & \left\| \int_{-s}^s G\left(\eta, t - \frac{1}{s}; y, t\right) B^{-1/2} V\left(\eta, t - \frac{1}{s}\right) d\eta - B^{-1/2} V(y, t) \right\| \leq \\ & \leq \frac{M}{\sqrt{\beta}} \left[\max_{\eta \in \{|\eta| \leq \sqrt[4]{s}\}} \left\| V\left(y + \frac{2\eta}{\sqrt{\beta s}}, t - \frac{1}{s}\right) - V(y, t) \right\| + \right. \\ & \left. + \frac{\lambda(t-1/s) \exp(2qy^2)}{\sqrt{\pi [1-8q/(\beta s)]}} \int_{|\eta| \geq \sqrt{1-8q/(\beta s)} \sqrt[4]{s}} \exp(-\eta^2) d\eta + \lambda(t) \exp(qy^2) \int_{|\eta| \geq \sqrt[4]{s}} \exp(-\eta^2) d\eta \right]. \end{aligned}$$

Итак, переходя в обеих частях равенства (8) к пределу при $s \rightarrow +\infty$, в каждой точке $(y, t) \in R^1 \times]0, T]$ получим

$$\begin{aligned} & B^{-1/2} V(y, t) - \frac{1}{2\sqrt{\pi t}} \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) \Phi(\eta) d\eta = \\ & = \frac{1}{2\sqrt{\pi}} B^{-1} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) F(\eta, \tau) d\eta. \end{aligned}$$

Откуда и следует формула (6).

Теперь выясним, каким условиям достаточно подчинить начальную функцию $\Phi(y)$ и свободный член $F(y, t)$, чтобы формула (6) давала решение задачи Коши (1), (2).

Теорема 2. Пусть $\Phi(y) \in D(B^{5/2})$; $F(y, t), F_y(y, t) \in D(B^{1/2})$ и справедливы оценки норм непрерывных функций

$$\|B^{5/2}\Phi(y)\| \leq K \exp(hy^2); \|B^{1/2}F(y, t)\|, \|B^{1/2}F_y(y, t)\| \leq \lambda(t) \exp(hy^2); \quad y \in R^1, \quad (9)$$

где $h < \beta/(4T)$, $K = \text{const}$, а $\lambda(t)$ – непрерывная на $[0, T]$ функция, тогда решение задачи Коши (1), (2) в каждой точке $(y, t) \in R^1 \times]0, T]$ дается формулой (6) и для него справедлива оценка нормы

$$\begin{aligned} \|V(y, t)\| & \leq \frac{M^2}{\beta \sqrt{\beta - 4ht}} \left[\frac{MK}{\beta} + \int_0^t \lambda(\tau) d\tau \right] \exp\left(\frac{\beta h}{\beta - 4ht} y^2\right) \leq \\ & \leq \frac{M^2}{\beta \sqrt{\beta - 4hT}} \left[\frac{MK}{\beta} + \int_0^T \lambda(\tau) d\tau \right] \exp\left(\frac{\beta h}{\beta - 4hT} y^2\right). \end{aligned} \quad (10)$$

Доказательство. Оценка (10) нормы функции (6) выводится из неравенства

$$\|V(y, t)\| \leq \frac{2M^3}{\beta^2 \sqrt{\pi}} \left(K + \int_0^t \lambda(\tau) d\tau \right) \exp(hy^2) \int_0^{+\infty} \exp[-(\beta - 4ht)s^2 + 4h|y|s\sqrt{t}] ds,$$

используя значение табличного интеграла [8, с. 321].

Покажем, что функция (6): $V(y, t) = \int_0^t d\tau \int_{-\infty}^{+\infty} G(\eta, \tau; y, t) B^{-1} F(\eta, \tau) d\eta + \int_{-\infty}^{+\infty} G(\eta, 0; y, t) \Phi(\eta) d\eta$

удовлетворяет уравнению (1). Для этого, в силу свойства (III) фундаментального оператор-решения (3), достаточно проверить, что условия (9) обеспечивают возможность вычисления частных производных функции $V(y, t)$, $(y, t) \in R^1 \times]0, T]$, дифференцированием под знаком интеграла. А это следует из оценок:

(I⁰) для нормы частной производной по переменной y :

$$\begin{aligned} \|V_y(y, t)\| &= \left\| -\frac{1}{4\sqrt{\pi}t^{3/2}} \int_{-\infty}^{+\infty} (y-\eta) U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{3/2} \Phi(\eta) d\eta - \right. \\ &\quad \left. -\frac{1}{4\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{(t-\tau)^{3/2}} \int_{-\infty}^{+\infty} (y-\eta) U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4(t-\tau)}; -B\right) B^{1/2} F(\eta, \tau) d\eta \right\| \leq \\ &\leq \frac{4M}{(\beta - 4hT)\sqrt{\pi}} \left(\frac{MK}{\beta\sqrt{t}} + \int_0^t \lambda(\tau) \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \right) \left(1 + 2h\sqrt{\frac{\pi T}{\beta - 4hT}} |y| \right) \exp\left(\frac{\beta h}{\beta - 4hT} y^2\right); \end{aligned}$$

(II⁰) для нормы частной производной второго порядка по переменной y :

$$\begin{aligned} \|V_{yy}(y, t)\| &= \left\| -\frac{1}{4\sqrt{\pi}t^{3/2}} \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{3/2} \Phi(\eta) d\eta + \right. \\ &\quad \left. + \frac{1}{8\sqrt{\pi}t^{5/2}} \int_{-\infty}^{+\infty} (y-\eta)^2 U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{5/2} \Phi(\eta) d\eta - \right. \\ &\quad \left. -\frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta U(\eta^2; -B) B^{1/2} F_y(y + 2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\eta \right\| \leq \\ &\leq \frac{M}{\sqrt{\beta - 4hT}} \left\{ \frac{MK}{2\beta t} + \frac{4K}{(\beta - 4hT)t} \left[1 + \frac{8h^2 T y^2}{\beta - 4hT} \right] + \right. \\ &\quad \left. + \frac{4}{\sqrt{\pi}(\beta - 4hT)} \left[1 + 2h\sqrt{\frac{\pi T}{\beta - 4hT}} |y| \right] \int_0^t \lambda(\tau) \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \right\} \exp\left(\frac{\beta h}{\beta - 4hT} y^2\right); \end{aligned}$$

(III⁰) для нормы частной производной по переменной t :

$$\begin{aligned} \|V_t(y, t)\| &= \left\| -\frac{1}{4\sqrt{\pi}t^{3/2}} \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{1/2} \Phi(\eta) d\eta + \right. \\ &\quad \left. + \frac{1}{8\sqrt{\pi}t^{5/2}} \int_{-\infty}^{+\infty} (y-\eta)^2 U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{3/2} \Phi(\eta) d\eta + \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{-1/2} F(\eta, t) d\eta + \right. \\ &\quad \left. + \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta U(\eta^2; -B) B^{-1/2} F_y(y + 2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\eta \right\| \leq \\ &\leq \frac{M^2}{\beta\sqrt{\beta - 4hT}} \left\{ \frac{MK}{2\beta t} + \frac{4K}{(\beta - 4hT)t} \left[1 + \frac{8h^2 T y^2}{\beta - 4hT} \right] + \right. \end{aligned}$$

$$+ \frac{4}{\sqrt{\pi(\beta - 4hT)}} \left[1 + 2h \sqrt{\frac{\pi T}{\beta - 4hT}} |y| \right] \int_0^t \lambda(\tau) \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \left\{ \exp\left(\frac{\beta h}{\beta - 4hT} y^2\right) + \frac{M}{\beta} \lambda(t) \exp(hy^2) \right\}$$

Осталось показать выполнение начального условия (2). Используя равенство (4), для всех достаточно малых значений t , имеем

$$\begin{aligned} \|V(y, t) - \Phi(y)\| &\leq \frac{M^3}{\beta^{5/2}} \max_{|\eta| \leq \eta_0} \|B^{5/2} \Phi(y + 2\eta\sqrt{t}) - B^{5/2} \Phi(y)\| + \\ &+ \frac{M^3 K}{\beta^{5/2} \sqrt{\pi}} \exp(hy^2) \left\{ \int_{|\eta| \geq \eta_0} \exp[-(\beta - 4hT)|\eta|^2 + 4h|y\eta|\sqrt{t}] d\eta + \right. \\ &\left. + \int_{|\eta| \geq \eta_0} \exp(-\beta|\eta|^2) d\eta \right\} + t \frac{M^2}{\beta(\beta - 4hT)} \max_{\tau \in [0, T]} \lambda(\tau) \exp\left(\frac{\beta h}{\beta - 4ht} y^2\right) < \varepsilon \end{aligned}$$

где η_0 – достаточно большое, а ε – сколь угодно малое положительные числа.

В формуле (6) решения задачи Коши для уравнения (1) фигурируют дробные степени оператора B . Представление (5) отрицательной дробной степени $B^{-\nu}$, $0 < \nu < 1$, через полугруппу $U(\cdot; -B)$ справедливо, если тип полугруппы $U(\cdot; -B)$ – отрицательный. Воспользоваться этим представлением для отрицательной дробной степени оператора B , для которого $-B$ является производящим оператором сильно непрерывной полугруппы $U(t; -B)$, $t \geq 0$, класса C_0 с нулевым типом, нельзя, так как интеграл (5) может оказаться расходящимся на бесконечности без дополнительных предположений относительно полугруппы (и, значит, её производящего оператора) или банахова пространства. Так как производящий оператор задается рассматриваемым дифференциальным уравнением, то, чтобы сохранить представление (5), перейдем на подмножество банахова пространства E . Обозначим через E_ν , $\nu > 0$, подмножество* банахова пространства E , для элементов e которого справедлива оценка $\|U(\tau; -B)e\| \leq \omega_e(\tau)$, $\tau \geq 0$, $e \in E_\nu$, где непрерывная функция $\omega_e(\tau)$ принадлежит пространству $L_{1,\nu-1}$, здесь $L_{1,p}$ – пространство функций, абсолютно интегрируемых на полуоси \bar{R}_+^1 с весом τ^p : $\|\omega_e\|_p = \int_0^{+\infty} \tau^p |\omega_e(\tau)| d\tau < +\infty$.

Пусть $-B$ является производящим оператором сильно непрерывной полугруппы класса C_0 с нулевым типом, тогда оператор $-B_\delta = -\delta I - B$, $\delta > 0$, является производящим оператором сильно непрерывной полугруппы с отрицательным типом $U(t; -B_\delta) = \exp(-\delta t)U(t; -B)$, поэтому отрицательные дробные степени $B_\delta^{-\nu}$, $\nu > 0$ представляются формулой (5) через полугруппу $U(t; -B_\delta)$. При этом существует предел $B_\delta^{-\nu} e$, $e \in E_\nu$, при $\delta \rightarrow 0+$, так как существует мажоранта $\omega_e(\tau)$: $\|\exp(-\delta t)U(t; -B)e\| \leq \omega_e(\tau) \in L_{1,\nu-1}$, который и задает на элементах e подмножества E_ν банахова пространства E отрицательную дробную степень $B^{-\nu}$, когда полугруппа $U(t; -B)$ имеет нулевой тип:

$$\lim_{\delta \rightarrow 0+} B_\delta^{-\nu} e = \lim_{\delta \rightarrow 0+} \frac{1}{\Gamma(\nu)} \int_0^{+\infty} s^{\nu-1} \exp(-\delta s) U(s; -B) e ds = B^{-\nu} e, \quad \nu > 0, e \in E_\nu. \quad (11)$$

* Покажем, что множества E_ν , $\nu > 0$, не пустые, например, в $E = C(\bar{R}_+^1)$. Пусть $B = -d/dx$ и $g_\alpha(x) = (1+x^\alpha)^{-1}$, $\alpha > 0$, тогда $\left\| U\left(\tau; \frac{d}{dx}\right) g_\alpha(x) \right\|_C = \sup_{x \in \bar{R}_+^1} \left| \frac{1}{1+(x+\tau)^\alpha} \right| = \frac{1}{1+\tau^\alpha} = \psi_\alpha(\tau)$, $\tau \geq 0$. Функции $\psi_\alpha(\tau)$ непрерывны и [8, с. 306] $\|\psi_\alpha\|_{\nu-1} = \int_0^{+\infty} \tau^{\nu-1} \frac{d\tau}{1+\tau^\alpha} = \frac{\pi}{\alpha \sin(\nu\pi/\alpha)} < \infty$, $\alpha > \nu > 0$. Значит, $g_\alpha(x) \in E_\nu \subset C(\bar{R}_+^1)$ при $\alpha > \nu$.

Итак, формула (11) дает представление^{2*} $B^{-\nu} e = \frac{1}{\Gamma(\nu)} \int_0^{+\infty} s^{\nu-1} U(s; -B) e ds$, $\nu > 0$, $e \in E_\nu$, отрицательной дробной степени оператора B на элементах $e \in E_\nu$ через полугруппу $U(t; -B)$. В этом случае, если $e \in D(B^\nu)$, $0 < \nu < 1$, и $e, B^\nu e \in E_\nu$, то на таких элементах оператор $B^{-\nu}$ является обратным к оператору B^ν : $B^{-\nu} B^\nu e = B^\nu B^{-\nu} e = e$, $0 < \nu < 1$, $e \in D(B^\nu) \cap E_\nu$, $B^\nu e \in E_\nu$.

В случае $E = C(\overline{R_+^1})$ отрицательная степень оператора $B = -d/dx$ представляется [7, с. 42] через правосторонний дробный интеграл Римана–Лиувилля: $(-d/dx)^{-1/2} \psi(x) = \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^{+\infty} \psi(x+s) \frac{ds}{\sqrt{s}} = (I_{\infty-}^{1/2} \psi)(x)$, для функций $\psi(x)$ из подмножества $E_{1/2}$ банахова пространства $C(\overline{R_+^1})$, удовлетворяющих оценке $\sup_{x \in \overline{R_+^1}} |\psi(x+\tau)| \leq \omega(\tau)$,

где $\omega(\tau)$ непрерывная функция из весового пространства $L_{1,-1/2}$: $\|\omega\|_{-1/2} = \int_0^{+\infty} \omega(\tau) \tau^{-1/2} d\tau < \infty$.
Рассмотрим теперь задачу Коши для вспомогательного уравнения

$$B_\delta V_t = V_{yy} + F, \quad t \in]0, T], y \in R^1, \quad (12)$$

в котором $B_\delta = \delta I + B$, $\delta > 0$, а оператор $-B$ является производящим оператором сильно непрерывной полугруппы класса C_0 с нулевым типом. Согласно теоремам 1, 2, для каждого фиксированного положительного δ решение $V_\delta(y, t)$ задачи Коши (12), (2) дается формулой (6), в которой оператор B заменяется на B_δ :

$$\begin{aligned} V_\delta(y, t) &= \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_{-\infty}^{+\infty} \exp(-\delta \eta^2) U(\eta^2; -B) (\delta I + B)^{1/2} \Phi(y + 2\eta\sqrt{t}) d\eta = \\ &= \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t d\tau \int_{-\infty}^{+\infty} \exp(-\delta \eta^2) U(\eta^2; -B) (\delta I + B)^{-1/2} F(y + 2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\tau. \end{aligned} \quad (13)$$

Выясним, каким условиям достаточно подчинить начальную функцию $\Phi(y)$ и свободный член $F(y, t)$, чтобы существовал предел при $\delta \rightarrow 0$ решения (13) задачи Коши (12), (2) и чтобы формальный предел

$$\begin{aligned} V(y, t) &= \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_{-\infty}^{+\infty} U(\eta^2; -B) B^{1/2} \Phi(y + 2\eta\sqrt{t}) d\eta = \\ &= \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t d\tau \int_{-\infty}^{+\infty} U(\eta^2; -B) B^{-1/2} F(y + 2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\eta = \\ &\equiv \frac{1}{\pi} \int_0^t d\tau \int_{-\infty}^{+\infty} d\eta \int_0^{+\infty} U(\eta^2 + s; -B) F(y + 2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) \frac{ds}{\sqrt{s}} \end{aligned} \quad (14)$$

являлся решением предельной задачи Коши (1₀), (2).

Теорема 3. Пусть значения начальной функции $\Phi(y)$ принадлежат $D(B^{5/2})$, а значения свободного члена $F(y, t)$ и его частной производной $F_y(y, t)$ из множества $D(B^{1/2})$ и для непрерывных функций $\Phi(y)$, $B^{5/2}\Phi(y)$, $F(y, t)$, $B^{1/2}F(y, t)$, $F_y(y, t)$, $B^{1/2}F_y(y, t)$ справедливы оценки

* Для подмножеств E_ν банахова пространства E и, таким образом, определенной на подмножествах E_ν , отрицательной дробной степени оператора B справедливы утверждения: 1) $E_\nu \subset E_r$, если $r < \nu$; 2) пусть для элемента $e \in D(B^\nu)$ выполняется $e, B^\nu e \in E_r$, тогда $B^\nu e \in E_r$ при $0 < \nu < r$; 3) пусть $e \in E_\nu$, тогда $B^{-r} e \in E_{\nu-r}$, $0 < r < \nu$; 4) если $e \in E_{\nu+r}$, $0 < r, \nu$, то $B^{-r} B^{-\nu} e = B^{-(\nu+r)} e$; 5) пусть $e \in D(B^\nu)$, $\nu > 0$, и $e, B^\nu e \in E_r$, $r > 0$, тогда $B^{-r} B^\nu e = B^\nu B^{-r} e$; $B^{-r} B^\nu e = B^{\nu-r} e$ при $\nu > r$; $B^{-r} B^\nu e = B^{-(r-\nu)} e$ при $\nu < r$.

$$\sup_{y \in R^1} \|U(\tau; -B)B^j \Phi(y)\| \leq \omega_j(\tau), \quad j = 0, \frac{1}{2}, \frac{3}{2}, \frac{5}{2},$$

$$\sup_{y \in R^1} \|U(\tau; -B)B^i F(y, t)\| \leq \lambda_i(t) \gamma_i(\tau), \quad \sup_{y \in R^1} \|U(\tau; -B)B^i F_y(y, t)\| \leq \tilde{\lambda}_i(t) \tilde{\gamma}_i(\tau), \quad i = 0, \frac{1}{2},$$

в которых $\lambda_i(t), \tilde{\lambda}_i(t) \in C([0, T]; R_+^1)$, а непрерывные функции

$$\omega_0(\tau), \omega_{1/2}(\tau) \in L_{1,-1/2}; \gamma_i(\tau), \tilde{\gamma}_{1/2}(\tau) \in L_{1,0}; \omega_{3/2}(\tau), \omega_{5/2}(\tau), \tilde{\gamma}_0(\tau) \in L_{1,1/2}, \quad (15)$$

тогда решение $V_\delta(y, t)$ задачи Коши (12), (2), определяемое формулой (13), сходится при $\delta \rightarrow 0+$, равномерно по $(y, t) \in R^1 \times [0, T]$ к решению (14) задачи Коши (1), (2), для которого справедлива оценка

$$\|V(y, t)\| \leq \frac{1}{\sqrt{\pi}} \|\omega_{1/2}\|_{-1/2} + \|\gamma_0\|_0 \int_0^t \lambda_0(\tau) d\tau. \quad (16)$$

Доказательство. Оценим норму функции (14), предварительно представив её в виде

$$V(y, t) = \frac{1}{2\sqrt{\pi}} \int_0^{+\infty} U(\rho; -B) B^{1/2} \tilde{\Phi}(y, \rho, t) \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} +$$

$$+ \frac{1}{2\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_0^{+\infty} U(\rho; -B) B^{-1/2} \tilde{F}(y, \rho, \tau, t) \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}}, \quad (17)$$

где обозначено $\tilde{\Phi}(y, \rho, t) = \Phi(y + 2\sqrt{\rho t}) + \Phi(y - 2\sqrt{\rho t})$ и $\tilde{F}(y, \rho, \tau, t) = F(y + 2\sqrt{\rho(t-\tau)}, \tau) + F(y - 2\sqrt{\rho(t-\tau)}, \tau)$. Используя условия (15), имеем

$$\|V(y, t)\| \leq \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^{+\infty} \omega_{1/2}(\rho) \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} + \frac{1}{2\pi} \int_0^t d\tau \int_0^{+\infty} \left\| \int_0^{+\infty} U(s+\rho; -B) \tilde{F}(y, \rho, \tau, t) \frac{ds}{\sqrt{s}} \right\| \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} \leq$$

$$\leq \frac{1}{\sqrt{\pi}} \|\omega_{1/2}\|_{-1/2} + \frac{1}{\pi} \int_0^t \lambda_0(\tau) d\tau \int_0^{+\infty} \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} \int_\rho^{+\infty} \gamma_0(s) \frac{ds}{\sqrt{s-\rho}} =$$

$$= \frac{1}{\sqrt{\pi}} \|\omega_{1/2}\|_{-1/2} + \frac{1}{\pi} \int_0^t \lambda_0(\tau) d\tau \int_0^{+\infty} \gamma_0(s) ds \int_0^s \frac{d\rho}{\sqrt{\rho} \sqrt{s-\rho}}.$$

Откуда, используя значение табличного интеграла [8, с. 298], получаем неравенство (16).

Рассмотрим сходимость $V_\delta(y, t) \rightarrow V(y, t)$ при $\delta \rightarrow 0+$, для чего оценим норму разности:

$$\|V_\delta(y, t) - V(y, t)\| \leq \frac{1}{2\sqrt{\pi}} \int_0^{+\infty} \left\| [B_\delta^{1/2} - B^{1/2}] U(\rho; -B) \tilde{\Phi}(y, \rho, t) \right\| \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} +$$

$$+ \frac{1}{2\sqrt{\pi}} \int_0^{+\infty} |\exp(-\delta\rho) - 1| \left\| U(\rho; -B) B^{1/2} \tilde{\Phi}(y, \rho, t) \right\| \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} +$$

$$+ \frac{1}{2\sqrt{\pi}} \int_0^t d\tau \int_0^{+\infty} \left\| [B_\delta^{-1/2} - B^{-1/2}] U(\rho; -B) \tilde{F}(y, \rho, \tau, t) \right\| \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} +$$

$$+ \frac{1}{2\sqrt{\pi}} \int_0^t d\tau \int_0^{+\infty} |\exp(-\delta\rho) - 1| \left\| U(\rho; -B) B^{-1/2} \tilde{F}(y, \rho, \tau, t) \right\| \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}}.$$

Обозначая через J_i , $i = \overline{1, 4}$, последовательно слагаемые из правой части последнего неравенства, используя условия (15) и оценку [3, с. 155] $\|B_\delta^{1/2} e - B^{1/2} e\| \leq c\sqrt{\delta} \|e\|$, $c = \text{const}$, $e \in D(B^{1/2})$, выводим следующие неравенства:

$$\begin{aligned}
 1) \quad J_1 &\leq c\sqrt{\frac{\delta}{\pi}} \|\omega_0\|_{-1/2}; \\
 2) \quad J_2 &\leq \max_{\rho \in [0, \rho_0]} |\exp(-\delta\rho) - 1| \frac{1}{2\sqrt{\pi}} \|\omega_{1/2}\|_{-1/2} + \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_{\rho_0}^{+\infty} \omega_{1/2}(\rho) \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}}; \\
 3) \quad J_3 &\leq \frac{1}{2\pi} \int_0^t d\tau \int_0^{+\infty} \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} \int_0^{+\infty} |\exp(-\delta s) - 1| \|U(s + \rho; -B) \tilde{F}(y, \rho, \tau, t)\| \frac{ds}{\sqrt{s}} \leq \\
 &\leq \frac{1}{\pi} \int_0^t \lambda_0(\tau) d\tau \int_0^{+\infty} \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} \int_0^{+\infty} |\exp(-\delta\rho) - 1| \gamma_0(s + \rho) \frac{ds}{\sqrt{s}} \leq \\
 &\leq \left\{ \max_{\rho \in [0, \rho_0]} |\exp(-\delta\rho) - 1| \|\gamma_0\|_0 + 2 \int_{\rho_0}^{+\infty} \gamma_0(\rho) d\rho \right\} \int_0^t \lambda_0(\tau) d\tau; \\
 4) \quad J_4 &\leq \frac{1}{2\pi} \int_0^t d\tau \int_0^{+\infty} |\exp(-\delta\rho) - 1| \left\| \int_0^{+\infty} U(s + \rho; -B) \tilde{F}(y, \rho, \tau, t) \frac{ds}{\sqrt{s}} \right\| \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} \leq \\
 &\leq \frac{1}{\pi} \int_0^t \lambda_0(\tau) d\tau \int_0^{+\infty} |\exp(-\delta\rho) - 1| \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} \int_0^{+\infty} \gamma_0(s + \rho) \frac{ds}{\sqrt{s}} \leq \\
 &\leq \left\{ \max_{\rho \in [0, \rho_0]} |\exp(-\delta\rho) - 1| \|\gamma_0\|_0 + 2 \int_{\rho_0}^{+\infty} \gamma_0(\rho) d\rho \right\} \int_0^t \lambda_0(\tau) d\tau.
 \end{aligned}$$

Применяя полученные оценки 1) – 4), для всех достаточно малых $\delta > 0$, имеем

$$\begin{aligned}
 \|V_\delta(y, t) - V(y, t)\| &\leq c\sqrt{\frac{\delta}{\pi}} \|\omega_0\|_{-1/2} + \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_{\rho_0}^{+\infty} \omega_{1/2}(\rho) \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} + 4 \int_{\rho_0}^{+\infty} \gamma_0(\rho) d\rho \int_0^T \lambda_0(\tau) d\tau + \\
 &+ \max_{\rho \in [0, \rho_0]} |\exp(-\delta\rho) - 1| \left[\frac{1}{2\sqrt{\pi}} \|\omega_{1/2}\|_{-1/2} + 2 \|\gamma_0\|_0 \int_0^T \lambda_0(\tau) d\tau \right] < \varepsilon,
 \end{aligned}$$

где $0 < \rho_0$ – достаточно большое, а $0 < \varepsilon$ – сколь угодно малое числа, т.е. $V_\delta(y, t) \rightarrow V(y, t)$ при $\delta \rightarrow 0+$ равномерно по $(y, t) \in R^1 \times [0, T]$.

Проверим теперь для функции $V(y, t)$ выполнение начального условия (2). Так как

$$\Phi(y) = \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^{+\infty} U(\rho; -B) B^{1/2} \Phi(y) \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}}, \text{ то для всех достаточно малых } t, \text{ следует}$$

$$\begin{aligned}
 \|V(y, t) - \Phi(y)\| &\leq \frac{1}{2\sqrt{\pi}} \int_0^{+\infty} \|U(\rho; -B) \{ B^{1/2} [\Phi(y + 2\sqrt{\rho t}) - \Phi(y)] + \\
 &+ B^{1/2} [\Phi(y - 2\sqrt{\rho t}) - \Phi(y)] \} \| \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} + \frac{1}{2\sqrt{\pi}} \int_0^t d\tau \int_0^{+\infty} \|U(\rho; -B) B^{-1/2} F(y, \rho, \tau, t)\| \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} \leq \\
 &\leq \frac{2M}{\sqrt{\pi}} \int_{\rho_0}^{+\infty} \omega_{1/2}(\rho) \frac{d\rho}{\sqrt{\rho}} + M \sqrt{\frac{\rho_0}{\pi}} \left[\max_{\rho \in [0, \rho_0]} \|B^{1/2} \Phi(y + 2\sqrt{\rho t}) - B^{1/2} \Phi(y)\| + \right. \\
 &\left. + \max_{\rho \in [0, \rho_0]} \|B^{1/2} \Phi(y - 2\sqrt{\rho t}) - B^{1/2} \Phi(y)\| \right] + \|\gamma_0\|_0 \int_0^t \lambda_0(\tau) d\tau \Big\} < \varepsilon,
 \end{aligned}$$

где $0 < \rho_0$ – достаточно большое, а $0 < \varepsilon$ – сколь угодно малое число, т.е. $V(y, t) \rightarrow \Phi(y)$ при $t \rightarrow 0+$, $y \in R^1$.

Чтобы показать, что функция (14): $V(y, t) = \frac{1}{2\sqrt{\pi t}} \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{1/2} \Phi(\eta) d\eta + \frac{1}{2\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4(t-\tau)}; -B\right) B^{-1/2} F(\eta, \tau) d\eta$ удовлетворяет дифференциальному уравнению (1₀), вычислим последовательно частные производные V_y, V_{yy}, V_t этой функции и, оценивая нормы этих производных, убедимся в равномерной сходимости, интегралов из V_y, V_{yy}, V_t , полученных формальным дифференцированием.

1) Для частной производной $V_y(y, t)$ имеем формулу

$$\begin{aligned} \frac{\partial}{\partial y} V(y, t) &= -\frac{1}{4\sqrt{\pi t^{3/2}}} \int_{-\infty}^{+\infty} (y-\eta) U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{3/2} \Phi(\eta) d\eta - \\ &- \frac{1}{4\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{(t-\tau)^{3/2}} \int_{-\infty}^{+\infty} (y-\eta) U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4(t-\tau)}; -B\right) B^{1/2} F(\eta, \tau) d\eta = \\ &= -\frac{1}{4\sqrt{\pi t^{3/2}}} \int_{-\infty}^{+\infty} (y-\eta) U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{3/2} \Phi(\eta) d\eta + \\ &+ \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta U(\eta^2; -B) B^{1/2} F(y+2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\eta \end{aligned}$$

и обосновывающую эту формулу оценку

$$\begin{aligned} \left\| \frac{\partial}{\partial y} V(y, t) \right\| &\leq \frac{1}{\sqrt{\pi t}} \int_{-\infty}^{+\infty} |\eta| U(\eta^2; -B) B^{3/2} \Phi(y+2\eta\sqrt{t}) d\eta + \\ &+ \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} |\eta| U(\eta^2; -B) B^{1/2} F(y+2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\tau \leq \\ &\leq \frac{1}{\sqrt{\pi}} \left[\frac{1}{\sqrt{t}} \|\omega_{3/2}\|_0 + \|\gamma_{1/2}\|_0 \int_0^t \lambda_{1/2}(\tau) \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \right]; \end{aligned}$$

2) для частной производной $V_{yy}(y, t)$ – формула

$$\begin{aligned} \frac{\partial^2}{\partial y^2} V(y, t) &= -\frac{1}{4\sqrt{\pi t^{3/2}}} \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{3/2} \Phi(\eta) d\eta + \\ &+ \frac{1}{8\sqrt{\pi t^{5/2}}} \int_{-\infty}^{+\infty} (y-\eta)^2 U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{5/2} \Phi(\eta) d\eta + \\ &+ \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta U(\eta^2; -B) B^{1/2} F_y(y+2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\eta = \\ &= -\frac{1}{2\sqrt{\pi t}} \int_{-\infty}^{+\infty} U(\eta^2; -B) B^{3/2} \Phi(y+2\eta\sqrt{t}) d\eta + \frac{1}{\sqrt{\pi t}} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta^2 U(\eta^2; -B) B^{5/2} \Phi(y+2\eta\sqrt{t}) d\eta + \\ &+ \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta U(\eta^2; -B) B^{1/2} F_y(y+2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\eta \end{aligned}$$

и оценка

$$\left\| \frac{\partial^2}{\partial y^2} V(y, t) \right\| \leq \frac{1}{\sqrt{\pi}} \left[\frac{1}{2t} \int_{-\infty}^{+\infty} \omega_{3/2}(\eta^2) d\eta + \frac{1}{t} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta^2 \omega_{5/2}(\eta^2) d\eta + \int_0^t \tilde{\lambda}_{1/2}(\tau) \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} |\eta| \tilde{\lambda}_{1/2}(\eta^2) d\eta \right] =$$

$$= \frac{1}{\sqrt{\pi}} \left[\frac{1}{2t} \|\omega_{3/2}\|_{-1/2} + \frac{1}{t} \|\omega_{5/2}\|_{1/2} + \|\tilde{\gamma}_{1/2}\|_0 \int_0^t \tilde{\lambda}_{1/2}(\tau) \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \right];$$

3) для частной производной $V_t(y, t)$ – формула

$$\frac{\partial}{\partial t} V(y, t) = -\frac{1}{4\sqrt{\pi}t^{3/2}} \int_{-\infty}^{+\infty} U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{1/2} \Phi(\eta) d\eta +$$

$$+ \frac{1}{8\sqrt{\pi}t^{5/2}} \int_{-\infty}^{+\infty} (y-\eta)^2 U\left(\frac{(y-\eta)^2}{4t}; -B\right) B^{3/2} \Phi(\eta) d\eta + \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_{-\infty}^{+\infty} U(\eta^2; -B) B^{-1/2} F(y, t) d\eta +$$

$$+ \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta U(\eta^2; -B) B^{-1/2} F_y(y + 2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\eta =$$

$$= -\frac{1}{2\sqrt{\pi}t} \int_{-\infty}^{+\infty} U(\eta^2; -B) B^{1/2} \Phi(y + 2\eta\sqrt{t}) d\eta + \frac{1}{\sqrt{\pi}t} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta^2 U(\eta^2; -B) B^{3/2} \Phi(y + 2\eta\sqrt{t}) d\eta +$$

$$+ B^{-1} F(y, t) + \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta U(\eta^2; -B) B^{-1/2} F_y(y + 2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\eta$$

и оценка

$$\left\| \frac{\partial}{\partial t} V(y, t) \right\| \leq \frac{1}{\sqrt{\pi}t} \left[\frac{1}{2} \|\omega_{1/2}\|_{-1/2} + \|\omega_{3/2}\|_{1/2} \right] + \lambda_0(t) \|\gamma_0\|_0 + \frac{2}{\pi} \|\tilde{\gamma}_0\|_{1/2} \int_0^t \tilde{\lambda}_0(\tau) \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}}.$$

Итак,

$$BV_t = -\frac{1}{2\sqrt{\pi}t} \int_{-\infty}^{+\infty} U(\eta^2; -B) B^{3/2} \Phi(y + 2\eta\sqrt{t}) d\eta + \frac{1}{\sqrt{\pi}t} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta^2 U(\eta^2; -B) B^{5/2} \Phi(y + 2\eta\sqrt{t}) d\eta +$$

$$+ F(y, t) + \frac{1}{\sqrt{\pi}} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} \eta U(\eta^2; -B) B^{1/2} F_y(y + 2\eta\sqrt{t-\tau}, \tau) d\eta = \frac{\partial^2}{\partial y^2} V + F(y, t),$$

что и требовалось доказать.

4. Пример решения задачи Коши. Пусть в уравнении (1) оператор $B = -d/dx$. Полагая, что начальная функция $\varphi = \varphi(x, y)$, свободный член $f = f(x, y, t)$ и искомое решение $v = v(x, y, t)$ для всех значений $(y, t) \in R^1 \times [0, T]$ по переменной $x \in \bar{R}_+^1$ принадлежат пространству $C(\bar{R}_+^1)$, рассмотрим задачу Коши^{3*}

$$v_{xt} + v_{yy} + f(x, y, t) = 0, \quad x \in \bar{R}_+^1, y \in R^1, t \in]0, T], \quad (18)$$

$$v|_{t=0} = \varphi(x, y), \quad x \in \bar{R}_+^1, y \in R^1. \quad (19)$$

В рассматриваемом случае для выполнения условий теоремы 3 достаточно, чтобы начальная функция $\varphi(x, y)$ имела непрерывные частные производные по переменной x до третьего порядка включительно, принадлежащие по x пространству $C(\bar{R}_+^1)$, причем

* Уравнение (18) – это волновое уравнение, в котором в плоскости (x, t) сделан поворот на 45 градусов.

$$\begin{aligned} \sup_{y \in R^1} \left\{ \|\varphi(x+\tau, y)\|_C, \|\varphi_x(x+\tau, y)\|_C \right\} &\leq \omega(\tau) \in L_{1,-1/2}; \\ \sup_{y \in R^1} \left\{ \|\varphi_{xx}(x+\tau, y)\|_C, \|\varphi_{xxx}(x+\tau, y)\|_C \right\} &\leq \Omega(\tau) \in L_{1,1/2}; \end{aligned} \quad (20)$$

а свободный член $f(x, y, t)$ имел непрерывные частные производные $f_x(x, y, t)$, $f_y(x, y, t)$ и непрерывную смешанную производную $f_{xy}(x, y, t)$, принадлежащие по переменной x пространству $C(\overline{R_+^1})$, причем

$$\begin{aligned} \sup_{y \in R^1} \left\{ \|f(x+\tau, y, t)\|_C, \|f_x(x+\tau, y, t)\|_C, \|f_y(x+\tau, y, t)\|_C, \|f_{xy}(x+\tau, y, t)\|_C \right\} &\leq \lambda(t)\Psi(\tau), \\ \Psi(\tau) \in L_{1,0}; \sup_{y \in R^1} \|f_y(x+\tau, y, t)\|_C &\leq \Lambda(t)\Psi(\tau), \Psi(\tau) \in L_{1,1/2}, \end{aligned} \quad (21)$$

где $\lambda(t)$, $\Lambda(t)$ – непрерывные при $t \in [0, T]$ функции.

При выполнении условий (20), (21) решение задачи Коши (18), (19) в пространстве $C(\overline{R_+^1})$ согласно теореме 3 представляется в явном виде^{4*}

$$\begin{aligned} v(x, y, t) = &\frac{1}{4\pi\sqrt{t}} \int_{-\infty}^{+\infty} d\eta \int_0^{+\infty} \left[\varphi\left(x + \frac{(y-\eta)^2}{4t}, \eta\right) - \varphi\left(x+s + \frac{(y-\eta)^2}{4t}, \eta\right) \right] \frac{ds}{s\sqrt{s}} + \\ &+ \frac{1}{2\pi} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} d\eta \int_0^{+\infty} f\left(x+s + \frac{(y-\eta)^2}{4(t-\tau)}, \eta, \tau\right) \frac{ds}{\sqrt{s}} \end{aligned} \quad (22)$$

и для него справедлива оценка

$$\sup_{x, y \in \overline{R_+^1} \times R^1} |v(x, y, t)| \leq \frac{1}{\sqrt{\pi}} \|\omega\|_{-1/2} + \|\Psi\|_0 \int_0^t \lambda(\tau) d\tau. \quad (23)$$

Замечание. Для уравнения (18) соответствующее (12) «приближающее» уравнение имеет вид

$$\delta v_t = v_{xt} + v_{yy} + f(x, y, t), \quad (24)$$

т.е. решение $v(x, y, t)$ уравнения (18) получено как предел при $\delta \rightarrow 0+$ решения $v(x, y, t)_\delta$ уравнения (24):

$$\begin{aligned} v(x, y, t)_\delta = &\frac{1}{4\pi\sqrt{t}} \int_{-\infty}^{+\infty} \exp\left(-\delta \frac{(y-\eta)^2}{4t}\right) d\eta \times \\ &\times \int_0^{+\infty} \left[\varphi\left(x + \frac{(y-\eta)^2}{4t}, \eta\right) - \exp(-\delta s) \varphi\left(x+s + \frac{(y-\eta)^2}{4t}, \eta\right) \right] \frac{ds}{s\sqrt{s}} + \\ &+ \frac{1}{2\pi} \int_0^t \frac{d\tau}{\sqrt{t-\tau}} \int_{-\infty}^{+\infty} \exp\left(-\delta \frac{(y-\eta)^2}{4(t-\tau)}\right) d\eta \int_0^{+\infty} \exp(-\delta s) f\left(x+s + \frac{(y-\eta)^2}{4(t-\tau)}, \eta, \tau\right) \frac{ds}{\sqrt{s}}. \end{aligned}$$

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 13-01-00422-а.

* Формула (22) в точности совпадает с формулой решения соответствующего волнового уравнения, которую, для проверки результата теоремы 3, можно получить классическими методами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейн С.Г. Линейные дифференциальные уравнения в банаховом пространстве. М., 1967.
2. Свешников А.Г., Альшин А.Б., Корпусов М.О., Плетнер Ю.Д. Линейные и нелинейные уравнения соболевского типа. М., 2007.
3. Данфорд Н., Шварц Дж.Т. Линейные операторы. Общая теория. М., 1962.
4. Красносельский М.А., Забрейко П.П., Пустыльник Е.И., Соболевский П.Е. Интегральные операторы в пространствах суммируемых функций. М., 1966.
5. Иосида К. Функциональный анализ. М., 1967.
6. Berens H., Butzer P.L., Westphal U. Representation of fractional powers of infinitesimal generators of semigroups. Bull. Amer. Math. Soc. 1968, № 74, № 1, p. 191–196.
7. Самко С.Г., Килбас А.А., Маричев О.И. Интегралы и производные дробного порядка и некоторые их приложения. Минск, 1987.
8. Градштейн И.С., Рыжик И.М. Таблицы интегралов, сумм, рядов и произведений. М., 1963.

УДК 94(470)

РУССКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ НАРОДОВ РОССИИ

© Ш.А. ГАПУРОВ, В.Ю. ГАДАЕВ

Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

В статье рассматривается сложный процесс благотворного многовекового взаимодействия русской культуры и культур народов России, важным результатом которого явилось образование уникальной многонациональной российской культуры, составляющей культурный код и основу российской цивилизации.

Ключевые слова: русская культура, культура российских народов, российская цивилизация, культурный код российской цивилизации.

In article difficult process of salutary centuries-old interaction of the Russian culture and cultures of the people of Russia, which important result was formation of unique multinational Russian culture, making a cultural code and a basis of the Russian civilization is considered.

Key words: Russian culture, culture of the Russian people, Russian civilization, cultural code of the Russian civilization.

Современный мир характеризуется резким обострением противоречий во всех жизненно важных сферах человеческого бытия. Россия в сложившейся архисложной геополитической ситуации находится в мучительных поисках своего оптимального пути эффективного развития, терпеливо пытаясь ужиться среди далеко не милосердных конкурентов, не поступаясь при этом коренными интересами своего народа и основополагающими принципами международного права. И, как видно, нашей стране ныне удается фактически в одиночку с определенными сложностями противостоять беспрецедентным пронкам наших могущественных недоброжелателей. Секрет выживания в этой неравной борьбе кроется, в первую очередь, в удивительной жизнеспособности и стойкости российской цивилизации, представляющей собой исторически сформировавшееся уникальное полиэтничное, поликультурное, поликонфессиональное образование, простирающееся на громадных просторах Европы и Азии и занимающее ведущие позиции в современном геополитическом пространстве. В этой цивилизации испокон веков живут представители разных этносов, культур, религий, образовавшие на протяжении многих веков совместной жизни в рамках российского государства уникальную социальную систему, которая на протяжении столетий успешно противостояла любым драматическим превратностям истории, каждый

раз доказывая свою удивительную жизнеспособность. В этой системе доминирующее положение всегда занимал и ныне занимает русский народ со своей богатейшей самобытной культурой.

В течение многих веков русская культура и культуры других российских этносов, благотворно взаимодействуя, органически слились, что позволяет говорить об исторически сложившейся уникальной многонациональной российской культуре, составляющей основу российской цивилизации. Более того, данный исторически сложившийся социокультурный синтез можно обозначить как культурный код российской цивилизации. Культурный код российской цивилизации – это совокупность устоявшихся социокультурных, духовно-ментальных и религиозно-нравственных ценностей народов России, важными элементами которых выступают трудолюбие, религиозность, отзывчивость, гостеприимство, щедрость, широта души, терпение, стойкость, доброта, сила воли, мужество, смелость, свободолюбие, одаренность и т.д. Краеугольным камнем культурного кода российской цивилизации выступает ее этический кодекс, который формируется из таких нравственных начал, как человечность, справедливость, духовная чистота, благородство, почтительность, честь, выдержка, жертвенность и т.д. Именно культурный код российской цивилизации, жизнеутверждающее духовное единение российских этносов всегда выступали главным

источником долголетия нашего общества и государства, важным гарантом его жизнестойкости и непобедимости.

Плодотворное взаимовлияние русской культуры и культур народов России имеет глубокие исторические корни, что можно проследить, в частности, на примере народов Северного Кавказа. Проблема культурно-духовного взаимовлияния и сближения России и Северного Кавказа, русского и северокавказских народов в той или иной мере рассматривается в академических исследованиях, публицистике, СМИ в связи с юбилейными датами или со значимыми событиями во взаимоотношениях данных народов. Эти эпизодические обращения к данной теме вовсе не решают важную задачу всестороннего и глубокого освещения многогранной проблемы культурно-духовного взаимовлияния и сближения наших народов на протяжении многих веков. Касаясь данной проблемы в отношении национальной интеллигенции Чечни, Глава ЧР Кадыров Р.А. отмечал, что «вообще историческая роль России в формировании национальной интеллигенции, получившей до 1917 г. прекрасное и всестороннее образование, в зарождении национальных письменных художественных культур, по-моему, должным образом еще не осмыслена» [1, с. 3].

Проблема духовного единения русских и северокавказских народов нуждается в монографическом исследовании, создании целостной картины сложного и противоречивого процесса культурно-исторического взаимовлияния этих народов. Говоря образно, могучее дерево духовной культуры русского народа своими корнями уходит не только вертикально в толщу своей национальной жизни, но и горизонтально в сторону духовных культур соседних народов. То же самое можно сказать и о духовных культурах северокавказских народов, корни которых органически переплелись между собой и русской культурой еще с далекого исторического прошлого. В данной статье мы попытались обозначить некоторые исторические особенности взаимовлияния, сближения и единения русской культуры с культурами северокавказских народов. Этот длительный исторический процесс можно разделить на 3 этапа:

первый этап (до XVI в.) – время первого знакомства, начальных эпизодических культурно-духовных контактов;

второй этап (XVI–XVIII вв.) – установление разнообразных и постоянно крепнущих русско-северокавказских культурных связей и отношений;

третий этап (XIX–XX вв.) – интенсивное взаимополезное духовное общение, взаимовлияние и сближение, носителями которых, вопреки политике царизма, были широкие народные массы.

Культурные связи русских и народов Северного Кавказа, по свидетельству исследователей, уходят в седую древность. Еще со времен скифов и савроматов, по утверждению Е.И. Крупнова, население, например, Ассиновского ущелья Чечни было связано через своих соседей с народами Юго-Восточной Европы (т.е. «русов»). Эти связи выражались как в «бранных делах (военных походах и грабительских набегах), так и в мирных сношениях (процессе обмена)» [2, с. 3]. Восточные славяне еще далеко до возникновения древнерусского государства были знакомы с Северным Кавказом. Существует предположение, что русы появились на территории Северо-Восточного Кавказа в 643 г. [3, с. 13] О существовании с VII в. контактов русов с жителями Северного Кавказа отмечает дагестанский кавказовед Х.М. Хашаев.

Имеющиеся торгово-экономические и другие связи русских с народами Северного Кавказа в последующее время усиливаются, о чем в 846 г. пишет арабский географ Ибн-Хордадбе в своей «Книге путей и государств» [3, с. 13]. С образованием Киевской Руси связи русских с народами Северного Кавказа становятся более разнообразными и интенсивными. Существует немало фактов, свидетельствующих о тесных торговых связях Руси с Хазарией, в состав которой входила значительная часть Северного Кавказа. В столице Хазарии Итиле существовало несколько славянских кварталов, а многие славяне были перемещены сюда в 737 г. с Нижнего Поволжья. В этом огромном городе наряду с русскими купцами проживали самые разные народы Северного Кавказа. Эти народы вступали не только в торгово-экономические связи, но и налаживали культурные связи и отношения, обменивались духовными ценностями, учились друг у друга языку, письменности, усваивали традиции, быт, ментальное своеобразие и т.д.

Как известно, на Тереке находилась древняя столица Хазарии Семендер, предположительно расположенная в Северо-Восточной части Чечни. В этом городе действовали для мусульман мечети, для христиан – церкви, для евреев – синагоги [3, с. 14]. Этот факт говорит о том, что еще в раннем средневековье отдельные предки горцев были хорошо знакомы и с исламом, и с христианством, и с иудаизмом, у них существовали тесные духовные контакты с представителями данных кон-

фессий. Мы ничего не знаем о конфессиональной принадлежности этой части наших предков, однако можно предположить, что названные весьма развитые монотеистические религии, несомненно, оказывали на них глубокое влияние. Тесное общение между северокавказскими народами и русскими способствовало взаимообогащению их материальных и духовных культур. Анализируя русский памятник культуры XII в. «Слово о полку Игореве», Мальсагов Д.Д. отмечал, что «взаимодействие между русскими и северокавказскими народами и их языками было чрезвычайно интенсивным с древнейших времен, поэтому северокавказские языки и этнография этих народов могут дать ценные факты для понимания некоторых темных мест “Слова...”» [5, с. 121].

О духовном влиянии русских на культуру северокавказских народов говорят многие авторитетные историки. По утверждению Гриценко Н.П., еще с IX в. в Чечню, например, начала проникать христианская культура не только с Закавказья, но и от восточных славян. Анализ вайнахской (чеченской и ингушской) лексики «заставляет предполагать, – пишет Мальсагов Д.Д., – что христианское влияние шло в горы Центрального Кавказа не только с юга, но и с севера, от восточных славян» [5, с. 126].

Культурно-духовное общение горцев с русскими наполнялось жизненным содержанием и в результате развития их союзнических отношений. При наличии острой опасности они всегда обращались за помощью к русским. Когда арабы пытались овладеть Северным Кавказом, то горцы, как пишет Мухаммед Рафи, «собрались вместе, сопровождаемые воинами руссов, которые всегда поровну делили с ними добро и зло. Они с целью отразить мусульман и причинить им бедствие и вред появились около города, называемого Гурь» (Дербент. – Авт.) [3, с. 16]. Духовно-культурному сближению горцев и древних русичей способствовали их многократные совместные походы в Закавказье, о чем немало сказано в арабских источниках.

Следует сказать, что экономические, духовно-культурные связи горцев со славянами усиливаются с образованием Тмутараканского русского княжества. Город Тмутаракань на Таманском полуострове был важным связующим звеном между Северным Кавказом и Русью. Сюда обильно стекались товары со всей Руси, Северного Кавказа, из приморских городов, шел активный обмен самыми различными товарами и услугами, формировались и крепились соседско-дружеские отношения, интенсивно развивался процесс взаимо-

проникновения духовных ценностей, знакомства с традициями, обычаями, религиозными верованиями.

В середине XI в. границы Тмутараканской Руси продвигаются еще ближе к Северному Кавказу, что способствует усилению разносторонних связей Руси с Северным Кавказом. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные археологические находки на территории Северного Кавказа. А профессор Гриценко Н.П. даже утверждает, что «в середине XI в. на Северный Кавказ проникает и русский алфавит» [3, с. 17]. Духовному взаимообогащению и сближению горцев и русичей способствовало и то, что многие представители северокавказских народов находились на службе у русских князей, перенимали у русских воинов накопленный боевой опыт, военную смекалку, тактику ведения боя и т.д. «Я слышал от людей, – пишет Ибн Мискавейх, – видевших руссов, удивительные рассказы об их мужестве» [3, с. 18].

Рассматривая на основе имеющихся научных данных ранний этап русско-горских отношений, можно утверждать о наличии у них непосредственных контактов, духовно-культурных взаимосвязей. Корни этих взаимосвязей питались многогранной и богатой жизненной практикой добрососедского бытия русичей и кавказцев. Походы русских дружин на страны Южного Прикаспия, в которых участвовали кавказские союзники, заселение и экономическое освоение русскими азово-черноморского побережья, разгром Хазарии Святославом Киевским и его поход вдоль Северного Кавказа, становление русского Тмутараканского княжества, к которому тяготели горцы – вот лишь некоторые исторические реалии, подтверждающие вышесказанное.

Поход в 967 г. князя Святослава на Хазарию был хорошо известен кавказцам, ибо разрушенная княжеским войском отлично укрепленная хазарская крепость находилась у современной станицы Шелковская Чеченской Республики. Конец Хазарского каганата способствовал дальнейшему развитию разносторонних связей русских и северокавказских народов, установлению между ними добрососедских и даже родственных отношений. Например, русские и грузинские летописи сообщают о пребывании в XII в. русского князя Юрия у «родственников матери своей Ясыни в городе на берегу Сунжи». «Ясами» русские называли алан, а их государственное образование называлось Алания. А город на Сунже, по мнению исследователей, – это раннесредневековое городище рядом с Грозным Алхан-Кала, которое,

по одной из версий, восходит к ранней столице Алании «города Магаса» [5, с. 103–104].

Наличие ранних русско-горских связей подтверждается археологическими находками (булавы, топоры, нательные кресты, различные украшения из серебра и янтаря, выполненные на Руси) у селений Алхан-Кала, Майртуп, Мартанчу, а также мнением, что Овлур в «Слове о полку Игореве», помогавший русскому князю бежать из половецкого плена, по происхождению вайнах.

Крепнувшие разносторонние связи горцев с Русью были надолго прерваны монгольскими завоеваниями, а затем и нашествием Тимура, поработившими эти народы с 1240 по 1480 г., т.е. более чем на два с половиной века. Однако даже в это весьма сложное и драматическое время взаимный интерес и симпатии не покидали северокавказские племена и русичей. Многие русские люди бежали на Северный Кавказ, спасаясь от монгольской тирании. В этой связи весьма показательна судьба бродников (этнографическая группа славян), которые нашли спасение и приют в горах Чечни. Немало кавказцев проживало совместно с русскими в золотоордынских городах; они знакомились с русскими, совместно участвуя в вынужденных военных походах завоевателей. А русские князья, сопровождавшие их бояре, дружинники, летописцы, священники, торговые люди неоднократно посещали монгольские кочевья на Чеченской равнине, в том числе и на берегах Сунжи. Опальный русский князь Михаил Ярославич Тверской в 1318 г. был вызван ханом Узбеком в свою ставку и убит на берегу Сунжи в районе современного Карабулака. О том, что русские питали дружеские чувства к вайнахам, говорит тот факт, что дружина князя накануне его злодейского убийства предлагала ему бежать в горы к вайнахам и спастись от неминуемой смерти.

После свержения монгольского ига на Руси и распада Золотой Орды временно ослабленные связи русского народа с горцами Северного Кавказа вновь начинают оживать. Новый импульс их развитию придает геополитическая ситуация на Кавказе в постмонгольский период, которая характеризовалась реальной опасностью завоевания горцев Турцией или Ираном. Эта опасность была в значительной мере нейтрализована усилением влияния Русского государства на Северном Кавказе, с построением в 1588 г. в устье Терека нового города Терки. «С приходом России, – замечает грузинский историк В.А. Гамрекели, – изменилось международное положение на Кавказе и в Передней Азии; для Грузии и в Грузии, как и на всем Кавказе, создается совершенно новая

межнациональная ситуация, преобразованию подвергалась социально-политическая организация, возникают новые факты и обстоятельства в хозяйственно-экономической жизни народа...» [6, с. 16]. Именно с этого периода и начинается второй этап всестороннего, в том числе и культурно-духовного, сближения северокавказских племен с Россией.

Следует подчеркнуть, что в этот период русско-горские отношения реализовывались не только непосредственно, но и опосредованно, в частности, через Грузию, с которой горские племена имели тесные культурно-духовные, экономические и союзнические отношения. Например, чеченцы составляли не только часть грузинских войск, но и служили при дворе грузинских царей. Об этом свидетельствует такой исторический факт: когда в 1492 г. грузинский царь Александр снарядил посольство в Москву, то в его состав был включен «щеченец (чеченец) Хоземарум» [3, с. 24].

Конец монгольского ига и активное противодействие восточным монархиям со стороны России способствовали географическому сближению русских и кавказцев, в частности чеченцев. Последние начали спускаться с гор на плоскость, ближе к Тереку и Сунже, а русские поселения продвинулись на юг вплотную к этим рекам, что привело к образованию целых казачьих поселений. Географическая близость стимулировала разносторонние отношения между русскими и чеченцами. Характеризуя сложившуюся духовно-культурную ситуацию той поры, Л.Н. Толстой писал, что «живя между чеченцами, казаки породнились с ними...». Крепнувшие русско-вайнахские связи к концу XVI в. были юридически оформлены в 1588 г., когда предводитель общества ококов (вайнахов, живших на плоскости в близи границ Дагестана) Ших-Мурза и подвластные ему чеченцы добровольно приняли присягу на верность России. В этот период особенно усиливаются миграционные процессы русских на берега Терека и Сунжи, резко увеличивается население казачьих городков и станиц, а город Терки становится главным военным, административно-торговым и духовно-культурным центром Северо-Восточного Кавказа.

Уже к 20-м гг XVII в. Терки превратился в огромный город, куда съезжались деловые люди, политики, дипломаты, путешественники не только с России и Кавказа, но и Ирана, Турции и т.д. Вокруг Терки возникают слободы: Черкасская, Татарская, Окоцкая и др. Особенно внушительным селением была Окоцкая слобода, в которой

жили чеченцы. Проживая рядом с русским населением, чеченцы занимались, как и все соседи, скотоводством, земледелием, пчеловодством, ремеслом, торговлей и т.д. Вместе с тем, многие чеченцы находились на службе у терских воевод, были переводчиками, встречали и провожали посольства, с разными заданиями отправлялись в горы к соплеменникам. Немалая часть чеченцев выполняла при терских воеводах и ратную службу: защищали русские пограничные рубежи от турецко-крымских и персидских вторжений, принимали участие в длительных походах вместе с терскими, гребенскими, донскими казаками, стрельцами и другими боевыми частями русско-го воинства.

Сложившиеся многогранные русско-горские отношения после разгрома г. Терки вовсе не ослабли, а напротив, с созданием в 1735 г. крепости Кизляр еще более укрепились. Таким образом, к XVI–XVII вв. постоянно крепнувшие русско-северокавказские связи во всех сферах совместной жизни способствовали их культурно-духовному сближению, установлению дружеских отношений, братской солидарности в борьбе против иноземных агрессоров. Немало было здесь и родственных связей. Как пишет И. Попко, казаки тесно дружили с «соседними чеченскими обществами, из которых брали даже себе жен» [7, с. 5].

XVIII-й в. в русско-горских отношениях характеризуется интенсификацией добрососедских связей, их дальнейшим расширением и углублением. В этот период на Северном Кавказе более интенсивно развиваются и укрепляются российские поселения, строятся новые, стратегически весьма важные города Моздок, Владикавказ. С другой стороны, с вековых насиженных мест, затерянных среди высоких гор, недоступных горных ущелий и предгорий, ближе к российским поселениям потянулись целые горские аулы, что способствовало небывалому расширению их культурно-духовных отношений и связей. Итог данных процессов подвел договор от 21 января 1781 г. о принятии в подданство России значительной части горских обществ, который открыл новые перспективы развития культурно-духовных взаимосвязей. Данный договор предусматривал, в знак его надежности с горской стороны, пребывание в России аманатов. Здесь необходимо особо отметить, что с 80-х гг. XVIII в. общий статус горских аманатов в России переосмысливается. Аманаты фактически играют роль не заложников, а как бы «депутатов и посланников народов кавказских» [8, с. 70]. Находясь в новой социокультурной среде, в условиях активного

влияния российского образования и просвещения, а через них и европейской культуры, аманаты становились высококультурными и образованными горцами, которые впоследствии оказывали цивилизующее влияние на своих соплеменников и активно способствовали духовно-культурному взаимообогащению русских и кавказцев.

Третий этап русско-горских культурно-духовных связей сопровождается утверждением на Северном Кавказе военной администрации, насаждением среди горцев самодержавных порядков. Наметившиеся, а затем и усилившиеся реакционные тенденции в северо-кавказской политике царизма в значительной мере, особенно в первой половине XIX в., ослабили крепнущие братские, духовные связи и отношения русских и горцев, а Кавказская война и вовсе поставила их под угрозу существования. Однако даже в этот трагический период нашей истории уничтожить нажитое духовное богатство, разорвать братские связи русских и чеченцев никому не удалось, ибо дружба эта была не между русскими царями и местными князьями, а трудящимися горцами и угнетенным простым русским народом. И даже в этот драматичный период уже давние соседи жили своей обычной жизнью и, как писали в ту пору, «как и всякие соседи, ссорились и мирились, угоняли скот и дарили лихих скакунов, менялись оружием и торговали хлебом, похищали девушек и пировали на свадьбах, запоминали кровных врагов и братались с кунаками» [9, с. 36].

С середины XIX в., несмотря на усиление колонизаторских, бюрократических порядков в крае, русско-горские отношения начинают все более расширяться и углубляться, набирать новую беспрецедентную динамику. Например, многие чеченцы, покидая свои родные места, начинают жить среди русских. «Действительно, чеченцы тогда уходили к русским», – свидетельствует первый чеченский этнограф У. Лаудаев. Уходили чеченцы в казачьи станицы по разным причинам: на заработки, по причине кровной мести, в связи с умыканием девушек, да и просто молодые влюбленные для создания новой семьи вдали от родственников и т.д. В свою очередь в чеченские аулы уходили на заработки терские казаки, многие старообрядцы, не признававшие царской власти, крепостные крестьяне тайными путями прибывали из центральных районов России, Украины и из других мест, в одиночку и группами бежали в горы солдаты, казаки во время Кавказской войны. В 1843–1845 гг. в ауле Дарго (Чечня) было около 500, а в Ведено – более 300 русских беглых солдат, «одетых в черкески и живущих довольно

хорошо, а многие были женаты на чеченках» [3, с. 61]. Постепенно в горной части Чечни вырастают целые поселения из переселенцев, «обитатели которых до сих пор почитаются русскими, хотя они давно очеченились и почти ничем не отличаются от коренных жителей» [10].

Вследствие таких интенсивных русско-чеченских взаимопроникновений развивались процессы взаимообогащения в хозяйственной жизни, семейно-бытовой сфере, кулинарии, особенно в культурно-духовной сфере. Терские казаки могли играть на горских музыкальных инструментах: зурна, свирель, барабан. Как и чеченки, на гармонике играли казачки. Чеченцы переняли у русских гармонику. Казаки переняли у чеченцев не только мелодии горских песен, но и формы танца. Возникший в станице Наурская круговой темпераментный танец – наурская лезгинка – стал как бы национальным танцем терских казаков [3, с. 68]. Многие обычаи, обряды, конкретные ритуалы, навыки народной медицины и другие ценности, веками нажитые русскими и чеченцами, стали достоянием двух породнившихся народов.

XIX в., сложнейший период в российско-горских отношениях, вместе с тем оказался веком глубоких культурных и духовных взаимовлияний. Необходимо отметить, что на третьем этапе русско-горских отношений Россия в лице своих великих сынов (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Толстой, Бестужев-Марлинский и т.д.), открыла для себя и освоила первозданную и самобытную культуру кавказцев, приобрела новый стимул к обогащению русской культуры, постановке актуальных философских проблем и их идейно-художественному решению. Великие русские писатели той эпохи во многом обязаны Кавказу в своем триумфальном восхождении на невиданную вершину творческой славы. Вспоминая свои годы в Чечне, например, Л.Н. Толстой с гордостью скажет: «Это было и мучительное, и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в это время, продолжавшееся два года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением» [11, с. 7]. Одно из самых важных убеждений, приобретенное здесь Толстым, основывается на распространенном в Чечне миролюбивом и миротворческом учении мусульманского суфизма, важным принципом которого было ненасилие. Огарев назвал Кавказ приютом русского свободомыслия. По словам Белинского: «Кавказ сделался для русских заветной страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и

смелых мечтаний» [12, с. 373]. А горцы, в свою очередь, в значительной мере приобщились к великой русской, а затем через нее и к передовой европейской культуре.

Одним из важных результатов такого благотворного влияния русской культуры на духовную жизнь горцев явились неопределимые усилия передовой русской интеллигенции в создании национальных письменностей. Главный вклад в это благородное дело внес великий русский гуманист П.К. Услар. Самые первые попытки создания, например, чеченской письменности на основе кириллицы были предприняты еще в конце XVIII в. Так, в 1787 г. Российской академией был издан сравнительный словарь П.С. Палласа, где указано свыше 400 слов чеченского языка. Независимо от своих предшественников-лингвистов одним из первых использовал русские буквы для написания вайнахских песен на чеченском языке Л.Н. Толстой. Песни эти переведены и литературно обработаны в начале XX-го в. профессором Н.Ф. Яковлевым. Братское духовное единение русских и вайнахов воплотилось в судьбах знаменитых чеченцев – генералов Александра Чеченского, Валериана Чеченского, академика Петра Захарова («художника из чеченцев») и т.д.

Богатый событиями в социально-экономической и политической жизни России, бурный XX-й в. дал новый импульс для интенсивного развития русско-горских культурно-духовных связей. Находясь в едином культурно-духовном пространстве России, отдельные представители северокавказских горцев в начале XX в. активно приобщались к функционирующей системе образования и просвещения. Ярким примером такого приобщения была деятельность чеченцев братьев Ахметхана и Исмаила Мутушевых, которые получили образование в г. Владикавказ. Главной целью своей деятельности братья Мутушевы видели просвещение горских племен, приобщение их к передовой русской культуре. И. Мутушев был автором «Проекта устава общества распространения образования и технических сведений среди чеченцев Терской области», а в 1908 г. он организует «Общество распространения просвещения среди чеченцев». Создание такого общества было радостно встречено не только чеченцами, но и русскими рабочими. Историк А. Вацуев пишет, что осенью 1917 г. старопромысловские рабочие из Чечни выделили из своего заработка довольно значительную сумму денег и заказали за счет этих средств шрифт для чеченской письменности [13, с. 96]. Как истинный сын своего народа И. Мутушев мечтал о том, что «в скором

будущем у нас будут свои адвокаты, доктора, инженеры, агрономы, офицеры, учителя и т.п., люди разных специальностей, в которых мы так сильно нуждаемся» [13, с. 96].

Эти мечты И. Мутушева в значительной мере были реализованы после Октябрьской революции в России. Как бы современные потомки не относились к этой революции, однако неоспоримым фактом является то, что после этих фундаментальных сдвигов в российском обществе на Северном Кавказе начинает более интенсивно развиваться национальная письменность, впервые рождается своя художественная литература, на родном языке начинают выходить книги, учебники для школ, газеты, открываются культпросветучреждения, театры, филармонии, научно-исследовательские институты, в которых разрабатываются проблемы национальных языков, литератур, истории, этнографии, духовной культуры вообще. Создается своя национальная интеллигенция: ученые, писатели, деятели литературы и искусства. Важным позитивом в деятельности новой власти были предпринятые беспрецедентные усилия по ликвидации неграмотности среди горцев. В создании и развитии их духовной культуры огромную помощь оказывает русская интеллигенция, которая способствовала не только духовному развитию горцев, но и активному приобщению их к передовой русской и мировой культуре, формированию нового мышления, светского мировосприятия и мироощущения.

Общеизвестно, что разгул тоталитарной политической стихии не обошел стороной и северокавказские народы, которые сполна испытали его чудовищно-кровавый прессинг, но и в это трагическое время культурно-духовные связи горцев и русских не прерывались. Во время депортации некоторых кавказских народов русская интеллигенция продолжала оказывать и там позитивное духовное влияние на них: учителя в школах учили горских детей, и это было весьма качественное образование. Из этих учеников впоследствии выросли первые крупные ученые, известные не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Новая страница в культурно-духовных связях между русскими и народами Северного Кавказа, особенно депортированными народами, была открыта в постдепортационный период. Здесь следует особо сказать о той огромной роли, которую сыграли наряду с учителями других национальностей русские учителя в развитии культуры, образования и просвещения среди пострадавших от репрессий народов. Благодаря их братской, интернациональной помощи молодое поколение

северокавказцев достигло такого качественного культурно-образовательного уровня, которого впоследствии превзойти (да и достигнуть) так и не удалось.

С глубокой благодарностью в этой связи необходимо отметить работу в тот период русской интеллигенции в культпросветучреждениях, больницах, колхозах и совхозах, в разных отраслях народного хозяйства Северного Кавказа. Огромная армия русских специалистов самоотверженно трудилась в городах, поселках, самых отдаленных селах, хуторах и аулах северокавказских республик, передавая горцам свои знания и опыт, оказывая на них благотворное духовное влияние и в то же время духовно самообогащаясь, перенимая от них непреходящие ценности их самобытной культуры.

Культурно-духовные связи русских и северокавказских народов, как видно, своими корнями уходят в глубь веков. Конечно, в многовековой истории взаимоотношений наших братских народов были, к сожалению, и драматические события, и кровавые страницы. Но к этому трагическому прошлому наши народы не имеют отношения, и их винить в этом было бы несправедливо. Народы вообще хотят жить в мире и согласии, честно трудиться, наслаждаться жизнью, мешают им в этом некоторые правители. Рассматривая полноводную и бурно текущую из глубины веков реку русско-горских отношений, мы отчетливо видим у нее два берега. На одном берегу мы обнаруживаем периодически возникающие драматические события и кровавые столкновения, а на другом берегу – братские, дружеские и даже родственные отношения, постепенно набирающие силу благотворные, взаимообогащающиеся культурно-духовные связи, искреннее желание к духовному общению и сближению. Эти идущие из далекого прошлого двуединые процессы необходимо изучать и объективно отражать в научной печати, СМИ, активно пропагандировать среди людей.

Духовный мир русских и кавказцев во многом формируется под влиянием нашего противоречивого исторического прошлого. В этой связи следует особо отметить, что негативные страницы былых русско-горских противоречий не следует постоянно смаковать и конъюктурно выпячивать. Конечно, драматическое прошлое нельзя забывать, хотя бы потому, что оно не должно повториться, однако, по нашему мнению, нецелесообразно вспоминать и писать историю уж слишком драматичной и кровавой. Напротив, новое поколение необходимо воспитывать на ярких по-

ложительных примерах, которыми переполнено наше прошлое, убеждать наших граждан в том, что уже в глубокой древности совершилась состыковка двух наших культур и, как пишет Глава ЧР Кадыров Р.А., «ценности которых с тех пор, наподобие взаимосоединяющимся сосудам, перетекают из одной культуры в другую» [1, с. 3]. Представители, например, творческой интеллигенции могут во много крат усилить воспитательный эффект, используя этот благодатный исторический материал для написания художественных произведений, постановки спектаклей и съемок кинофильмов.

Классики русской литературы и передовая русская интеллигенция никогда не чернили историю взаимоотношений Кавказа и России. Психологи из МГУ высказывают интересную мысль: они считают, что историческую память людей необходимо освобождать от былых драматических подробностей и насыщать ее положительными фактами и событиями. «Поведение людей зависит от того, что они помнят» – так называется статья этих ученых [14]. Русские и народы Северного Кавказа должны из прошлой своей истории помнить в основном позитивное, жизнеутверждающее, в этом случае положительной будет и практика межнациональных и межкультурных отношений.

В связи с вышеизложенным необходимо добавить следующее. Впереди мы уже отмечали, что основу российской цивилизации составляет многонациональная российская культура как эффективно функционирующая социокультурная система, состоящая из национальных культур, в которой ведущие позиции занимает русская культура. Жизнеспособность данной системы исторически обеспечивалась плодотворным взаимовлиянием и взаимообогащением русской культуры и культур народов России. Более того, благодаря русской культуре, русскому языку многоязыковые национальные культуры могли эффективно общаться, взаимообогащаться, оказывать благотворное влияние друг на друга. Через русский язык, русскую культуру национальные культуры имели возможность выходить на мировой уровень, пользоваться благами мировой культуры, обогащаться ее непреходящими достижениями и ценностями.

Особо следует сказать о взаимовлиянии русской культуры и культур мусульманских народов России. Их внутреннее взаимооттяготение и исторически устоявшееся приязненное отношение друг другу объясняется многими причинами, важной из которых, на наш взгляд, является сле-

дующая. Как известно, в формировании и развитии русской культуры огромное влияние оказало православное христианство, а на культуру российских мусульман – исламская религия. Исторически эти две религиозные системы имели тесные связи и взаимовлияния как фундаментальные духовные опоры двух соседних великих империй – Халифата и Византии. Именно у колыбели рождающегося исламского мира стояла православная культура, вобравшая в себя богатейшее античное наследие и оказавшая глубокое влияние на мусульманскую культуру. Именно эти две духовно близкие мировые религии затем устремились далеко на север, чтобы стать духовным стержнем культуры русичей, народов Поволжья, Северного Кавказа, выступить созидательной и благотворной основой их образа жизни. Эти две великие религиозные системы в принципе не могут строить свои отношения на негативной основе, ибо они совместно реализуют великую миссию – воплощают в жизнь наших братских народов жизнеутверждающие божественные заповеди. Поэтому между ними ни на каком этапе истории не было противостояний, взаимогонений, ни тем более войн. Не случайно Президент РФ В.В. Путин отметил, что, по мнению некоторых теоретиков, православие ближе к исламу, чем к католицизму. А Никита Михалков заявил: «Я считаю, что ислам, особенно российский ислам, намного ближе к православию, чем католицизм. По духу – горячему и искреннему – мы намного ближе друг к другу, так это сложилось исторически» [15].

Все сказанное выше не может не вызывать чувства удовлетворения за исторически сложившееся культурно-духовное родство наших народов. Вместе с тем вызывает огромную тревогу то обстоятельство, что многонациональная российская культура, составляющая могучую основу российской цивилизации, в наше время испытывает серьезные проблемы. Они обусловлены постепенным вытеснением русского языка и русской культуры из устоявшейся системы национальных культур, начало которому дали драматические события в новейшей истории РФ. Образовавшийся вакуум в национальных культурах стремительно начали заполнять чуждые им заморские социокультурные ценности, в частности радикалистско-экстремистские учения, идеологии, стандарты западного образа жизни, установки универсалистской, разлагающей массовой культуры и т.д. Спекулируя на позитивных процессах духовно-культурного и религиозного возрождения в нашей стране, пришлые социокультурные ценности начали занимать команд-

ные высоты в духовной культуре российских народов, оттесняя на задворки русский язык и русскую культуру. В странах СНГ этот процесс привел к драматическим последствиям. Народы этих стран и их культуры в прошлом весьма успешно общались между собой и с окружающим миром на русском языке, эффективно развивали все жизненно важные сферы своего социального бытия. Ныне этот язык постепенно вытесняется из жизни этих народов, оставляя их основную массу наедине со своим одним национальным языком, что создает огромные проблемы в их поступательном развитии и общении с окружающим многоязыковым миром. Является ли альтернативой русскому языку английский, либо арабский или турецкий и т.д., покажет время, пока же существуют лишь серьезные проблемы, связанные с ослаблением позиций русского языка в социокультурной жизни этих народов. Нечто подобное ожидает и огромное множество российских этносов, если не предпринять необходимый комплекс усилий по защите русского языка и русской культуры в национальных регионах РФ. Более того, промедление в решении данной проблемы может привести к разрушению культурного кода рос-

сийской цивилизации, что чревато более серьезными последствиями. Речь вовсе не идет о русском языково-культурном засилье в жизненном пространстве народов России, здесь, безусловно, приоритет принадлежит национальному языку и национальной культуре.

Из всего сказанного можно заключить, что современный мир, к сожалению, находится в состоянии глубокой турбулентности и российским народам придется приложить титанические усилия, чтобы не попасть в ее смертоносный поток. Мы сможем эффективно противостоять этим потокам, если сохраним российскую цивилизацию и ее фундаментальную основу – многонациональную российскую культуру, живительным ядром которой выступает русская культура. Российские народы в этом сложном водовороте жизни смогут успешно продолжить свой исторический полет к заманчивым просторам будущего цивилизационного бытия только при наличии двух мощных крыльев – национальной культуры и русской культуры, не забывая при этом великую истину, озвученную блаженным Клементом Римским, что народы не могут жить друг без друга, «ни великие без малых, ни малые без великих».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кадыров Р.А.* Вместе плечом к плечу // Информационно-аналитический журнал «Поколение лидеров». Грозный, 2008.
2. *Крупнов Е.И.* О чем говорят памятники материальной культуры ЧИАССР. Грозный, 1961.
3. *Гриценко Н.П.* Истоки дружбы. Грозный, 1975.
4. *Мальсагов Д.Д.* О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. I, вып. 2. Грозный, 1959.
5. *Магомадова Т.С.* Первые сведения в русских летописях о территории Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. XI. Грозный, 1977.
6. *Гамрекели В.* Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в 18 в. Тбилиси, 1968.
7. *Попко И.* Терские казаки с стародавних времен. Вып. I. СПб., 1880.
8. *Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.У.* Навеки вместе. Грозный, 1980.
9. *Алиева З.* Великие россияне в судьбах вайнахов // Информационно-аналитический журнал «Поколение лидеров». Грозный, 2008.
10. *Калоев Б.А.* Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // «Советская этнография». №2. М., 1961.
11. *Акаев В.Х.* Шейх Кунта-Хаджи и Л.Н.Толстой: ненасилие и диалог культур // Л.Н.Толстой и шейх Кунта-Хаджи Кишиев: проблемы мира и гуманизма. Грозный, 2006.
12. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. Т. 7.
13. *Туркаев Х.В.* О некоторых особенностях развития общественно-просветительской мысли чеченцев и ингушей в 1890–1917 годы // «Русская художественная культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей». Грозный, 1982.
14. Газ. «Известия». 20.12.2003.
15. (islam-portal.ru)Новости>Новости России>13290).

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XIX В.

© Д.С. КИДИРНИЯЗОВ

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

В статье на основе анализа разнообразных архивных и литературных источников рассматривается политика России на Северном Кавказе в изучаемое время. В этот период в ходе острого русско-иранского и русско-турецкого противоборства России удалось вытеснить своих соперников в регионе. После подписания Гюлистанского мира с Ираном Россия представляла основную внешнеполитическую силу, влияющую на внутренние дела в регионе. По мнению автора, в рассматриваемый период между Россией и народами Северного Кавказа в основном существовали мирные отношения, за исключением отдельных антироссийских выступлений местных феодальных владетелей.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, Иран, Турция, Гюлистанский договор, Кавказская линия, военная экспедиция.

The article is based on the content analysis of the diverse archival and literary sources and is devoted to the examination of the Russian policy in North Caucasus in the given period.

In the course of tense Russian-Iranian and Russian-Turkish confrontation, Russia managed to oust its rivals in the region. Following the Treaty of Gulistan Russia was the main foreign force impacted on the internal affairs of the region.

According to the author's opinion the relations between the peoples of North Caucasus and Russia were mostly peaceful except some anti-Russian actions of local feudal lords in the given period.

Key words: North Caucasus, Russia, Iran, Turkey, the Treaty of Gulistan, the Caucasian military line, armed expedition.

После Бухарестского (1812 г.) и Гюлистанского (1813 г.) мирных договоров Россия укрепила свои позиции на Кавказе. С этого времени Северный Кавказ все более становится сферой внутренней политики Российской империи, хотя и остается ареной острых международных противоречий.

Персия не оставляла притязаний на пересмотр Гюлистанского договора. Шахский Иран против России подстрекал Лондон. Англия не желала развития российской торговли и влияния в Иране. В 1814 г. английское правительство возобновило союзный договор с шахским двором, обязалось снабжать его субсидиями в случае войны Персии с любой державой, а шах по-прежнему считал своими Грузию, Дагестан и часть Азербайджана, включенные в состав Российского государства.

Готовясь к новой агрессии на Северном Кавказе, шахский Иран и султанская Турция посылали своих эмиссаров с ценными подарками и деньгами для подготовки выступлений местных народов против России. Шах и султан в антирусских действиях в регионе имели поддержку в лице Сурхай-хана, Ших-Али-хана, грузинского

царевича Александра и нескольких антироссийски настроенных местных владетелей.

Во втором десятилетии XIX в. владетели Аварии, Мехтули и другие, недовольные активизацией российской политики, изменили свое отношение к России. Выступая против России, они обращались за поддержкой к шахскому Ирану и Османской империи, что давало поводы шаху и султану вмешиваться во внутренние дела Северного Кавказа под предлогом «защиты своих эмиров», которым якобы угрожала опасность со стороны русских. Однако, несмотря на всяческие старания восточных держав, им не удалось в 1813–1817 гг. добиться серьезных осложнений в отношении России с народами Северного Кавказа. В эти годы между Россией и народами региона в целом существовали мирные отношения, за исключением отдельных антироссийских выступлений. Так, в июле 1813 г. Сурхай-хан Казикумухский выехал в Персию, чтобы просить помощи у правительства для продолжения своей антироссийской борьбы [1, с. 17]. Шах обещал ему военную помощь [2, с. 621–624]. Сурхай-хан в течение 1814–1815 гг. безуспешно пытался овладеть Кюринским ханством. В августе

1815 г. в столкновении с российскими войсками он понес большой урон. Обещанная помощь из шахского Ирана не последовала. В июле 1816 г. Сурхай-хан снова принял российское подданство [3, с. 628–629]. Некоторые владетели Дагестана, такие как Султан-Ахмед-хан Аварский, Гасан-хан Дженгутайский, анцухцы не решились на антироссийские выступления [2, с. 830].

В 1813–1816 гг. российской администрации удалось стабилизировать обстановку в Кабарде. Ген.-л. Н.Ф. Ртищев разрешил адыгам свободно торговать в городах Кавказской линии и пасти скот в пустопорожних землях [4, с. 209]. Кроме того, в 1815 г. кабардинцам и другим «мирным» горцам было разрешено свободно и бесплатно брать соль в соляных озерах Кавказской губернии [5, с. 479]. Однако все эти меры российских властей не дали особых результатов. Полного спокойствия в Кабарде не наблюдалось.

Следует отметить, что система отношений главнокомандующего на Кавказе ген.-л. Н.Ф. Ртищева с местным населением была более-менее эффективна на Северо-Западном Кавказе. В частности, большой положительный результат в отношениях России с народами Закубанья дала организация меновой торговли. Это позволило, например, в 1811 г. ногайскому приставу Султану Менгли-Гирею привести к присяге несколько западноадыгских племен [5, с. 837–839]. Когда во время российско-османской войны 1806–1812 гг. закубанцы стали совершать вылазки на казачьи поселения и пророссийски настроенные местные мирные аулы, против закубанцев совместно с русским отрядом во главе с подполковником Еремеевым выступили ногайцы во главе с Батыршой, численностью 1 тыс. человек [5, с. 176]. Кубанские ногайцы также приняли активное участие и в экспедициях ген. С.А. Булгакова по закубанским аулам с целью пресечения нападений на мирные населенные пункты. Особенно отличился ногайский пристав ген.-м. Султан Менгли-Гирей. За свои заслуги, по ходатайству ген. С.А. Булгакова, он был награжден орденом св. Георгия 4-й степени [6, с. 177]. Следует отметить, что эти меры были направлены на то, чтобы не допустить массовых антироссийских действий закубанцев в ходе российско-османской войны 1806–1812 гг.

Однако, несмотря на эти факты дружеских контактов российских властей с народами Закубанья, все же иногда османским эмиссарам удавалось влиять на часть западных адыгов. Так, в сентябре 1813 г. султанскому агенту Назиру Сеид-Ахмед-эфенди при поддержке группы западных адыгов удалось увести 20 тыс. ногайцев

Правобережной Кубани в Закубанье. Этот факт обострил обстановку на Кубанской линии [7, с. 161]. Командующий войсками на Кавказской линии ген. Г.М. Портнягин отдал приказ вернуть ногайцев. Однако сделать это не удалось. Ногайцы остались в горах у черкесов. Согласно автору начала 20-х гг. XIX в. И. Дебу, Г.М. Портнягин провел военную экспедицию в Закубанье до р. Белая и «в продолжение сего поиска неоднократно сшибками наказал покрывателей убежавших ногайцев» [8, с. 178–183].

Тем не менее, главнокомандующий российскими войсками на Кавказе ген.-л. Н.Ф. Ртищев обвинил ген. Портнягина в том, что он допустил вторжение Назира Сеид-Ахмед-эфенди на Правобережную Кубань, ошибочно решил преследовать ногайцев, вместо того, чтобы обеспечивать сохранность скота у ногайцев – залог возвращения ногайцев, способствовал разграблению их имущества [8, с. 146–147].

Таким образом, невзирая на усилия шахского Ирана и султанской Турции, им не удалось добиться на Северном Кавказе антироссийских выступлений. Значительная часть северокавказцев не шла на конфронтацию с Россией.

Несмотря на огромное укрепление позиций Петербурга в Европе, российское правительство не было готово направить на Северный Кавказ крупные военные силы. Финансы страны были расстроены войнами, основная часть армии находилась у западных границ. Кроме того, военных линий на Северном Кавказе не хватало для распространения на его территории своей административной и военной власти, а отношения России с Иранской державой и Османской империей угрожали в будущем новыми конфликтами. В этих условиях российское правительство решило направить на Кавказ героя Отечественной войны 1812 г. ген. А.П. Ермолова, надеясь, что его опыт поможет упрочить положение России в регионе и избежать новой войны с шахским Ираном.

В начале мая 1816 г. ген. А.П. Ермолов был назначен главнокомандующим на Кавказе, а в июне – чрезвычайным послом в Иране.

В 1817 г. ген. А.П. Ермолов выехал в Персию. В инструкции императора Александра I ему вменялось достичь соглашения о границе по Араксу и мира с шахом. Следует отметить, что миссия Ермолова А.П. не увенчалась решением споров о границе, но он, тем не менее, вернулся с уверенностью, что в ближайшее время шахский Иран войну не начнет.

А.П. Ермолов развернул на Кавказе кипучую деятельность. По его предложению российское правительство предписывало отмежевать казакам

правового фланга Кавказской линии по 30 дес. земли на душу, а казакам левого фланга линии по Тереку – по 50 дес. земли [9, с. 33].

А.П. Ермолов разработал также широкий план переноса военной линии с р. Терек до подножия Кавказского хребта и перехода к непосредственному подчинению горских обществ и местных владетелей российской административной власти. Таким образом, подобная тактика действия российских властей должна была воплощаться в жизнь на Северо-Восточном и Центральном Кавказе [10].

Разумеется, меры по укреплению Кавказской линии вызвали беспокойство и сопротивление местных владетелей, прежде всего кабардинских князей.

Султанские эмиссары продолжали проникать в Закубанье и Кабарду и подстрекать местных владетелей к нападению на Кавказскую линию. Сильное сопротивление мероприятиям русских властей оказывали кабардинцы, чеченцы, участвовали их нападения на российские укрепления. Ген. А.П. Ермолов неуклонно следовал своему плану переноса военной линии с Терека на Сунжу, к подножию Кавказских гор, что вело к подчинению полосы плодородных земель между реками и горной цепью.

Линия новых российских постов и укреплений возводилась от Сунжи до р. Сулак (Койсу). В 1818 г. были построены крепость Грозная, в 1819 – Внезапная, в 1820 – Бурная [10].

Тогда же были построены Преградный Стан, Злобный окоп и несколько других небольших укреплений, которые связали Сунженскую линию с Владикавказом [11, с. 156].

Что же касается Левобережной Кубани, то здесь строительство российских укреплений было невозможно, так как эта территория юридически входила в состав Османской империи. Поэтому главнокомандующий российскими войсками на Кавказе ген. А.П. Ермолов в качестве эффективных мер видел усиление кордонной линии и нанесение превентивных ударов против «немирного» местного населения.

Так, в мае 1818 г. по указанию ген. А.П. Ермолова был уничтожен Трамов аул близ горы Бештау [12, с. 187]. Имущество и скот сельчан было разграблено. После этого главнокомандующий российскими войсками на Кавказе грозно заявил кабардинцам: «На этот раз ограничиваюсь этим; на будущее же время не дам никакой пощады уличенным разбойникам: деревни их будут истреблены, имущество взято...» [13, с. 23]. Старший князь Кабарды К. Джанхотов выразил

недовольство по поводу сожжения кабардинского аула. В Кабарде начались волнения. В.А. Потто писал, что «разрозненные трамовцы задумали тогда бежать за Кубань в Черкессию, чтобы оттуда мстить разбоями в наших границах» [14, с. 16]. Ген. А.П. Ермолов, обеспокоенный этим, решил встретиться с кабардинскими владетелями 1 октября 1818 г. в Прохладном. Главнокомандующий пригрозил адыгским князьям, потребовав прекратить «разбойные» нападения и выдать «преступников». Однако эта встреча не дала положительного результата, на который рассчитывал А.П. Ермолов [11, с. 156].

Возмущенный этим, главнокомандующий российскими войсками на Кавказе решил применить к кабардинцам еще более репрессивные меры. А.П. Ермолов, считая повинным в слабости по отношению к адыгам ген.-м. И.П. Дельпоццо, командующего войсками Кавказской линии, отправил последнего губернатором в Астрахань. На освободившееся место был назначен ген.-м. К.Ф. Сталь [11, с. 156].

В начале 1819 г. прибыв в Георгиевск, ген.-м. К.Ф. Сталь начал свою деятельность с репрессивных мер по отношению к Малой Кабарде, обвинив местное население в поддержке вайнахских абреков, нападениях на Кавказскую линию. Адыги отрицали эти обвинения. Но доводы, представленные владетелями Малой Кабарды, не были приняты новым командующим Кавказской линии. В 1820 г. на территорию Малой Кабарды были введены российские войска, которые начали насильственное переселение жителей кабардинских сел, расположенных по р. Кура, на р. Терек. Насильственно переселяя жителей, российская администрация потребовала от кабардинцев дать клятву в верности России и повиновении русским властям в регионе [11, с. 157]. Документ подписали многие знатные князья и уздени Малой Кабарды. Однако следует отметить, что они не остановили нападения кабардинцев на Кавказскую линию. Часто адыги небольшими отрядами тревожили линию, и вследствие этого сообщение между Георгиевском и Моздоком прерывалось не раз [15, с. 479].

Необходимо подчеркнуть, что в 1819–1820 гг. противостояние кабардинцев российским властям продолжалось. Не имея возможности быстро «усмирить» адыгов, российские власти решили прибегнуть к другим мерам. Так, в частности, российское командование решило натравливать соседние народы друг на друга. Об этом главнокомандующий российскими войсками на Кавказе А.П. Ермолов писал ген.-м. К.Ф. Стально: «Против

них (адыгов. – Д.К.) с пользой употребить можно будет озлобленных ими ингушей, охотно возьмут участие утесненные ими тагауры и жители Олагирского ущелья (Алагирского ущелья Северной Осетии. – Д.К.)...» [13, с. 32].

В сентябре 1821 г. после возвращения главнокомандующего российскими войсками на Кавказе из столицы на Северный Кавказ был разработан окончательный план покорения Кабарды, в основе которого лежало передвижение вглубь Кабарды кордонной линии с целью отрезать кабардинцев от закубанских народов [13, с. 35].

Следует отметить, что покорение Кабарды сопровождалось приведением к присяге балкарских обществ [16, с. 128].

Как отмечалось выше, в начале мая 1816 г. А.П. Ермолов был назначен на Кавказ главнокомандующим, а в июне – чрезвычайным послом в Персию, командующим Отдельным грузинским (1820 г. – Кавказским) корпусом и управляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской губернии. В самом начале 1820 г. «проконсулу» Кавказа также было передано в подчинение Черноморское войско, находившееся ранее в ведении херсонского военного губернатора, и вся территория от Азовского моря до земли Войска Донского теперь находилась в составе Кавказской губернии [17, с. 127]. В результате в его руках оказалась сосредоточена неограниченная власть над огромной территорией страны.

Ген. А.П. Ермолов полагал, что наиболее сложная и напряженная для России военнополитическая обстановка сложилась в данный момент на Северо-Восточном Кавказе. Что касается этого региона, в частности Дагестана, то Россия имела здесь, особенно в равнинной части, более прочные позиции по сравнению с другими территориями. Как известно, почти все дагестанские правители признали подданство России. После 1806 г. на некоторой части Дагестана было введено российское управление. В этом отношении политика «проконсула» Кавказа должна была быть более гибкой и умеренной.

Имея ограниченные воинские резервы, ген. А.П. Ермолов решил разбить неконтролируемые или недостаточно контролируемые Россией регионы на сектора и начать их поэтапное присоединение. Реализацию своего плана он начал с Дагестана и Чечни [18, с. 419].

Ознакомившись с делами в регионе, ген. А.П. Ермолов писал кн. М.С. Воронцову: «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования обществ. Вот образец

всего нелепого злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество» [19, с. 475].

Летом 1818 г. ген. А.П. Ермолов, основываясь на донесениях тарковского шамхала, организовал военную экспедицию для «усмирения» жителей Карабудахкента и предотвратил готовящееся некоторыми дагестанскими владетелями нападение на шамхала [20, л. 1].

В сентябре того же года российские войска выступили против аварского правителя Султан-Ахмед-хана и его брата Гасан-хана Мехтулинского, которые два раза попытались оказать сопротивление царским войскам, но, понеся большие потери, вынуждены были отступить [4, с. 381]. Затем в октябре ген. А.П. Ермолов приказал ген.-м. Пестелю организовать военную экспедицию на Кайтагское уцмийство. 23 октября 1818 г. начался штурм села Башлы, закончившийся разгромом русского отряда, в результате которого было убито и ранено 500 человек, в том числе 12 офицеров [21, с. 322]. Российские войска под командованием ген.-м. Пестеля оставили Башлы и вынуждены были отступить в Дербент.

7 ноября 1818 г. ген.-м. Пестель получил приказ совершить повторную военную экспедицию для «совершенного разорения Башлы и прочих селений взбунтовавшегося владения каракайтского уцмия» [21, с. 344; 22, с. 59]. В результате похода русский отряд, не встречая особого сопротивления, без боя захватил Башлы [23, с. 400].

В сентябре 1819 г. в Чечне царские войска уничтожили с. Дады-Юрт вместе с его жителями [14, с. 100; 24, с. 218–219].

В конце 1819 г. ген. А.П. Ермолов лично возглавил поход в Акуша-Дарго. В середине ноября против акушинцев выступили два отряда: из Внезапной под командованием самого А.П. Ермолова и из Дербента во главе с ген.-м. Мадатова. Первый отряд состоял из 9 батальонов пехоты и 34 орудий, второй – из 2 батальонов пехоты, 6 орудий [25, л. 7].

В середине декабря произошла грандиозная битва, в результате которой, сломив упорное сопротивление местных жителей, царские войска заняли с. Акуша [26, с. 56].

В августе 1819 г. аварский хан Султан Ахмед-хан во главе 6-тыс. отряда выступил против крепости Внезапная. Но у с. Бавтугай на левом берегу Сулака повстанцы были разбиты царскими войсками, а аварский правитель с остатками своих воинских людей вынужден был отступить в горы. Ген. А.П. Ермолов решил отстранить от управле-

ния ханством Султан Ахмед-хана и назначить на его место чанку Сурхая. В конце 1819 г. «проконсул» просил российского императора назначить Сурхай-хана правителем Аварского ханства [4, с. 479].

В начале 1820 г. также был отстранен от власти казикумухский правитель Сурхай-хан и на его место назначен полковник Аслан-хан Кюринский [22, с. 38–40].

Таким образом, одновременно с военными действиями российские власти продолжали проводить военно-административные реформы, пытаясь «умиротворить» местные народы. Важнейшим из них было строительство Кавказской линии – цепи крепостей, казачьих станиц и кордонных линий, пересекавших весь Северный Кавказ. На Кубани, Тереке, Сунже возникает ряд казачьих поселений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джахи́ев Г.А.* Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1829 гг.). Махачкала, 1991.
2. Акты собранные Кавказской Археографической комиссии (далее – АКАК). Тифлис, 1875. Т. 5. Ч. 2.
3. *Мальбахов Б.К.* Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825 гг.). Нальчик, 1998.
4. *Кидирниязов Д.С.* Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013.
5. АКАК. 1873. Т. 4.
6. *Алиева С.И.* Ногайские тюрки. Баку, 2010.
7. *Толстов В.Г.* История Хоперского Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Тифлис, 1900. Ч. 1.
8. *Дебу И.О.* О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах, собранных в 1816 по 1826 год. СПб., 1829.
9. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.
10. Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия. Пятигорск, 2010.
11. История многовекового содружества. Нальчик, 2007.
12. *Кипкеева З.Б.* Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008.
13. Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. В.А. Потто. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 2.
14. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и лицах. СПб., 1887. Т. 2. С. 100.
15. *Туганов Р.У.* Кабарда и Балкария в период ермоловщины (1816–1822 гг.).
16. *Баразбиев М.И.* Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2.
17. *Ермолов А.П.* Записки. М., 1868. Ч. 2.
18. *Махмудова К.З.* Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. Грозный, 2012.
19. История Дагестана. Т. 1. М., 2004.
20. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6210.
21. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 6.
22. АКАК. Т. 6. Ч. 2.
23. *Кидирниязов Д.С.* Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). М., 2001.
24. *Гапуров Ш.А.* Чечня и Ермолов (1816–1827 гг.). Грозный, 2006.
25. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 81. Л. 7.
26. *Зубов П.* Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800-го по 1834 г. СПб., 1836. Т. 2. Ч. 3.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В КАЗАХСТАНЕ

© Ж.У. КЫДЫРАЛИНА

Институт истории государства КН МОН РК, г. Астана

Статья посвящена исследованию особенностей этнокультурной идентичности чеченцев и ингушей в Казахстане: адаптации переселенцев на новом месте после сталинской депортации и интеграции их в социально-экономическую и культурную жизнь республики. На основе архивных документов, а также материалов устной истории, свидетельств информаторов освещается характер этнокультурных взаимодействий и взаимовлияний между переселенцами, их потомками и местным казахским населением за десятилетия совместного проживания в Казахстане.

Ключевые слова: чеченцы и ингуши, вайнахи, депортация, Казахстан, диаспора, этническая адаптация, этнокультурная идентичность, национальный язык, традиционная культура, обычаи предков, интеграция в жизнь республики, этнокультурные взаимодействия.

The article is devoted to the studies of special aspects of maintenance the ethnocultural identity of the Chechen and Ingush people in Kazakhstan, as well as their adaptation to the new place after removal proceeding, and their integration to the social-economic and cultural life of the Republic.

Key words: Chechen and Ingush, Nakh peoples, deportation, Kazakhstan, diaspora, adaptation, ethnocultural identity, mother tongue, traditional culture, ancient customs, integration in to the Republic's life, ethnocultural interactions.

Введение. Развитие межкультурных связей в период глобализации, поиск модели эффективной модернизации общества в сочетании с утверждающимся приоритетом общечеловеческих ценностей стимулируют интенсивную разработку проблем этнической идентичности. «Все человечество столкнулось с проблемой сочетания глобализации, универсализации и актуализации различий, в том числе национальных, этнических, расовых, религиозных» [1]. Тем интереснее выявить и изучить особенности проявления феноменов этнической идентичности и взаимодействия культур и традиций в условиях полиэтничных обществ.

Современный Казахстан – полиэтничное и многоконфессиональное государство, в котором проживают представители более 130 этносов и 40 конфессий с яркой самобытностью и традициями. Лабораторией народов Казахстан стал не только по своей воле. На территорию Казахстана в годы сталинизма насильно переселили целые народы, среди которых были чеченцы и ингуши.

Депортация вайнахов и устройство их в Казахстане. 23 февраля 2014 г. исполнилось 70 лет со дня депортации чеченского и ингушского народов в Казахстан. Операция НКВД по выселению почти полумиллионного населения Чечено-Ингушетии под кодовым названием «Чечевица» (сказалось созвучие первых букв в названии де-

портируемого народа) была осуществлена с 23 по 29 февраля 1944 г. За эти семь дней были вырваны с родной земли 478479 человек, в том числе 387229 чеченцев и 91250 ингушей. Было погружено и отправлено к местам новых поселений в Казахстан и Киргизию 180 железнодорожных эшелонов [2]. Антигуманной акцией по выселению целых народов, обвиненных в «пособничестве» врагу, сталинский режим искусственно разжигал недоверие между народами одной страны.

«Земля – это не просто территория», – говорят чеченцы и ингуши. Для вайнахов и вообще для любого человека понятие «земля отцов» имеет большой глубинный смысл, является источником вдохновения. Поэтому насильственный отрыв от родной земли был сродни смерти [3]. После переезда в товарных вагонах, в нечеловеческих условиях, потеряв по дороге родных и близких, умерших от болезней и тягот, депортированные тем не менее не теряли высоты духа, способности заботиться друг о друге, проявляли великое терпение. Нелегким был и процесс размещения и трудоустройства переселенцев. Положение спецпереселенцев в местах поселений было очень тяжелым, им не хватало жилья, продовольствия, тысячи людей умирали от голода и болезней. По сведениям отдела спецпоселений НКВД, из всех переселенных чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев с 1944 по 1948 г. умерло

144704 чел., или 23,7% общего числа, в том числе в Казахской ССР – 101036 человек [4]. Так, например, было трудным и положение около 2 тысяч спецпереселенцев с Северного Кавказа, работавших в Казахстане на нефтепромыслах и предприятиях объединения «Казахстаннефтекомбинат», в строительно-монтажных конторах (СМК) треста «Казнефтьстрой». В Прикаспии, на промысле Байчунас, в СМК № 3 и № 4 работали на тяжелых земляных работах от 8 до 11 часов в день подростки, не достигшие 16 лет. Подобные факты отмечались в справках по результатам проверки партийно-советских органов в местах трудоустройства спецпереселенцев с Северного Кавказа. На промыслах Макат, Байчунас, Доссор, Кульсары наблюдалась большая скученность в жилых помещениях спецпереселенцев, где на одного человека приходилось в среднем 1–1,5 кв.м. Помещения не ремонтировались, не подготавливались к зиме. Спецпереселенцам несвоевременно выдавались продуктовые и хлебные карточки [5, с. 19–26]. Наблюдалось их истощение от недоедания, особенно в Макатском и Жилокосинском районах. В крайне тяжелых материально-бытовых условиях находились старики, инвалиды, женщины с детьми. Спецпереселенки-чеченки К. Юсупова и Х. Лабазанова в своем заявлении управляющему трестом «Казнефтьстрой» от 2 марта 1945 г. просили помощи, так как из-за тяжелого материального положения их семьи дошли до полного истощения, а дети на почве голода опухли [5, л. 9].

Но, несмотря на все лишения и невзгоды, спецпереселенцы трудились самоотверженно, добросовестно работали на предприятиях, за которыми были закреплены. Как правило, они не имели наград и медалей. Тем не менее, в архивных источниках обнаруживаются нередкие сведения о поощрении передовиков производства, стахановцев, перевыполнявших нормы, из числа спецпереселенцев. По состоянию на 5 ноября 1945 г., в системе Гурьевской нефтепроводной конторы Казнефтекомбината работало всего 111 спецпереселенцев, среди них были стахановцы и ударники. В списке рабочих данного предприятия, отличившихся на ликвидации особо опасных аварий, отмечены наряду с немцами чеченцы Салиман Исмаилов и Асма Махмудова [6].

Адаптация: от депортации к интеграции на новой родине; помощь местного населения. С депортацией традиционный уклад жизни переселенцев был разрушен, климатические условия отличались от привычных, северокавказские народы адаптировались на новом месте с трудом.

Как известно, «этническая адаптация – процесс активного приспособления этнических

групп (общности) к изменившейся природной и социально-культурной среде. Показатели успешной этнической адаптации – высокий уровень приживаемости в данной национальной этнической среде, а также психологическая удовлетворенность этой средой в целом. Этническая адаптация происходит быстрее у близких в языково-культурном и хозяйственно-культурном отношении народов. Долго проживая в иноэтнической среде, человек постепенно приспосабливается к обычаям, нравам, образу жизни данного народа. В той или иной мере усваиваются язык, национальная культура» [7].

Благожелательное отношение народа Казахстана к переселенцам помогло им выжить в трудных условиях. Исторически сложилось так, что казахский народ принял в свое время как равных десятки народов, поделился с ними кровом и очагом. Он сумел сохранить благородство и терпимость, уважение к репрессированным народам. Когда вайнахи добрались до казахской земли, они встретили необыкновенное участие и добродушие местного населения, сработал менталитет тысячелетней истории Степи – помочь нуждающемуся. Нельзя не отметить такую важную высоко нравственную форму отношений казахов в быту, сформированную еще традициями степной культуры, с помощью которой неоднократно выживали в самые тяжкие годы своей истории, – это милосердие и гуманизм, сочувствие чужой беде. Причем гостеприимство, которого казахи, как и другие кочевые народы, свято держатся, принимает у них большие размеры, переходя в бескорыстное подаяние помощи. Переселенцы не только выжили, но и сохранили свою самобытность, обычаи и традиции предков, силен был дух и самой нации.

После окончания войны, до 1955 г., спецпереселенцы продолжали находиться на режиме спецпоселений, в жестком ограничении в правах передвижения. Многие из них и после снятия ограничений в правовом положении так и остались в местах расселения и трудоустройства. Они приняли активное участие в освоении промышленного потенциала новой родины. Депортированные народы вместе со всеми этносами поднимали экономический потенциал Казахстана, ведь земля, которая когда-то дала им кров, возможности для обустройства жизни, стала неотъемлемой частью их существования, т. е. Родиной. Переселенцы многое сделали для развития экономики и культуры принявшей их республики. Сегодня уже невозможно представить Казахстан без оказавшихся здесь по воле судьбы представителей многих народов, гонимых когда-то жестокой си-

стемой, но всегда чувствовавших сердечность и доброту хозяев этой земли. Да и сами они, находясь в изгнании, многому научили казахов. Немцы – аккуратности и практичности, корейцы – рачительному обращению с землей, чеченцы и ингуши – своей этнической солидарности.

Несмотря на отмечаемые в документах и публикациях случаи конфликтов между разными группами населения: депортированными и прибывшими из разных уголков Союза, к примеру, на освоение целины (целинные районы Казахстана во второй половине 1950-х гг. стали зоной повышенной межэтнической напряженности) [8], вместе с тем именно в те сложные и трудные годы, несмотря на имевшие место социальные противоречия и конфликты, была заложена основа дружбы между различными этносами. В 2014 г. исполнилось 60 лет освоению целины в Казахстане. Долг нынешних поколений – сохранить и передать потомкам это святое чувство дружбы и братства народов. В целом в период совместного проживания на одной земле представителей разных этносов наблюдалась и тенденция к смешанным (межэтническим) бракам и заимствованиям друг у друга отдельных элементов традиционной культуры.

Традиции и обычаи в вайнахских семьях. Взаимовлияние и взаимообогащение казахской и вайнахской культур. Много общего и схожего в традициях и обычаях степных и горских народов, передаваемых из поколения в поколение и бережно сохраняемых и поныне. Так, кочевое право казахов в нормативном порядке закрепляло коллективную взаимопомощь в форме отдельных институтов: журтшылык (что означает: правила общежития, коллективизм), агайыншылык (родственные связи), конакжайлык (гостеприимство) и др., обеспечивавшие благополучие, достаток, справедливое распределение богатства, защитный механизм общества от тяжелых природных условий. Проявление гостеприимства у казахов находит множество параллелей у тюркских народов Северного Кавказа, Центральной Азии [9]. Сущность этого правового института у казахов заключалась в следующем: владелец кибитки обязан был со всеми почестями и уважением встречать любого путника, независимо от количества людей, его сопровождающих, и по мере возможности обеспечить им отдых и бесплатное питание. Обычно приезжие произносили такие слова: «Мен кудайы конакпын» («Я гость от бога»). Эти традиции предков казахи и вайнахи стремятся продолжать из поколения в поколение и сегодня.

Невозможно не отметить традиционное уважительное и почтительное отношение в кочевой культуре к старшему поколению, уважение к мудрости, к истории, почитание предков. У казахского народа принято считать своим долгом – знать всех своих предков до седьмого колена. Эта традиция исходит из тенгрианства. Согласно древним верованиям, у человека есть душа, которая не нуждается в физической пище, но пищей для нее является дух предков – Аруах. Если человек совершает дурной поступок, предаст честное имя своих предков, то он тем самым оскорбляет духов – Аруахов, а значит и Тенгри. Поэтому человек четко осознавал, что его деяния будут отражаться на семи последующих его поколениях.

Подобные параллели имеются и в традициях вайнахов, о чем в качестве информатора рассказал автору лидер этнокультурного объединения «Вайнах» г. Астана Салман Сардарович Героев, ингуш по происхождению (г. Астана, 23.02.2014 г.). Знание истории своего рода, традиций считается обязательным, рассказывает он. В семьях желательным, чтобы каждый ребенок знал не только имена своих предков, но и об их значимых деяниях, и стремился продолжать их обычаи и традиции. Особо необходимым считается для молодых людей поддерживать добрые традиции рода, семьи, нации. Ведь по отдельным представителям судят о чести и порядочности семьи, рода и даже этнической общности. Молодым людям всегда ставился в пример для подражания конкретный представитель из авторитетов рода, заслуживший уважение у соседей, односельчан своей честностью, бескорыстностью, готовностью помочь людям, обладавший общечеловеческими ценностями.

Особым является обычай гостеприимства, по которому гость, вне зависимости от национальности и вероисповедания, получал возможность отдыха, пищу и ночлег. Хозяин несет полную ответственность за его жизнь и безопасность. Нарушение этого обычая всегда влекло за собой суровое порицание, а порой расценивалось и как преступный акт.

Издавна распространен обычай куначества (побратимства и дружбы). Отметим аналогию с казахским обычаем конакжайлык (конак/кунак – в переводе с тюркских языков – гость). Куначество почитается у чеченцев наравне с родством, однако отношение к друзьям еще более ответственное, нежели к родственникам. Невнимательность или неучтивость по отношению к брату простится, но по отношению к другу – никогда. Дружеские отношения между кунаками поддерживались из

поколения в поколение, передавались молодым людям. Тот, кто затевал ссору, подвергался общему порицанию и обсуждению. Важным было исполнять данное обещание, быть верным слову.

Одна из важнейших вайнахских традиций – уважительное отношение к родителям и старшим: им уступают дорогу, они имеют право говорить первыми, младшие не имеют права без разрешения старших вмешиваться в их беседу, перебивать их, пререкаться с ними.

Салман Сардарович отметил главные качества, которые по традиции воспитываются в вайнахских семьях. В юношах воспитываются терпение, мужество и выносливость, умение переносить тяготы и невзгоды жизни, временные трудности, ибо при некоторой природной горячности, повышенном темпераменте надо иметь выдержку, в противном случае неизбежны конфликты и негативные последствия. В девушках стремились воспитывать мягкость, кротость, непозволительность легкого поведения, умение выполнять женскую домашнюю работу, стремление к порядку, чистоте, любовь к своему очагу, уважительное отношение к родителям и родственникам будущего супруга, способность поддержания мира и согласия в семье.

Издrevле на вайнахских свадьбах, вечеринках в честь гостей и радостных событий устраиваются танцы (ловзар – игрища), звучат музыка и песни, волнующие сердца слушателей. Особенно популярны были шуточное сватовство, острый юмор и шутки. Все это помогло в трудные годы выжить. Смотреть танцы собиралось много народу. Позже восторженно обсуждали, кто, как исполнял народные танцы, песни, играл на музыкальных инструментах. Такие моменты были возможностью для юношей и девушек увидеть друг друга, обменяться шуткой, взглядом. Они могли встречаться у родников, колодцев, переброситься словом в рамках приличия.

По словам информатора, благодаря мудрости старшего поколения эти традиции сохранялись даже в годы репрессий. Ученые-арабисты, другие авторитетные личности, которых было немало среди жителей Акмолинска, затем Целинограда (прежние названия Астаны, являющейся ныне столицей Казахстана), никогда не запрещали проведение вышеупомянутых мероприятий в лучших традициях национальной культуры. И это было позитивной частью их жизни.

В годы депортации были заложены традиции взаимодействия вайнахской и казахской культур. До сих пор представители народов, переживших депортацию, не перестают выражать чувства ува-

жения и любви к казахскому народу за проявленные им помощь, радушие и тепло в лихие годы сталинской диктатуры. На одной из церемоний инаугурации Президента Казахстана будучи Президентом Ингушетии Руслан Аушев, который родился и вырос в Казахстане, вручил Нурсултану Назарбаеву орден «За заслуги» в знак благодарности казахстанцам за помощь и поддержку ингушского народа во времена сталинских репрессий. Такую же благодарность казахскому народу выразил и нынешний Глава Республики Ингушетия Юнусбек Евкуров.

Сохраняемая в сердцах и душах обоих народов взаимная трепетная память о совместном проживании в Казахстане находит отражение в разных формах. Так, один из лицеев в Грозном носит имя Первого Президента РК Нурсултана Назарбаева. Казахскими именами называют казахских детей. Очень много чеченцев и ингушей в сельских районах обучались на казахском языке, узнали казахскую литературу, историю. Известный казахский поэт Рафаэль Ниязбек посвятил чеченскому народу свою поэму «Дух Чечни», а в стихотворении «Память степи» воспел истоки дружбы между казахским и чеченским народами.

Духовно роднят вайнахов с казахами и общие исламские традиции и обычаи. К числу религиозных праздников относятся месяц мусульманского поста Ураза (Мархи бутт – у вайнахов) и Курбан-айт (праздник жертвоприношения, заканчивающий пост). Отмечается молебнами и жертвоприношениями также Маулид – день рождения пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует). В Астане построена и действует мечеть имени шейха Кунта-Хаджи. Кунта-Хаджи был глубоко почитаемым среди чеченцев и ингушей суфийским шейхом, последователем тариката Кадирия.

В полиэтничном казахстанском обществе происходит сложный внутренний взаимообмен духовности. Имеется немало интересных людских судеб, подтверждающих это. Об обычаях и традициях, переплетении этнических традиций чеченского и казахского народов рассказал автору еще раньше руководитель чечено-ингушского этнокультурного объединения «Вайнах» в городе Атырау Сейтамен Акаев (г. Атырау, май 1998 г.). Родился Сейтамен Ахмедович Акаев в 1944 г. в Аккурганском районе Ташкентской области Узбекистана, в совхозе имени Сталина, куда попали еще в 30-е гг. в результате коллективизации на Северном Кавказе его дед и отец. Родившийся в год депортации своего народа Сейтамен Акаев

из рассказов старших узнал о гибели тысяч людей, их могилах по всей дороге от Кавказа до Казахстана. Узнал и о том, что жители Казахстана стали для вайнахов родными братьями, делились последним, порой обделяя свою детвору. Чеченцы и ингуши и по сей день хранят в своих сердцах искреннюю и вечную благодарность казахскому народу. «Если на родину чеченцев приезжает казах, – рассказывал С. Акаев, – каждый стремится пригласить его в гости, помнят 1944 год, признательны одному из самых гостеприимных, доброжелательных народов».

Сын депортированного чеченского народа С. Акаев стал и сыном казахского народа. Теперь это семейная история Акаевых. В Гурьев (прежнее название города Атырау) Сейтамен Ахмедович впервые приехал 1 мая 1968 г., в четыре часа местного времени, женить друга, а уже в пять часов познакомился со своей будущей супругой, казашкой Багилой Нургазиевой. С душевной теплотой отзывается он о родне своей супруги, теще Нургазы, из рода Есен-бериш (один из родов Младшего жуза: у казахов сохраняется почитание рода; в родоплеменной структуре казахов в традиционном обществе существовало деление на три жуза, т. е. родоплеменных объединения: Старший, Средний и Младший), теще Ханым, своих 27 бажа (свояках), которым Акаевы обязаны своим личным, человеческим счастьем, миром и покоем в семье. Как рассказал собеседник, прощальными словами его тестя перед уходом в мир иной были: «Ты мне не был зятем – ты мой сын!». На установленном на могиле аксакала погребальном камне (кулпытас) написано: «От сына Сейтамена». С сердечной теплотой Сейтамен Ахмедович говорит о своей теще: «Она дала почувствовать всю нежность и любовь матери, а моя родная мама скончалась вскоре после моего рождения». Атмосфера, с самого начала витавшая в родственном окружении и среди стен в доме Акаевых, была доброжелательной, дружной – она и оставила потом свой свет – добрым и ласковым, открытым нравом в их семье, в детях. Дом для чеченца – это показатель не только благополучия, но и чести и совести хозяина. Это не только место проживания семьи, но и место приема гостей. А гость у чеченца, как отмечалось, – дело святое. Дом их всегда гостеприимен, хозяева искренне радушни и приветливы. Дети у Акаевых – пятеро сыновей, две дочери – воспитанные, скромные, знают оба родных языка: чеченский и впитанный с молоком матери казахский. Каждое слово родителей для них весомо. Видно, что в этом заслуга и авторитет главы очага. А добрый климат в семье,

светлую и радостную обстановку в ней поддерживает хозяйка дома.

Дети воспитываются в нравственности и чистоте, основой их воспитания является живой пример родителей, родственников. По словам С. Акаева, есть целый свод неписаных правил, без которых невозможно общаться в вайнаховской среде. Прежде чем выпить воду, предложи ее тем, кто находится рядом с тобой. Девушкам не позволено посещение компаний без сопровождения брата. Если ты встретил девушку или женщину в пути без сопровождения мужчины, отнесись к ней, как к сестре или матери, оберегай ее. Большое внимание придается радушной встрече гостей. Во время приема гостей мужчины и женщины сидят отдельно. Женщины и взрослые девушки покрывают голову платком или шарфом. Главным кодексом для каждого вайнаха являются традиции исламской духовности, важная заповедь которых – жить по совести.

С. Акаев – человек с философско-нравственным отношением к жизни, деятельный, открытый, общительный. Много лет он проработал вместе с супругой в системе торговли, еще в 70-е гг. организовал первые, лучшие в Гурьеве коктейль-бары, кафе, рестораны. И сегодня он занимается предпринимательством. Кроме национальной черты здесь проявляется и наследственность: его отец, Ахмед Акаев, еще 17-летним юношей имел свое дело, ездил в Петербург, был коммерсантом.

С. Акаев – истинный патриот. Родина его предков, родителей всегда в его сердце, душе, помыслах. И его дети сопереживают за родину отца, не забывают о ней. В чеченских семьях сохранились крепкие родственные тейповые связи. «Долг отца семейства, каждого члена семьи – делиться своим пониманием человеческого и гражданского долга, передать по эстафете, от старших младшим, национальные традиции, обычаи, духовность, все то хорошее, что мы переняли от отцов и дедов. Трагическая история старшего поколения дорога тем, что она оставила для нас неопределимые уроки подлинной нравственности и порядочности, достоинства и человеческой чести» [10].

Из рассказа информатора очевидно, что этническая идентичность является наиболее устойчивой и значимой для большинства людей, что особенно ярко прослеживается в условиях глобализации и интеграции. Для каждого человека именно этническая группа, к которой он принадлежит, представляется тем, что важнее и больше его самого, что во многом определяет направлен-

ность его жизненных приоритетов. Такое восприятие своей этнической принадлежности обусловлено тем, что человек ее не выбирает – она задается вместе с рождением, проживанием на определенной территории, умением говорить на родном языке, культурным окружением, в которое человек попадает и которое задает ему общепринятые нормы поведения и самореализации. В то же время этническая идентичность – это не только сознание своей принадлежности к определенной этнической общности, но и оценка значимости своего членства в ней, что дает человеку наиболее широкие возможности для самореализации [11].

Отныне Казахстан стал для вайнахов, как и десятков других этносов, общим домом. Стал полнее раскрываться духовно-творческий потенциал вайнахов, как и всех народов республики. Произошли изменения в социальной структуре населения. Заметно вырос и среди чеченцев и ингушей удельный вес людей умственного труда, появились крупные специалисты в экономической сфере, науке и образовании, представители чеченской и ингушской диаспор имеют достижения в культуре и спорте.

По данным переписи населения 1999 г., численность чеченцев и ингушей, проживающих в Казахстане, 31799 и 16900 соответственно [12]. В процентном соотношении этническая структура населения Казахстана в 2012 г. в целом выглядела следующим образом. Наибольший удельный вес в общей численности населения занимают казахи – 64,55% и русские – 22,35%. На долю других этносов и этнических групп приходится 13,2% населения республики. Из них 2,96% – узбеки, 1,88% – украинцы, 1,42% – уйгуры, 1,22% – татары, 1,08% – немцы; другие этносы – 4,5% [13].

Для обеспечения равенства прав всех этнических, конфессиональных групп в республике образован уникальный общественный институт – Ассамблея народа Казахстана, объединяющая сотни этнокультурных объединений республики. В 1995 г. в республике создана Ассоциация развития культуры чеченского и ингушского народов «Вайнах». Ее возглавляют от чеченских этнокультурных центров – Ахмет Сейдрахманович Мурадов, инженер-нефтяник, руководивший прежде предприятиями отрасли, ныне депутат Парламента Казахстана, и от ингушской диаспоры – Султан Мажитович Оздоев, академик Национальной Академии наук Казахстана, крупный ученый-геолог.

По рассказам информаторов (С.С. Героев, г. Астана, 23.02.2014 г.; С.М. Оздоев, г. Алматы,

06.03.2014 г.), по инициативе этнокультурного центра «Вайнах» в столице Казахстана создан танцевальный ансамбль, работает школа по изучению чеченского и ингушского языков. Представители чеченского и ингушского народов активно участвуют в общественно-политической жизни страны. Сайфудин Хамхоев, Башир Солсанов являются депутатами маслихата (местного представительного органа) столицы, Салман Героев и Сайфудин Хамхоев – члены Политсовета столичного филиала партии власти – Народно-Демократической партии «Нур Отан», Салман Героев, Сайфудин Хамхоев, Юсуп Келигов – члены Ассамблеи народа Казахстана.

Сегодня одной из актуальных задач этнополитики является формирование новой казахстанской идентичности. Гражданская нация не формируется просто в силу того, что люди проживают на одной территории. Должна сформироваться общность ценностей, культуры. Реальной платформой для единства и консолидации народа Казахстана является также общая история и общая земля. Консолидирующим политическую нацию фактором является также роль государствообразующего этноса, государственного языка. Приоритетными задачами государства и принципами этнополитики являются укрепление общественного согласия, обеспечение равенства прав граждан всех этносов, развитие их культуры, традиций и самобытности как генетического кода нации.

Заключение. Общность исторических судеб народов Казахстана, пережитая народами трагедия депортации – ключ к пониманию межэтнического согласия, бесценного достояния современного суверенного государства. Для дальнейшего обеспечения единства, консолидации нации важно формировать общность ценностей.

Исторический опыт, традиции предков позволяют планомерно и позитивно влиять на общественное сознание, прививать подрастающему поколению общечеловеческие непреходящие ценности: любовь к своей родине, гордость за нее, внимательное и бережное отношение к своей истории, культуре и ответственность за будущее страны.

В полиэтничном казахстанском обществе происходит сложный внутренний взаимообмен духовности и взаимодействие культур. Основными источниками этноценностных ориентаций современной вайнахской культуры являются нормы и ценности ислама; адат (обычай); этноэтикет северокавказских культур; ценности коллективизма и традиционализма, одинаково приемлемые и в

традиционной и современной казахской национальной культуре. При усилении воздействия глобальных тенденций и универсализма в развитии этнической идентичности вайнахов сохраняются национальная специфика, традиции предков.

Тесное переплетение специфических этнокультурных и религиозных детерминант в структуре современной идентичности народов Север-

ного Кавказа имеет глубокие исторические корни, гармонично вписывается в процессы межкультурного взаимодействия, а также общемировые тенденции и требует дальнейшего внимательного изучения для понимания неоднозначных процессов, которые происходят в современных полиэтничных обществах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дробижева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 215.
2. *Бугай Н.Ф.* Погружены в эшелоны и направлены к местам поселений... // История СССР. 1991. № 1. С. 143–160.
3. *Мурадов А.* Счастливы, что вносим вклад в процветание Родины // Казахстанская правда. 2014, 21 февраля. С. 12.
4. История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие / Масанов Н.Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 608 с.
5. Государственный архив Атырауской области Республики Казахстан (далее – ГА АО РК). Ф. 294. Оп. 3. Д. 37а. Л. 19–26.
6. ГА АО РК. Ф. 289. Оп. 1. Д. 243а. Л. 47, 51.
7. *Тавадов Г.Т.* Этнология. Учебник для вузов. М.: Проект, 2002. 352 с.
8. *Зубкова Е.Ю.* Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1957–1985 гг. // Отечественная история. 2004. № 4. С. 3–32.
9. *Булекбаев С.* К истокам тюркской толерантности // Мысль. 2014. № 1. С. 24–27.
10. *Кыдыралина Ж.У.* Депортированные в Казахстан народы: история и современность. Алматы: Ғылым, 1999. 188 с.
11. *Бабосова Е.* Этническая идентичность: основные подходы к определению и исследованию феномена // Общество и этнополитика: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. интернет-конф., 1 мая – 1 июля 2013 г. / РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. Новосибирск: Изд-во «СибАГС», 2013. 344 с.
12. Народы Казахстана. Энциклопедический справочник. Алматы: «Арыс», 2003. 352 с.
13. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Астана: Агентство РК по статистике, 2012. 523 с.

О ЧЕЧЕНСКИХ ПОСОЛЬСТВАХ В МОСКВУ КОНЦА XVI–XVII ВВ.

© Т.С. МАГОМАДОВА

Чеченский государственный университет, г. Грозный

В статье представлены документальные сведения о посольствах чеченских обществ, посещавших Москву в начальный период установления русско-чеченских связей – с конца XVI в. вплоть до последней четверти XVII в.

Ключевые слова: Москва, Чечня, ококи, шибуты, посольства, Терский город.

The paper presents documental data about chechenian communities embassies, which visited Moscow in the beginner period of installation of Russian-chechens relation – from end of XVI c. till to last quarter of XVII c.

Key words: Moscow, Chechnya, okokes, shibutes, embassies, Terek's city.

Во второй половине XVI в. Московское государство взяло курс на установление с народами Северного Кавказа активных политических связей, которые продолжались на протяжении всего XVII в. Отсутствие централизации чеченских обществ в указанный период осложняло взаимодействие с ними Москвы. В Чечне определять отношения приходилось буквально с каждым из многочисленных этнических образований, в основной части которых отсутствовали устоявшиеся феодальные институты.

На протяжении конца XVI–XVII вв. чеченские представители неоднократно приезжали в Москву с дипломатической миссией и по служебным делам [1; 2, с. 99–110].

Первые посланцы в Москву были из ококов. Окоцкая земля, пожалуй, самое раннее равнинное поселение части чеченцев – ококов, довольно удаленное от своих сородичей. Их предводителям в одиночку приходилось утверждать свое право на самостоятельное существование. Весьма удобная расположенность Окоцкой земли в непосредственной близости от важнейшего северокавказского пути по Тереку и через Сунжу в Дагестан и далее в Закавказье с возможностью контроля над его значительным отрезком, рядом со станицами гребенских казаков, неподалеку от первых русских крепостей в междуречье, а также по соседству с владениями кумыкских мурз, способствовали активной деятельности ее предводителей Ушурмы и его сына Шиха-мурзы. Опору в защите своего феодального улуса от притязаний более многочисленных и сильных кумыкских и кабардинских владетелей окоцкие мурзы видели лишь в союзе с русскими, закрепляющимися в первых русских крепостях в междуречье Терка и Сунжи 1567, 1578, 1589 гг. Этим во многом

объясняются политические ориентиры окоцких предводителей в сторону России. О признании этого факта свидетельствуют две грамоты московского царя Федора Ивановича от 1587 и 1588 гг. [3, с. 14–15, 21–23]

В 1588 г. Ших-мурза как владетельное лицо для заключения политического союза посылает в Москву посольство. Признание Москвой «подданства» по сути являлось личным обязательством Шиха-мурзы перед царем, персональной службой ему, за что и назначалось персональное жалованье.

Подобные политические союзы заключались Москвой с кабардинскими и дагестанскими владельцами. Реального воздействия на внутренние дела северокавказских обществ подобные «подданства» не имели. Основная их цель – поддержка российской политики на Кавказе, совместное выступление против «недругов».

В таком русле продолжали развиваться взаимоотношения Шиха-мурзы с Москвой и после 1589 г. до середины 90-х гг. XVI в., пока он не был убит кумыкским ханом за последовательную приверженность России. 160 семей из ближайшего окружения Шиха-мурзы сразу же покинули Окоцкую землю и осели в Терской крепости в качестве государевых служилых людей под защитой царских воевод.

В числе служилых окочан был и племянник Шиха-мурзы Батай-мурза, который, скорее всего, некоторое время возглавлял чеченскую диаспору в Терском городе. Феодальная верхушка окочан – Батай-мурза, затем Кохостров-мурза Бийтемиров, его сыновья Албирь-мурза и Чапан-мурза и их потомки – наравне с кабардинскими мурзами становятся непосредственными и активными проводниками российской политики на Кавказе в те-

чение всего XVII в. Занимая привилегированное положение в Терской крепости, окоцкие мурзы стремятся закрепить свой статус, поддержав его царскими грамотами и достойной их российской службы «государевым жалованьем». Так, на царских приемах в Москве в 1605, 1614, 1621, 1636, 1648 гг. побывали окоцкие мурзы, представители узденской части окочан (Черкес и Бикша Алеевы) и «клутшие люди» из окочан.

Две грамоты Шиха-мурзы Окоцкого 1588 г. дошли до нас только в русском переводе. Челобитные терских окочан XVII в. написаны терскими подьячими.

Особый интерес в этих взаимоотношениях представляло посольство от горной части Чечни – Шибутской земли. В 1657 г. было составлено письмо царю Алексею Михайловичу от трех обществ – Варандой, Чанти, Тумсой, привезенное в Москву в 1658 г. тремя посланцами от них. Один из первых исследователей этого посольства Е.Н. Кушева называла письмо от Шибутского джамаата уникальным и отмечала, что в фондах русских учреждений XVI–XVII вв. «не удалось обнаружить подлинников других вайнахских документов». «Начальные люди» указанных горных обществ изъявляли желание быть под покровительством России, как и грузинский царь Тейму-

раз, с которым они поддерживали дружественные отношения.

Связи чеченцев, как и других представителей северокавказских народов, осуществлялись главным образом через Терский город и Астрахань (Терский город в административном отношении подчинялся Астрахани). Это был сплошной водный путь по волжско-каспийской магистрали, или сухопутье по побережью Каспия, берегу Волги, через Саратов и Владимир. Гонцам удавалось преодолеть это расстояние за полтора-два месяца.

Посольство же обычно находилось в пути свыше трех месяцев [14, с. 5]. Согласно русскому посольскому обычаю иностранных послов очень тщательно оберегали: «Подворье ограждалось тыном. Входы на ночь замыкались решетками. Один из приставов и несколько десятков его людей находились на подворье «безотступно», сменяясь каждые сутки... никто из послов и их свиты не имел право выходить с подворья. Никому не разрешалось с ними разговаривать» [4, с. 117].

Автор статьи ставит задачу показать картину посещения чеченскими представительствами Москвы, определить их цели, опираясь на данные источников, а также результат «государева решения», сведя их в ниже представляемую таблицу.

№	Дата	От кого послано в Москву посольство, его состав	Цель посольства	Результат, «государево решение»
1.	1588 г.	Предводитель аккинцев (ококов) Ших-мурза Окоцкий посылает в Москву с двумя грамотами к царю Федору Ивановичу своего племянника Батая, «а слуг с ним Керменем зовут да Ураком зовут да Алеем зовут да Микинем зовут». Чеченские посланники прибыли в Москву вместе с кабардинским и грузинским посольствами [5, с. 62–65; 3, с. 16–19]. Эти грамоты дошли до нас в подлиннике, а в русском переводе. Указания с какого языка сделан перевод в архивном деле нет.	Батай подал «ко государю» грамоту от Шиха-мурзы и бил челом, чтоб «государь дядю его Шиха князя и весь его кабак (владение. – Т.М.) пожаловал и держал под своею царскою рукою, а он государю рад служить». Ших-мурза представляет царю свои «службы» Москве, начало которым было положено еще в годы царствования Ивана Васильевича. «И службы моей к тебе много, чтоб тебе служба моя ведома была, послал еси к тебе племянника своего». В перечне отмечено, что «и в Железных Воротах (Дарьяльское ущелье. – Т.М.) много нуж терпел»; в первых русских городках на Тереке (1567, 1578 гг.) вместе «с отцом своим» отстаивал интересы Москвы, «х Турскому и х Крымскому не приставал»; «а которые Турскому и Крымскому прямил» и тех с государевыми казаками «воевал»; как построили новый Терский город в устье Терека в 1588 г., первым туда приехал и «правду дал»; что готов служить царю «с своею ратью»; привел к шерти сына шамхала Алкаса; встречал русских послов в Грузию и провожал и т.д. [5, с. 62–65; 3, с. 16–19].	Царь Федор Иванович шлет грамоту Шиху-мурзе, в которой подчеркивает, что служил Москве мурза «безхитросно», перечисляет немалые заслуги Окоцкого предводителя перед собой и своим отцом царем Иваном Васильевичем, дает новое важное поручение проводить очередное русское посольство в Грузию. «И нам твоя прямая служба ведома. И мы за твою службу тебя жаловати хотим своим великим жалованьем и держати тебя и твой юрт хотим под своею царскою рукою и в обороне тебя держати хотим ото всяких твоих недругов и воеводам нашим астороханским и терским о том приказ наш царской крепкой». В свою очередь в царской грамоте подчеркивается, что Ших-мурза вместе со своими подданными должен оказывать помощь терским воеводам в борьбе против турецко-крымских и иных недругов в политике Москвы на Северном Кавказе [6, с. 212–219; 7, с. 18–30].
2.	1605 г.	Двое жителей Терского города – предводители чеченцев-окочан и кабардинцев и ставшие государевыми людьми мурзы Батай Ших-мурзин и Сунчалай Янгличевич приехали в Москву	Поздравить царя Лжедмитрия I с восшествием на престол, представить ему свою «государеву службу» предыдущим московским царям Федору Ивановичу и Борису Годунову, а также участие в большом походе царских войск на шамхала в 1604–1605 гг. и таким образом упрочить свое положение в	Деятельность мурз Батай и Сунчалай в содействии царской администрации на Северном Кавказе была признана и одобрена. На царском приеме в Москве подчеркнули ее последовательный и неизменный характер – «служили и во всем прямил... нашим же государствам прибавленья и розширенья ис-

		с челобитной. Батая-мурзу сопровождали 5 узденей окончан – Тавбурлу Темиргозин, Аларсан, Батыр, Уракча, Салтан-Бек [8, с. 73–75; 9, с. 94–99; 10, с. 59–60].	русской крепости и главенство среди сородичей. Спустя некоторое время после успешного приема в кремле Сунчалей и Батай подают челобитные царю с просьбой разрешить купить в Москве для себя и своих узденей военные доспехи. Эти товары были московским правительством объявлены «заповедными» и их покупка требовала разрешения, что мурзам и было дозволено [8, с. 73–75; 3, с. 50–51].	кали. И вы б, Сунчалей-мурза и Батай-мурза, и вперед нашему царскому величеству служили и прямили». Государево решение заключалось в следующем: «А мы, великий государь, хотим вас держати в нашем царском жалованье свыше прежнего, а ныне жалуюм нашим царским жалованьем». Царь на приеме одарил мурз подарками [3, с. 49–50].
3.	1614 г.	От служивых окончан Терского города приехали в Москву к царю Михаилу Федоровичу выбранные «лучшие люди» из окончан Ахмат Иналов и Качалей Халеев с челобитной от всей чеченской диаспоры [3, с. 54–56]. Будучи в Москве, двое посланцев-окочан подают царю от себя лично челобитную [3, с. 61–62].	Поздравить нового молодого царя с восшествием на престол, «проведать... царское величество и про многолетнее здравие», а также донести до него о своем выезде в составе 160 человек в Терский город «из Акоз и Мичкиз... на житье и з женами, и з детьми, и з братьями своими», о тяготах своей двадцатилетней «государевой службы», длительной задержке государева жалованья, о «неповерстании» значительной части служивых окончан жалованьем. В челобитной просят выплатить задолженность по хлебному и денежному жалованью [3, с. 55–56]. Просьба о прибавке к жалованью: «Пожалуй нас... за наши службишко, вели государь, нам своего царского денежного жалованья прибавить...»	«И мы окончан всех за их службы хотим жаловать... И вы б, окочане, все нашему царскому величеству служили и прямили, а мы, великий государь, учнем вас всех жаловать смотря по вашей службе. А ныне наш указ о нашем жалованье вам окончанам, к воеводам нашим на Терек велели есмь послать». «Государь пожаловал, велел Ахмету прибавить своего государева жалованья – Ахмету 3 рубли, а Ачалею 2 рубли и жалованье на нынешний год дати из Казанского Дворца». (Администрация и гарнизон Терской крепости находились в прямом подчинении Приказа Казанского дворца в Москве) [11, с. 163–173].
4.	1621 г.	Только что выехавший в Терский город на «государеву службу» из Окоцкой земли окоцкий мурза Кохостров Бийтемиров едет в Москву на прием к царю Михаилу Федоровичу с пятью узденями. 13 декабря 1621 г. он был принят царем в Золотой подписной палате. Привез в подарок государю «аргамак-сер» – породистую верховую лошадь арабской породы [3, с. 96–98; 12, с. 122–130]. По приезду в Москву мурза и его уздени получили государево жалованье: «Шуба соболья по камкою в 57 рублей, шапка лисья в 10 рублей. Узденем – по шубе бельей под сукном, по 4 рубли шуба; по шапке лисье по полу 2 рубли шапка. Да денег – по 4 рубли человеку». Одарены послы были дорогими подарками и на «отпуске» [3, с. 161].	Цель приезда изложена в совместной с терскими окочанами писаной челобитной. В ней мурза и окочане излагают свои проблемы с надеждой, что царь их разрешит. Мурза уведомляет, что выехал в 1621 г. «из Окоцкие земли в твою государеву отчину в Терский город па твое царское имя, да со мною, государь, вышли окоцких же людей 4 человека з женами и детьми». Кумыкский эндерийский владелец Салтан-Махмут, под контролем которого оказалась Окоцкая земля, за этот проступок его «кабачишко» – селение отдал «государеву изменнику Батаю поневоле... И веде, государь, те наши кабачишка из Окоцкие земли, которые ныне у твоего государева изменника у Батая, перевести в свою государеву отчину в Терский город...» В свою очередь терские окочане излагают вновь свои близкие и дальние «службы», куда их посылают воеводы по государевым делам и откуда не все возвращаются живыми. Хлеб, что они возвращают под Терками, часто пропадает из-за засухи и саранчи, а «государева жалованья» не платят уже 5-й год. Окочане просят выплатить им за нелегкую службу хлебное и денежное жалованье, что задолжала им царская администрация за несколько лет [12, с. 122–130].	В Москве приветствовали выход на «государеву службу» еще одного чеченского предводителя и напутствовали: «А ныне пожаловав тебя нашим царским жалованьем, отпускаем на Терку, и ты б был в нашем царском жалованье вовеки неподвижен и нам, великому государю, в Терском городе служил и прячил и вперед на наше царское жалованье был надежен. А мы, великий государь, учнем тебя держать в нашем царском жалованье...» По поводу обращения терских окочан был отправлен запрос в Казанский дворец с целью выяснения «сколько человек... государеву службу служат, и какую они государеву службу служат, и государевым они денежным и хлебным жалованьем на Терке верстаны ль, и что им оклады, и на прошлые годы со 125-го году но 130-й год государево денежное и хлебное жалованье им дано ль или не дано». На обратном пути окоцкий мурза Кохостров и его «человек» утонули в р. Ока. Вместе с ним пропала и «государева жалованья грамота», в которой «велено было мурзе «ведать» узденями и людishками, осевшими с ним в Терском городе и «сидеть особно своим местом под Терским городом» [3, с. 140].
5.	1636 г.	Спустя 15 лет после смерти отца в 1636 г. едет в Москву в сопровождении трех узденей старший сын Кохострова Бийтемирова окоцкий мурза Албирь Кохостров с челобитной царю Михаилу Федоровичу [13]. Как и отца Албиря-мурзу в Москве встретили благосклонно. Докладная «выпись» Посольского приказа сообщает: «А как он был у государя на дворе на приезде и на отпуске, и ему дано государева жалованья – шубы и шапки против отца ево приезде» (т.е. как и отцу Кохострову Бийте-	В челобитной Албирь-мурза Кохостров впервые после смерти отца в 1621 г. заявляет о себе и брате Чепане в Москве. Все эти годы они жили в Терках. Достигнув взросления, стали на «государеву службу». Албирь желает возобновления престижа Кохостровых над прочими окочанами и убеждения Москвы в верности службы потомков Бийтемирова. Он докладывает о своих с братом службах: «И в приход под Терек нагайских людей государю служил и с татары бился, и брат де ево Чепелов-мурза служил всякие государевы службы с своею братьею равно, а государевым жалованьем не верстан». Далее дает знать, что «они с братом после отца своего сверстаны во всем с окочаны и пахотными людьми, и подводы и телеги с них емлют, и государь бы пожаловал ево Албирь-мурзу за	За «все службы» братья были пожалованы царем: к прежнему окладу 13 рублей было Албирю прибавлено 7 рублей, брату установлено жалованье в 10 рублей. Кроме того, выделялось соответственно и хлебное жалованье. По поводу последней просьбы из Москвы отписали терским воеводам: «будет отца их с окочаны с пахотными людьми тягла не имано, подвод и телег; и с них по тому же иметь не велено» [12, с. 122–130].

		мирову). Выдано было также и денежное жалованье – 20 рублей [3, с. 161].	все службы своим государевым жалованьем, а брата ево Чепелов мурзу пожаловал... велел поверстать и пожаловал их государь, подвод и телег с них иметь не велел» [3, с. 161].	
6.	1644–1645 гг.	Окочанин, уздень кабардинского князя Шолоха Сунчалеевича Черкасского, впоследствии задворный уздень, аталык (воспитатель) князей Муцала и Шолоха Сунчалеевичей Черкасских Бикша Алеев был прислан в Москву мурзой Муцалом Черкасским вместе с уздемом Офонасием Курмановым. Оба посланца выехали из Терского города в августе 1644 г. с челобитной о службах мурзы Муцала [3, с. 144, 301]. Бикша Алеев воспользовался поездкой в Москву и подал лично от себя челобитную в Посольском приказе.	Привезли челобитную царю Михаилу Федоровичу от мурзы Муцала Сунчалеевича, чтобы его «за службу отца ево князя Сунчалее и брата ево Шелоха-князя и за ево многие службы пожаловать отца и брата честью, князьим именем». В челобитной он просит о прибавке жалованья, ссылаясь на свои «службы» – на участие в приведении к шерти в 1643 г. Большой Кабарды и в боях с калмыкскими людьми, приходившими в 1644 г. под Терский город и осаждавшими заречные слободы [14, с. 147–154].	В Москве было принято решение о пожаловании Муцала князем в награду за его «службы». Были присланы князю царская «жаловальная» грамота и царское жалованье: кубок, шуба, шапка и др. «А послана та посылка с Муцаловыми уздени с Бикшею Алеевым да с Офонаском Курмановым». Из Москвы посланцы были отпущены в июне 1645 г. «в стругу водяным путем» [3, с. 302]. Справка в приказе Казанского дворца дала такие сведения о его окладе – денег 16 руб., хлеба 16 чети ржи, «овса тож», «а oprичь ево Бикши иново никоно (очевидно, среди узденей Муцала. – Т.М.) в той статье в денежной и в хлебном окладе не писано». После доклада этих сведений царю Михаилу Федоровичу был дан 12 июня 1645 г. указ о прибавке Бикше Алееву «2 руб. денег и хлеба 2 чети».
7.	1646 г.	10 июля 1646 г. князь М.С. Черкасский послал в Москву сообщение (сеунч) о победе над крымцами, ногайцами. В качестве гонцов им были отпущены его аталык окочанин Черкес Алеев (брат Бикши Алеева), трое княжеских узденей, терский казак, новокрещенец и окочанин Ахмет Сигунов [3, с. 303].	В 1646 г. Русское правительство организовало совместно с донскими казаками поход против Крыма и зависимых от крымских ханов ногайских татар. В Терский город была послана грамота, в которой велено сообщить о походе терским служилым людям казакам, атаманам черкасам, а также «окоцким людям жаловальным», и «нежаловальным» окочанским, мичкизским и шибутским людям. Посланцы в Москву должны были известить царя о победе и о взятии в плен языков.	В начале сентября 1646 г. Черкес Алеев и все сопровождавшие его люди были на приеме у царя Алексея Михайловича. Им было выдано жалованье: «Черкесу шуба соболья под камкою в 25 рублей, шапка лисья в 4 рубля, денег в 8 рубльс...». Одарен был весь состав посланцев. 8 сентября они были отпущены на Терек [2, с. 148].
8.	1646 г.	20 августа 1646 г. князь М.С. Черкасский послал в Москву новое сообщение. В числе гонцов был и терский окочанин Туруша Слесюрев [3, с. 147–148, 303–304].	В сеунче сообщалось о новой победе над крымскими войсками. Они прибыли в Москву 10 сентября, зимовали здесь и были отпущены на Терек в мае 1647 г.	Посланцы были приняты царем и пожалованы царским жалованьем [3, с. 303–304].
9.	1648 г.	Младший сын Кохострова Бийтемирова Чепан-мурза приехал в Москву к царю Алексею Михайловичу. Его сопровождали 5 узденей-окочан и двое толмачей – терских казаков. Чепан-мурза прибыл с Терков вместе с кабардинским князем Муцалом Черкасским, его сыном Каспулатом-мурзой и еще несколькими мурзами и узденями. В подарок царю Чепан-мурза привез двух арабских скакунов [3, с. 150–159]. Челобитная писана терскими подьячими.	Думным дьяком Посольского приказа был представлен царю так: «Великий государь, царь... Терской окоцкой Чепан-мурза, вам, великому государю, челом ударил, приехал видеть ваши государские очи и бити челом о своих делех». «И государь пожаловал, велел ево позвать к руке и клал на него свою царскую руку». «А после того думной дьяк Назарий явил государю поминки (подарки. – Т.М.). «Чепан мурза вам, великому государю, челом бьет – жеребец аргамак сер, аргамак гнед. И государь пожаловал, лошади велел принять» [3, с. 153; 12, с. 122–130].	Царь «учинил» следующий указ: «Ведомо нашему царскому величеству, что ты, Чепан, нам, великому государю, служишь и наше царского величества повеление исполняешь. И мы, великий государь, тебя за твою к нам службу жалуем, милостиво похваляем и хотим тебя держать в нашем царском милостивом жалованье. И ты б, Чепан, и впредь нам, великому государю, служи и на нашу государскую милость и жалованье был надежен» [3, 12].
10.	1658 г.	В 1657 г. было составлено письмо от части жителей Шибутского джамаата московскому царю Алексею Михайловичу. Его в 1658 г. привезли в Москву представители трех тайпов Шибутского общества Варандой, Тумсой и Чан-ти – Алихан, Алган и Сусло. Чеченские послы прибыли в Москву вместе с тушшанами и грузинским царем Теймуразом 20 июня 1658 г. [3, с. 184; 2, с. 99–110; 15, с. 82–85; 16, с. 130–131]	Просят принять жителей Шибутского джамаата в русское подданство. Как и грузинский царь Теймураз «стал подданным русского царя, – пишут шибуты, – мы тоже желаем быть подданными русского царя. Царь, смотри же на нас велико – приведем в подданство много-много селений. А пока мы три-четыре селения, били челом великому царю: пожалуй нас, царь!» Документ дошел до нас в подлиннике. Он написан тюркским языком арабской письменностью. В Посольском приказе был сделан русский канцелярский перевод. Это единственный известный факт о приезде послов в Москву из Шибутского общества.	21 сентября 1658 г. на приеме у царя Алексея Михайловича были двое тушин и шибутянин Алхан. Царь велел им передать следующее: «...и вы Шибутские земли владетели, нам великому государю, нашему царскому величеству, бьете челом и обещаетесь быть под нашею ж государскою высокою рукою в вечном холопстве. И за то мы, великий государь, наше царское величество, жалуем, милостиво вас похваляем, и хотим держать в нашем государском милостивом жалованье и в признание, от недругов во обороне. И вам бы, Тушинцом и Шибутские земли владельцом, нам, великому государю, служите и всякого добра под нашу царского величества высокую руку» [3, с. 195–196].

11.	1672 г.	Окоцкий Эльгутар-мурза Чепасв Костров – сын окоцкого мурзы Чепана Кострова (Кохострова) был послан в Москву вместе с шестью узденями кабардинским князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским [3, с. 213–214, 320; 12, с. 122–130].	Сообщить о победе русских войск над ойратским тайшой Албаем. Это был совместный поход с калмыцкими отрядами, возглавляемыми тайшой Аюкой. В походе принимали участие и отряды Каспулата Муцаловича Черкасского, в том числе и окочане. Несомненно был участником похода и окоцкий мурза Эльгутар Чепасв, присланный в Москву с известием о победе [3, с. 320].	В грамоте из Посольского приказа астраханскому воеводе сообщается об отпуске из Москвы посланцев с выданным жалованьем и «поденным кормом» в дорогу. Далее воеводе приказано «дать им струг, и кормщика, и гребцов, и в дорогу корм и питье и отпустить из Астрахани на Терек против прежних таких отпусков» [3, с. 214].
12.	1675 г.	Окоцкий мурза Эльгутар Чепасв с пятью узденями и другими сопровождающими послан в Москву с сеунчем [3, с. 323; 8, с. 343].	Летом 1674 г. князь К.М. Черкасский ходил в поход под турецкую крепость Азов. В его полку были гребенские казаки, окочане, новокрещены и др. [8, с. 337–343] Окоцкий мурза и его сопровождающие присланы в Москву с сообщением о победе.	Были пожалованы в Москве царским жалованьем. Так же как и в предыдущий раз выдан в дорогу «поденный корм» и отписано астраханскому воеводе о выдаче поденного корма и питья во время их пребывания в Астрахани и на дорогу до г. Терки [3, с. 323–324; 12, с. 122–130].

На наш взгляд, приведенные материалы вполне определенно позволяют установить хронологию начального этапа длительного процесса присоединения Чечни к России.

К концу XVII в. русско-северокавказские связи ослабевают. Внешнеполитические планы Рос-

сии были сосредоточены на ее северо-западных рубежах. Это способствует некоторому затуханию официальных сведений и свидетельств в русских источниках о чеченцах и их связях с Россией [17, с. 109–114].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963.
2. Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография. 1978. №6.
3. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. М., 1997.
4. Юзефович Я.А. Русский посольский обычай XVI в. // Вопросы истории. 1977. №8.
5. Белокуров А.С. Сношения России с Кавказом. 1578–1613. М., 1889.
6. Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории. 1971. №10.
7. Ахмадов Я.З. Первое вайнахское посольство в Москву (1588–1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX в.). Грозный, 1983.
8. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957.
9. Магомадова Т.С. Батай-мурза Шихмурзин в русско-чеченских связях конца XVI – первой половине XVIII в. // Вестник АН ЧР. №2 (11). Грозный, 2009.
10. Магомадова Т.С. О социальном статусе Шиха Окоцкого // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1980.
11. Магомадова Т.С. Четыре челобитные московскому царю служилых окочан Терского города // Вестник АН ЧР. №2(17). Грозный, 2012.
12. Магомадова Т.С. Окоцкие мурзы Кохостровы в Терском городе. // Вестник АН ЧР. Т. 2. №2. Грозный, 2008.
13. ГАРД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 442. Л. 78.
14. Магомадова Т.С. Братья Алеевы на «государственной службе» в Терском городе // Вестник Чеченского государственного университета. Вып. 2. Грозный, 2010.
15. Магомадова Т.С. Грузино-чеченское посольство в Москву 1657–1658 годов // Сборник статей госпединститута «Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа. История и современность». Грозный, 2005.
16. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988.
17. Магомадова Т.С. Из истории взаимоотношений Юго-Восточной Чечни с Россией в XVI–XVII вв. // Вестник АН ЧР. №1(10). 2009.
18. Сокуров В.Н. О характере русско-кабардинских политических связей в 70-х гг. XVII в. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 10. Нальчик, 1876.
19. Трепавлов В.В. Русско-кавказские отношения в XVI–XVIII вв.: историческая реальность и исторические схемы // Россия и Кавказ: история и современность. Владикавказ, 2005.

КЕНЬ-ЮРТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ЧЕЧНЕ

© С.Х. БЕКМУРЗАЕВ¹, С.Б. БУРКОВ², Х.М. МАМАЕВ³

¹ Департамент по охране и использованию культурного наследия (памятников истории и культуры) Министерства культуры ЧР, г. Грозный

² Институт истории и археологии РСО-А, г. Владикавказ

³ Центр археологических исследований ИГИ АН ЧР, г. Грозный

В статье публикуются материалы обследования нового памятника эпохи раннего железа из Чечни – Кень-Юртовского городища на р. Терек, в материалах которого фиксируется присутствие черт, присущих керамическому комплексу как восточного, так и западного вариантов кобанской культуры, что свидетельствует о процессах внутренней миграции племен в ареале кобанской общности.

Ключевые слова: городище, эпоха раннего железа, керамика, процессы миграции.

In the article published materials of exploration of new monument of Early Iron age from Chechnay – Ken-Urt fortress on r. Terek, in materials are fixed presents of features, inherent to ceramic complex such east, as west variants of coban's culture, which shows processes of internal migration of tribes in area of coban society.

Key words: fortress, Early Iron age, pottery, migration process.

В 2009 г. в 2 км к 3 от с. Кень-Юрт на границе Грозненского и Надтеречного районов ЧР при проведении надзорных археологических работ Департаментом по охране культурного наследия Министерства культуры ЧР был обнаружен новый бытовой памятник эпохи раннего железа, названный Кень-Юртовским городищем, краткая информация о котором уже была опубликована С.Б. Бурковым [1, с. 83; 2, с. 194–195]. Целью статьи является представление полученных материалов и его историко-культурная характеристика в контексте древностей раннежелезного века региона.

Городище расположено на мысообразном выступе высокой (около 50 м) третьей террасы правого берега р. Терек, с левой стороны автодороги Подгорное-Кень-Юрт, чуть выше места перехода через нее линии газопровода. Ориентировочные размеры памятника (с 3 на В и С на Ю) – соответственно 220x150 м. С северо-запада, северо-востока и севера его естественной границей является край террасы, с запада и юго-запада его территория ограничена склоном балки (оврага), по которому проходит автодорога.

Более пологий (от 20 до 30 градусов) северо-западный склон террасы на расстоянии около 100–110 м от ее основания переходит в слабоволнистую поверхность терской поймы. С южной (напольной) стороны на террасе заметны следы заплывшего рва (рис. 1). При визуальном осмо-

тре других оборонительных сооружений зафиксировано не было, однако значительная крутизна склонов может объясняться их искусственным подрезанием (эскарпированием).

В целом считается, что для кобанских памятников фортификационные сооружения искусственного характера нетипичны, хотя иногда поселения, расположенные на мысах, укреплялись с напольной стороны рвами или валами. Так, на юго-западной окраине холма – убежища Сержень-Юрт I был зафиксирован ров длиной около 15, шириной 1,55 и глубиной 1,2 м. По мнению В.И. Козенковой, он был сооружен в экстремальных условиях нападения кочевников [3, с. 9]. Время его создания отнесено ко времени гибели поселка, которое датируется находками бронзовых скифских наконечников стрел, обнаруженными как в верхних слоях поселения, определяемых серединой VII – началом V в. до н. э., так и в засыпке погребения № 5, датируемого началом VII в. до н. э.

Другой памятник – Бамутское поселение – с северной стороны был прикрыт оврагом [3, с. 82–84; 4, с. 111], склоны которого могли быть специально эскарпированы. Применительно к Змейскому поселению X–VIII вв. до н. э. Д.В. Деопик отмечал, что на нем, возможно, имелись и укрепления. Оно располагается на отдельном холме с крутыми склонами, как и Сержень-Юртовские поселения [6, с. 35–36]. На некоторых бытовых

раннего железного века – Нестеровском, Алхастинском, Магас – I, Николаевском, Нацар-гора, Прикумском – были зафиксированы похожие курганообразные зольники, состоящие из пережженной керамики и костных остатков [11, с. 172–173; 12, с. 16, рис. 9; с. 19, рис. 12; с. 20, рис. 13; 7, с. 35–37; 13; 14, с. 39–40]. Осмотр кень-юртовских насыпей находок не принес, хотя при обследовании прилегающей территории и были найдены отдельные фрагменты керамики.

На территории самого городища от основания западного склона террасы вверх (по линии СЗ – ЮВ) выкопана траншея шириной от 7 до 8 м и глубиной до 1 м, в которой проложен газопровод (рис. 2,2). В результате обследования этого участка был собран подъемный материал в виде фрагментов керамики и костей животных и зафиксирован выход однородного, без прослоек, культурного слоя, полностью разрушенного на всей площади прокладки трубы.

Для уточнения датировки городища на небольшом участке юго-восточной стены этой траншеи была произведена зачистка обнажения культурного слоя. Образовавшаяся площадка подтреугольной формы, юго-западная сторона которой на уровне поверхности составляла 1,55 м, северо-восточная – 0,7 м, по мере углубления достигла размеров соответственно 2,6 и 1,7 м (рис. 2,1).

Здесь на глубине 0,7 м от поверхности у юго-западной стенки был отмечен выход предматерикового грунта светло-желтого цвета. Материк (глина) был зафиксирован на глубине 0,85 м. Стратиграфия вскрытого участка такова: верхний слой – дерновый слой темно-коричневого и черного цветов, плотный, сухой, с корневищами полевых трав толщиной от 3 до 5 см. Далее следовал культурный слой – мешаная супесь темно-серого цвета, рыхлая, сухая, мелкокомковатая, насыщенная находками в виде фрагментов керамики, турлука и костей животных, мощностью 60–70 см; ниже – предматериковый суглинок серо-желтого цвета мощностью до 10 см, под которым оказался материк (плотная крупнокомковатая глина желтовато-коричневого цвета).

Обнаруженные фрагменты керамики принадлежали сосудам типа корчаг, горшков средних и крупных размеров, баночным формам и мискам. Цвет поверхностей корчаг в основном серый, коричневый, пятнистый, внешняя – чаще затерта, заглажена, внутренняя – в основном бугристая. Структура черепка различна: встречена как рыхлая, так и более плотная, причем это прямо не связано с однослойностью и одноцветностью;

есть трехслойные фрагменты, плотные по своей структуре, но встречены и однослойные образцы, значительно более рыхлые. Среди примесей в основном обильные мелкие частицы беловатого и сероватого цветов. Для более точного определения необходимо детальное изучение состава формовочной массы, а также прилегающих к памятнику глинистых пластов, как было сделано применительно, например, к керамической коллекции Ильиновского поселения середины I тыс. до н. э. [15, с. 59]

Практически у всех корчаг венчик слегка отвернут, выгнут наружу, верх заовален, горловины усечено-конической и биконической формы (рис. 3,2,3; рис. 4,3,4; рис. 7,10; рис. 8,2,5). Орнамент в виде налепных валиков с защипами расположен на венчике или сразу под ним, в месте перехода горловины в плечико. Другие орнаментальные мотивы – это две прочерченные горизонтальные параллельные линии – единичны (рис. 10,3).

Тулова корчаг из Кень-Юрта полностью не восстанавливаются, но по сохранившимся фрагментам верхних частей сосудов можно установить, что верх плечика от горловины уступом не отделен – исключение один экземпляр (рис. 10,7), находящий аналогии в керамике из слоя VI–V вв. до н. э. Татарского городища [16, с. 45, 162, рис. 68,8]. Сосуды имеют плавно выгнутые очертания, придонная часть – выделена, часто – вогнута, днища с закраинами (рис. 6,7; рис. 9,4–6; рис. 10,1,2,5,6), в нескольких случаях наблюдается резкий переход горловины в плечико (рис. 9,2; рис. 10,3,7). Толщина черепка у венчика – от 6,5 до 14 мм, горловины – в среднем от 7 до 9 мм, тулова – 9–11 мм, придонной части – 9–11 мм, дна – 9–14 мм.

Рассматриваемые сосуды, орнаментированные сплошными валиками с защипами, размещенными у венчика или на тулове (рис. 4,1; рис. 9,1–3), напоминают образцы из Ханкалы и Аллеройского могильника № 1 [17, с. 358, рис. 42,8; с. 380, рис. 64] и могут быть сопоставлены с типом X горшков из Сержень-Юрта, выделенным В.И. Козенковой. Налепной валик, располагавшийся вокруг шейки, для данной категории сосудов редок. Вывод В.И. Козенковой о преобладании волнистого валика, опоясывающего горловину сосуда, для керамики из Сержень-Юртовских поселений связан лишь с горшками II типа, имеющими прямые или слегка отвернутые венчики, но не с корчагами [18, с. 168–170, рис. 65–67; с. 172, рис. 69].

В могильниках западного варианта кобанской культуры налепной орнамент на корчагах

1

2

Рис. 2. 1 – зачистка в траншее на Кень-Юртовском городище;
2 – траншея, проложенная на территории городища

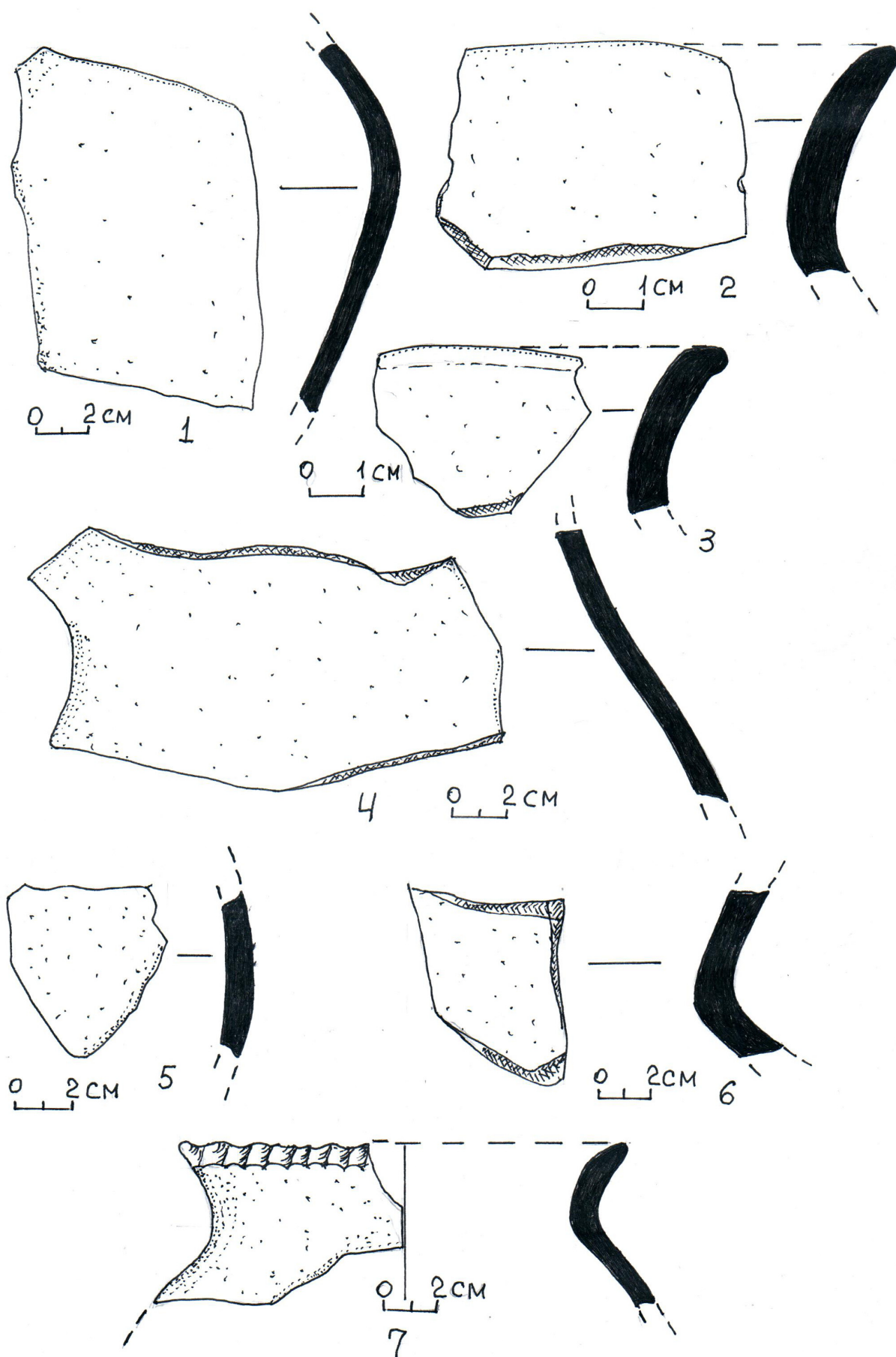

Рис. 3. Городище Кень-Юрт. Керамика из культурного слоя

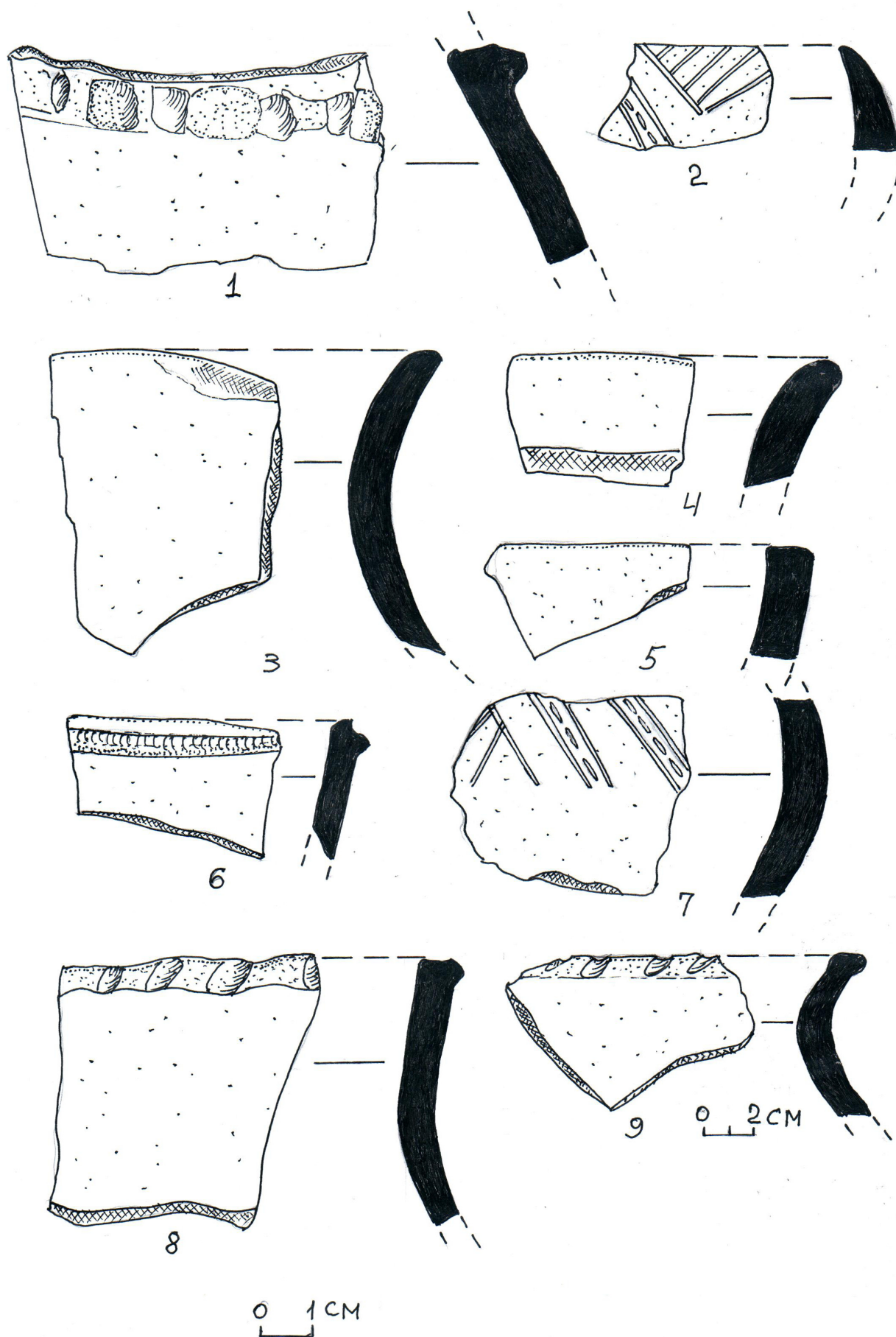

Рис. 4. Городище Кень-Юрт. Керамика из культурного слоя

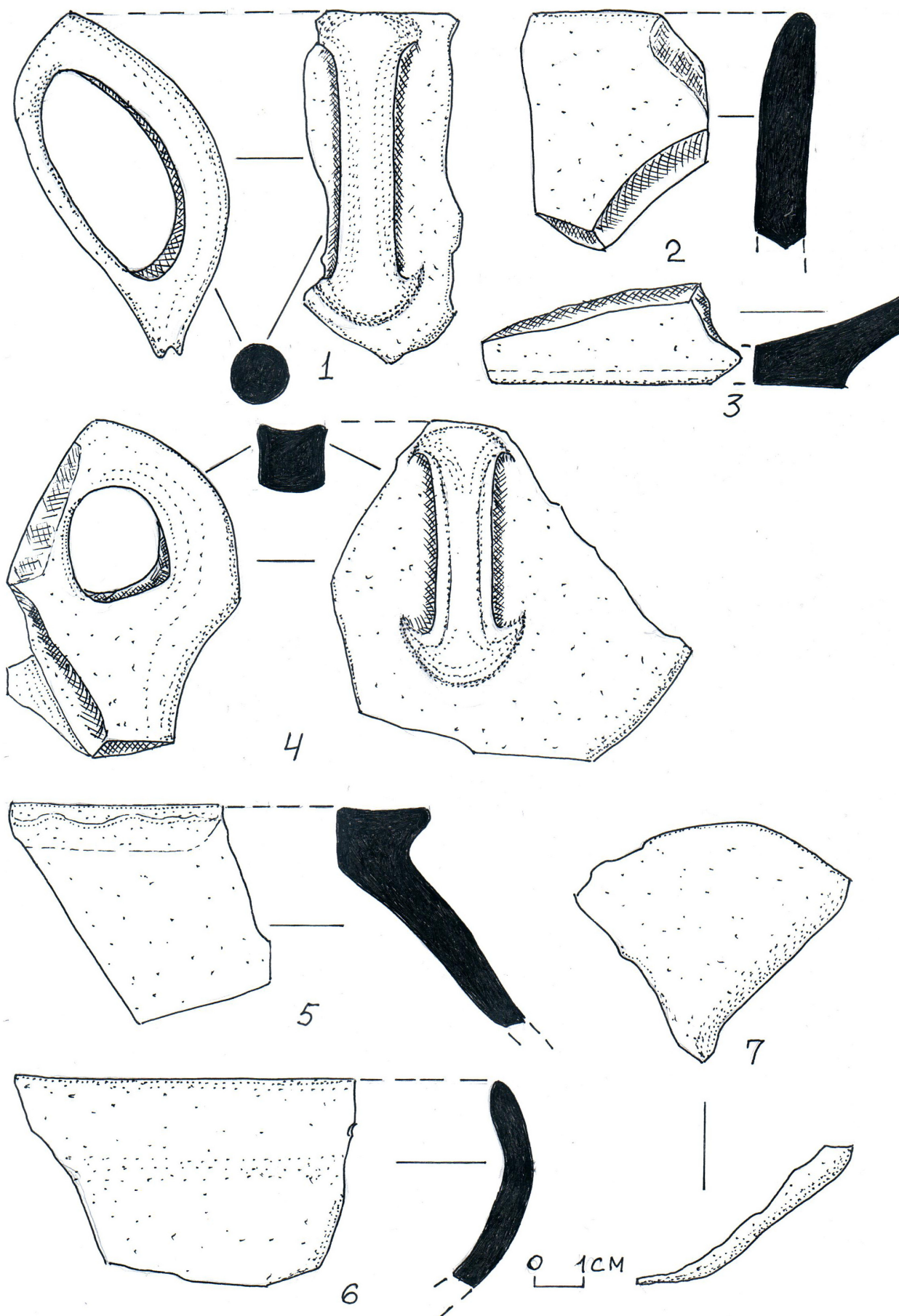

Рис. 5. Городище Кень-Юрт. Керамика из культурного слоя

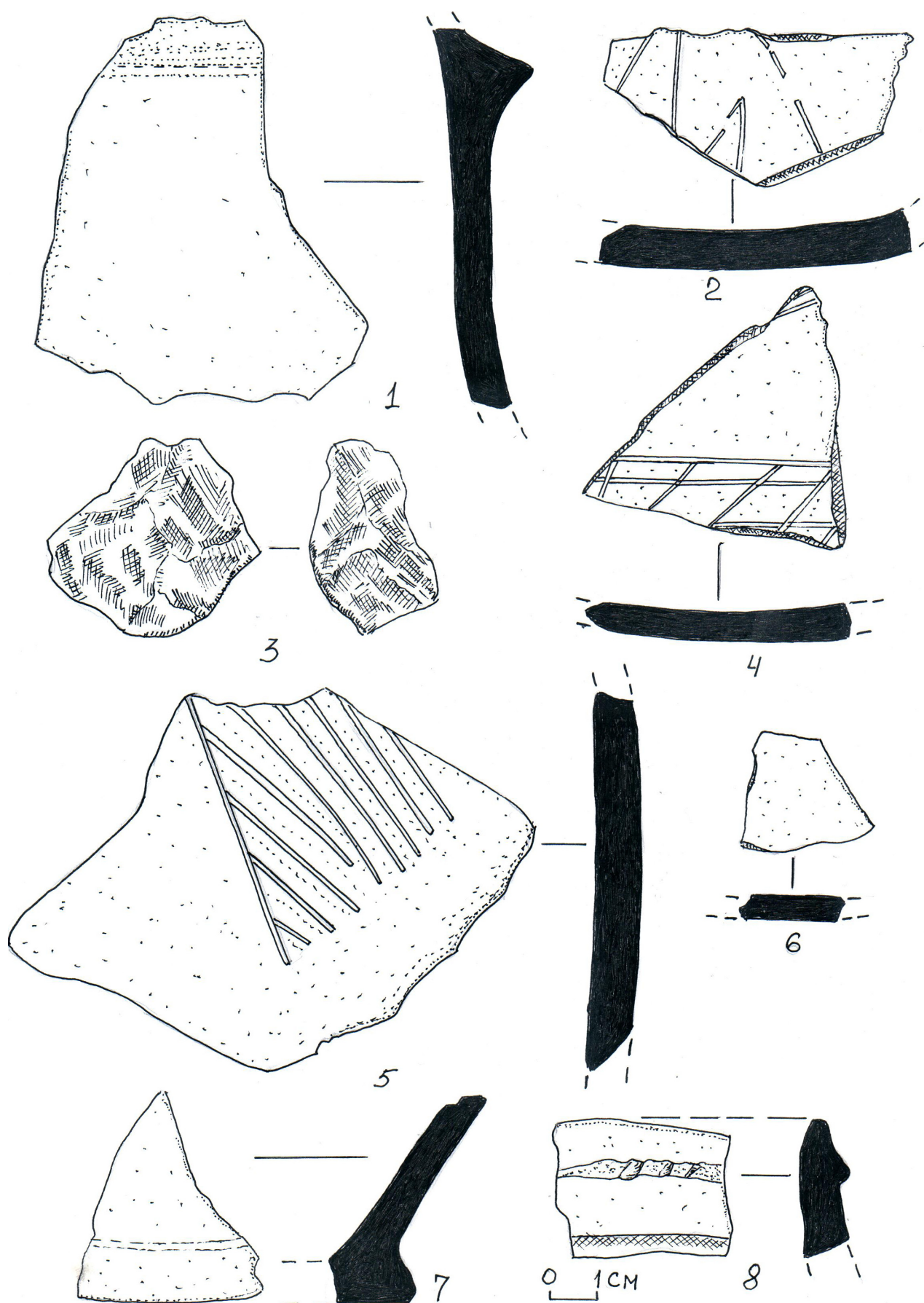

Рис. 6. Городище Кень-Юрт. Керамика из культурного слоя

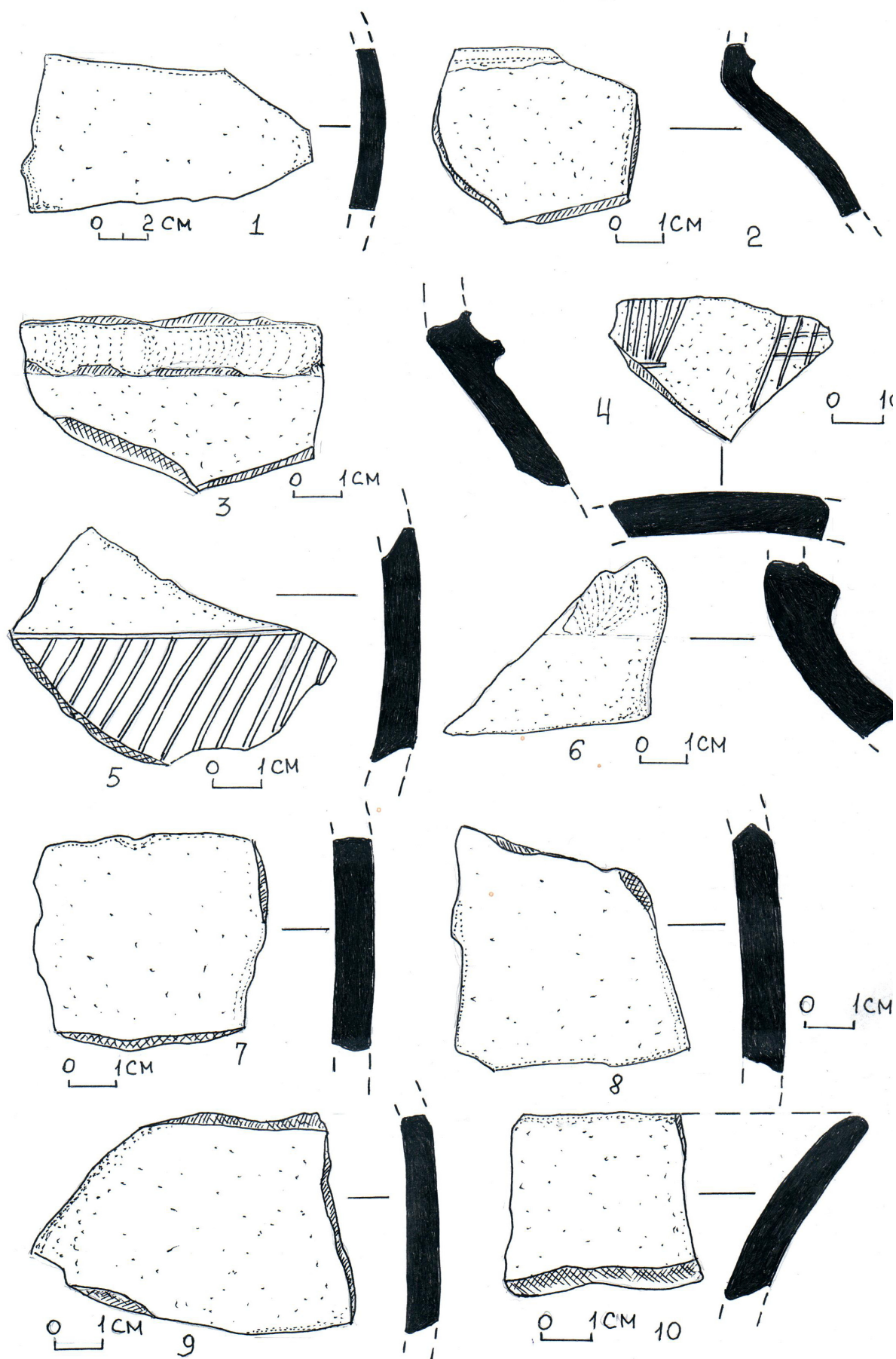

Рис. 7. Городище Кень-Юрт. Находки из культурного слоя

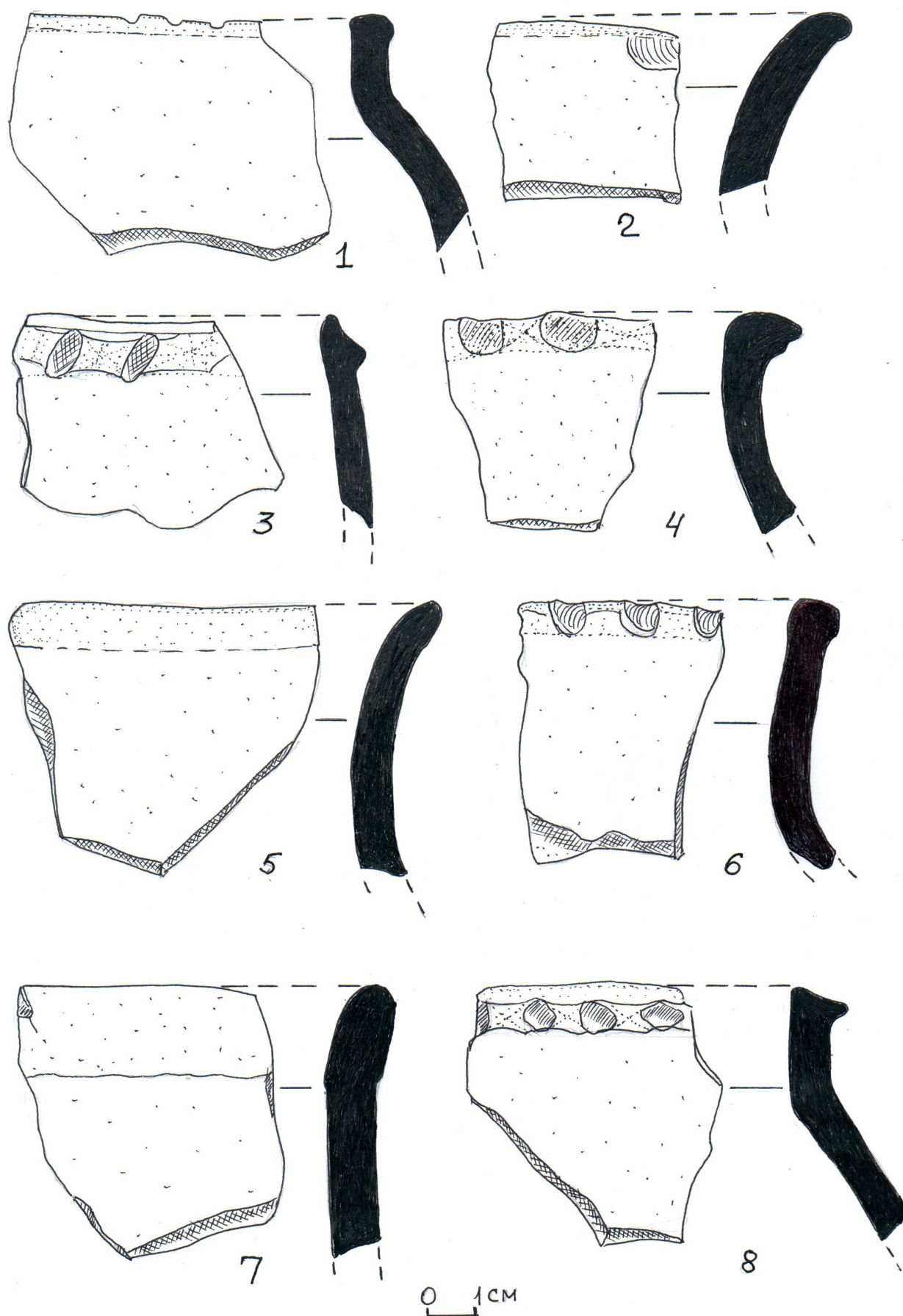

Рис. 8. Городище Кень-Юрт. Находки из культурного слоя

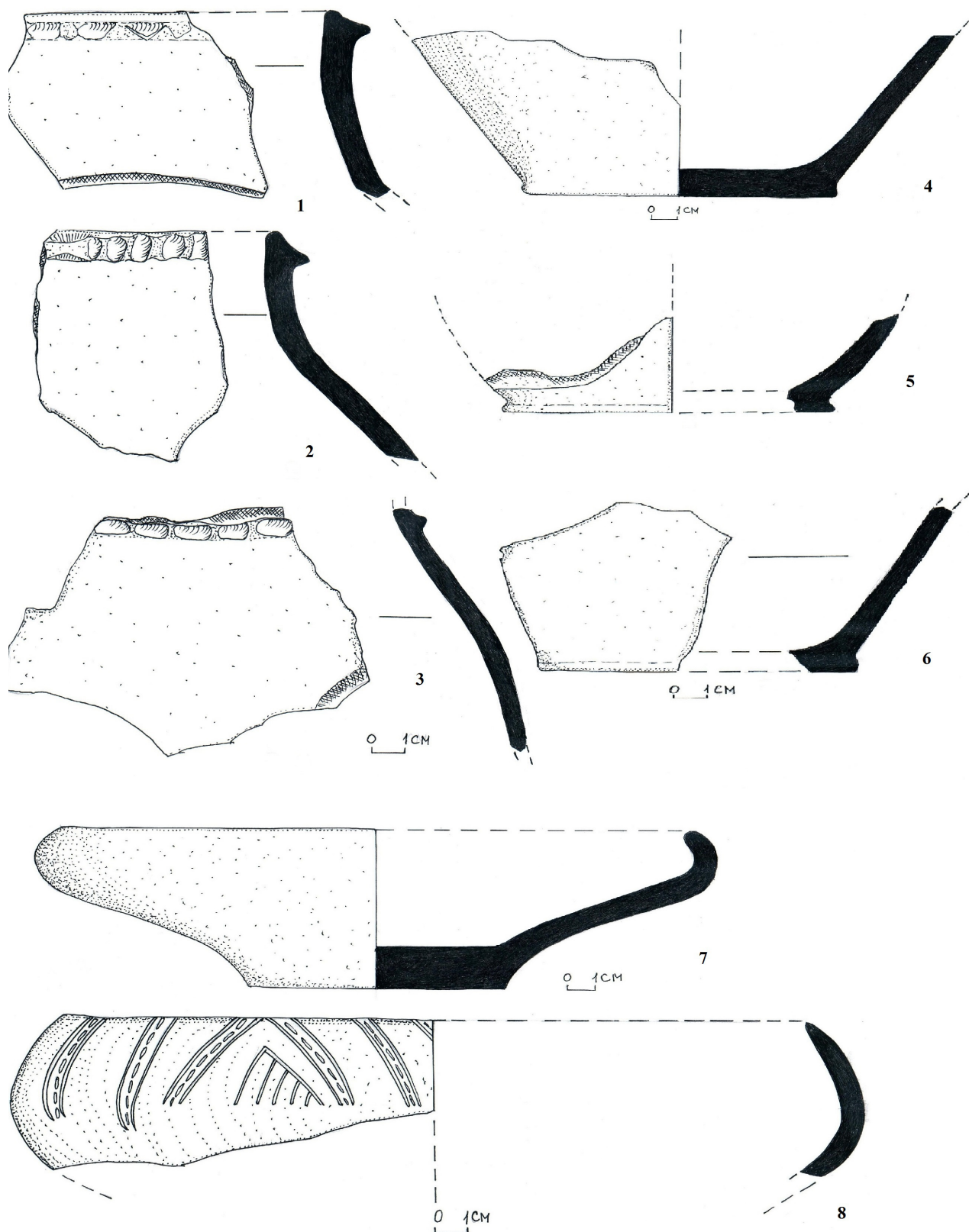

Рис. 9. Городище Кень-Юрт. Находки из культурного слоя

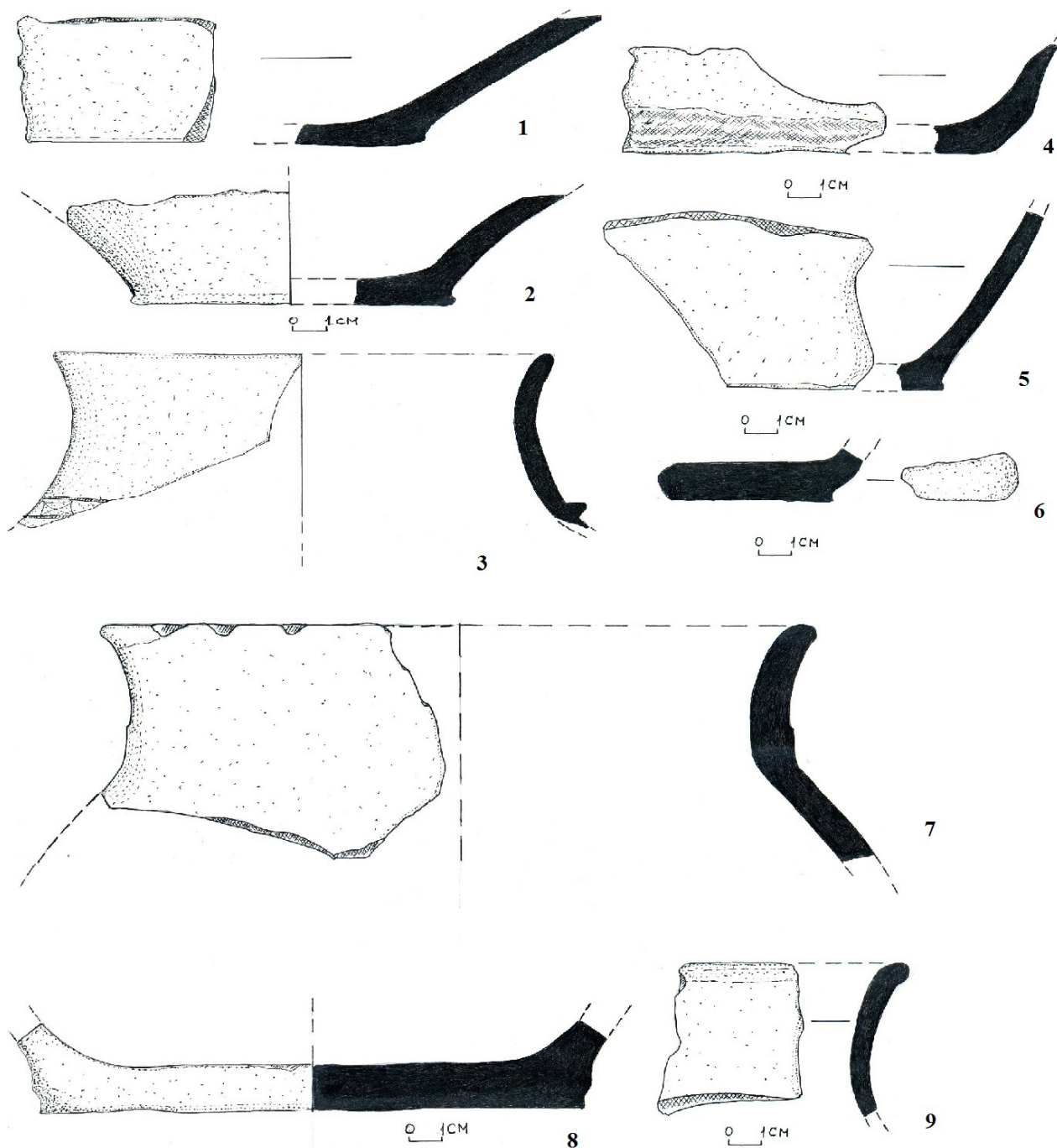

Рис. 10. Городище Кень-Юрт. Находки из культурного слоя

был обычен до второй половины VIII в. до н. э., позднее в основном встречается прорезной и штампованный узор по лощеной поверхности [5, с. 67–68] – для рассматриваемой коллекции это не характерно. С середины VII–VI вв. до н. э. и вплоть до конца V в. до н. э. сосуды западной группы орнаментируются узорами двойного контура. Такой орнамент характерен для фрагментов из Кень-Юрта. Налепные «ромбики» находят аналогии на керамике Татарского городища [16, с. 45, 164, рис. 70,4].

Орнамент в виде насечек и защипов по кромке венчика (рис. 3,7; рис. 4,8,9; рис. 8,4,6) известен

для горшков, происхождение которых связывается с первичными формами скифо-савроматского мира, творчески переработанных местными гончарами. Фрагменты прямых венчиков со слегка приостренными краями из Кень-Юрта (рис. 5,2; рис. 6,8; рис. 8,3) напоминают баночные формы II типа [3, с. 76, 173, табл. LI, 2–4, с. 74, 172, табл. XLVIII, 8–13; 18, с. 35, с. 173, рис. 70; с. 33, 169–170, рис. 66–67]. Такие встречаются и в памятниках западной группы [5, с. 156, табл. IX,11; с. 157, табл. X,22]. К формам восточного варианта может быть отнесен фрагмент придонной части с выделенным поддоном (рис. 9,6), аналогичный

найденным в Сержень-Юртовском могильнике и поселениях, а также в памятниках междуречья Хулхулау и Аксая. Время существования такой формы приходится на первую половину I тыс. до н. э., т. е. не позднее конца V в. до н. э. Сосуды с подобным профилем найдены и в подкурганых комплексах с датой – V–IV вв. до н. э. [3, с. 74, 172, табл. XLVIII, 11; 19, с. 39, 60, рис. 19, 1]

Среди других форм сосудов Кень-Юртовского городища наиболее многочисленны миски. Край их венчиков чаще приострен, загнут вовнутрь, тулово заovalенно-биконическое, без выделенного ребра. На части мисок в верхней части тулова присутствует орнамент, нанесенный с помощью прочерченных параллельных линий, в виде незамкнутых треугольников в сочетании с отрезками параллельных линий, с внутренними короткими штрихами (рис. 4, 2, 7; рис. 9, 8). В такой же технике выполнен и другой декор – сплошные прочерченные вертикальные параллельные линии, примыкающие к одной горизонтальной (рис. 6, 4, 5; рис. 7, 5), а также незамкнутые отдельные треугольники, образованные прерывистой двойной линией (рис. 6, 2) и ромбы из пересекающихся под углом двойных линий (рис. 6, 4; рис. 7, 4). Поверхности у мисок затерты, заглажены, иногда подлощены, серого цвета, иногда с желтоватыми пятнами; черепок в изломе плотный, мелкопористый и мелкозернистый, одноцветный – серый, коричневый, иногда двух-трехслойный серого или желтоватого цветов; тесто – хорошо промешано и отмучено, обжиг – равномерный, но не полный. Среди примесей – мелкотолченые слюда, дресва, кварцит, ракушка, вкрапления беловатого и сероватого цветов.

Одна из кень-юртовских мисок восстанавливается частично, другая – полностью (рис. 9, 7, 8). У одной край венчика приострен, загнут внутрь, тулово заovalенно, без выделенного ребра, нижняя часть тулова и дно не сохранились. Поверхность светло-серого цвета затерта и заглажена, черепок в изломе плотный, однослойный и одноцветный, серого цвета. Структура черепка – мелкопористая, мелкозернистая, тесто хорошо промешано и отмучено, обжиг равномерный, прокал хороший, тесто с примесью из мелкодробленой дресвы и включений беловатого цвета.

У другой миски венчик заovalен, вогнут внутрь, тулово округло-биконическое, ребро не выделено, придонная часть выгнута, дно плоское. Поверхность затерта, заглажена, черепок в изломе плотный, мелкопористый, мелкозернистый. Цвет внешней поверхности – светло-серый, внутренней – серый, на изломе двухцветный: внешний слой светло-серый, внутренний – темно-серый.

Тесто хорошо промешано и отмучено, неполного прокала, с примесями из слюды, мелких включений сероватого и белого цветов. Сосуд изготовлен на гончарной подставке.

Этот экземпляр может быть сопоставлен с мисками II типа по В.И. Козенковой, выделенного ею, как наиболее массового, для Сержень-Юрта в слое X–VII вв. до н. э. [3, с. 77, 174, табл. LII, 4; 18, с. 29, 175, рис. 72, 3] Рассматриваемая миска сходна и с формами, выделенными В.А. Петренко в группу керамики III в. до н. э. – I в. н. э. [20, табл. 1, 25] Подобные экземпляры встречаются и позднее. М.П. Абрамова такие миски отнесла к I типу, ранние датировала III–I вв. до н. э., поздние – I–II вв. н. э. **Аналогичный по форме экземпляр** происходит с территории Чечни (Джалка) [21, табл. №84, группа "а", №5; 22, с. 49–50, рис. 14, 8, 9, 13; с. 143, рис. 55, 1–4].

Кень-юртовский сосуд близок экземплярам из Нартанских курганов, у которых, однако, есть и некоторые отличия – более высокий корпус, меньший изгиб венчика и придонной части [23, табл. 31, 3; табл. 35, 10; табл. 41, 36; табл. 48, 46]. Более точной аналогией представляются миски из погребения № 4 Комаровского и № 91 Нижне-Джулатского могильников.

На керамике из указанных некрополей встречен и аналогичный по способу нанесения прочерченный орнамент [24, рис. 1, 4, 10, 18, 20, рис. 2, 11, рис. 3, 3, 16, рис. 6, 25, 29]. Такая техника нанесения узора двойным контуром с использованием стержней с раздвоенным концом для западнокавказских образцов фиксируется не ранее рубежа VIII–VII вв. до н. э. и исчезает к V в. до н. э. [5, с. 68] Похожий декор был найден и на территории Ставропольской возвышенности – в нижних слоях Татарского городища [16, с. 163, рис. 69, 7].

Помимо орнамента, сходны с мисками из памятников Ставрополья способы оформления венчиков, формы верхней части тулова, а также технология изготовления, в том числе добавка в глину кварцита, слюды, мелкотолченой ракушки, что может быть связано с миграциями в район Кень-Юртовского городища групп населения из этой зоны. Для сравнения отметим, что среди примесей в керамике Ильинского поселения Чечни – песок, шамот, слюда, известь.

Наличие дробленной ракушки (ракушечника) в тесте керамического комплекса Ставропольской возвышенности сарматского времени связывается с присутствием этого компонента в местном сырье, использованном при изготовлении керамики и является особенностью для этой территории. Для керамики восточного варианта кобанской культуры характерно наличие дресвы

и шамота, для западного – примеси песка, толченого кварца и слюды, редкое использование шамота [5, с. 152, табл. V,12; с. 153, табл. VI,25; с. 155, табл. VIII,17; с. 165, табл. XVIII,7; 25, с. 67; 19, с. 293; 15, с. 59; 16, с. 52; 26, с. 106].

В кень-юртовской керамике сочетаются признаки технологий изготовления керамики обоих вариантов кобанской культуры, характерные, на наш взгляд, для V–IV вв. до н. э. (рис. 9,8) и сохранившиеся при изготовлении сосудов уже в ранне-сарматский период (рис. 9,7). Отметим, что наличие в комаровских и нижне-джулатских погребениях, приведенных выше в качестве аналогий, небольших кувшинчиков с ручкой, являвшихся одной из наиболее массовых находок, ограничивает их дату концом V в. до н. э. В рассматриваемой коллекции есть только один фрагмент (рис. 5,1), который может быть сопоставлен с данным типом керамики. Подобные сосуды есть и среди находок из Ильинского поселения, датировка которого ограничивается серединой I тыс. до н. э. [15, с. 58–59, рис. 1,11]

Среди прочих находок обращают на себя внимание обломки сосуда с уплощенным венчиком (рис. 5,5), фрагмент горловины со слегка отогнутым наружу, выделенным венчиком (рис. 8,7), имеющими аналогии в керамике III–I вв. до н. э. [16, с. 165, рис. 71,4; с. 180, рис. 86,6; с. 126, рис. 32,6,7; 19, с. 147, рис. 47,Б,1; с. 151, 180, рис. 52,2; с. 116, 197, рис. 69,1; с. 139, 207, рис. 79,6; с. 154, 268, рис. 94,2; с. 229], а также фрагмент тулова и ручки, подпрямоугольной в сечении, с прогибом внешней поверхности (рис. 5,4). Она отличается от ручек кобанского типа, овальных или округлых очертаний, и близка находкам конца IV – начала III вв. до н. э. Возможно, это влияние меотских традиций, также участвовавших в формировании на изучаемой территории керамики раннесарматского периода.

Вопросы определения культурно-хронологических привязок керамической коллекции из Кень-Юрга упираются в круг вопросов, связанных с состоянием изученности памятников этого периода. Необходимо отметить, что поселенческая керамика раннего железного века – середины VIII–IV вв. до н. э. и III в. до н. э. – IV в. н. э., в том числе для территории Чечни, до сих пор не стала предметом детального анализа. Это препятствует установлению критериев для выделения точных хронологических этапов существования здешних бытовых памятников, для большинства из которых известны лишь подъемные находки из случайных сборов или шурфовок, к тому же до сих пор почти не опубликованных. Страти-

графия исследованных стационарно поселений в научном обороте практически отсутствует – например, материалы Ильинского поселения, где велась послойная фиксация находок в раскопах и ямах, представлены лишь тезисно. Привязка типов керамики к этапам существования памятника проведена только для Сержень-Юртовских поселений [27, с. 109; 28, с. 235; 29, с. 285, 287–288; 5, с. 68; 14, с. 34; 22, с. 6; 30, с. 2; 2, с. 195]. Сложности возникают и в связи с установленными фактами бытования не только отдельных ранних керамических форм, но и существованием вплоть до сарматского времени производственных традиций, сформировавшихся еще в эпоху поздней бронзы [30, с. 275–276].

Поэтому мы пока предварительно разделили керамику Кень-Юртовского городища на две группы – VI–IV вв. до н. э. (раннюю) и III–I вв. до н. э. (позднюю). В собранном материале отчетливо выделяются две керамические традиции, характерные соответственно для восточного и западного вариантов кобанской культуры. С первой связаны горизонтальные наlepные валики под венчиком сосудов (II типа по В.И. Козенковой), вертикальные венчики сосудов типа банок, часть фрагментов придонных частей, венчиков и горловин небольших горшков, из технологических приемов – типичная обработка и цветовая гамма поверхностей, примеси в виде дресвы и шамота. Вместе с тем показательно, что в рассматриваемой коллекции нет ни одного фрагмента со спускающимися вниз наlepными валиками с защипами или отдельными наlepами, столь характерными для керамики восточного варианта кобанской культуры.

С традициями западного кобанского варианта могут быть связаны способ нанесения и характер прочерченного орнамента, равно как и сама форма части мисок. Наличие же толченой ракушки в находках обеих хронологических групп, в том числе в тесте сосудов характерных восточно-кобанских форм (рис. 4,7,8; рис. 8,6; рис. 9,1–3; рис. 10,7) указывает на использование технологических приемов, характерных для памятников Ставропольской возвышенности. Подобная ситуация, зафиксированная, например, и в керамике Нартанских курганов (Кабарда), а также в ряде памятников Моздокского района Северной Осетии, может объясняться перемещением сюда каких-то групп населения из Ставрополья [19, с. 293; 30, с. 5], что подтверждается и материалами нового памятника эпохи раннего железного века Чечни – Кень-Юртовского городища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурков С.Б. Из истории изучения бытовых памятников эпохи раннего раннего железного века с территории Чечни // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 1. Нальчик, 2012. С. 83.
2. Бурков С.Б. К истории полевого изучения бытовых памятников эпохи раннего железа с территории Чечни // Историко-археологический альманах. Вып. 13. Армавир-Краснодар-М., 2012.
3. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. Вып. В2-5. М., 1982.
4. Магомедов А.Р. Бамутское поселение – новый памятник кобанской культуры // СА. 1972. №2.
5. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1982.
6. Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. I. Орджоникидзе, 1961.
7. Крупнов Е.И. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. XXIV. М., 1949.
8. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н. О Шелкозаводском городище Хазарского времени на Тереке // МИАСК. Вып. 1. Армавир, 2003. С. 89–114.
9. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М., 2006.
10. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
11. Крупнов Е.И. Археологические памятники Ассинского ущелья // Тр. ГИМ. Вып. XII. М., 1941.
12. Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ. Вып. XVII. М., 1948.
13. Бурков С.Б. Отчет о работах по комплексной теме «Изучение и сохранение культурного наследия (памятников археологии) в Назрановском районе Республики Ингушетия» раздела федеральной программы «Изучение, сохранение и реставрация культурного наследия Российской Федерации». Назрань, ст. Орджоникидзевская, 1995.
14. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
15. Дударев С.Л., Ростунов Е.В., Тимахов В.В. Керамика Ильинского поселения // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990). Грозный, 1991.
16. Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка – Вербовка. М., 2012.
17. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
18. Козенкова В.И. Поселок-убежище у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.
19. Бурков С.Б., Прокопенко Ю.А. Подкурганые погребения раннего железного века – эпохи раннего средневековья с территории предгорной Чечни. Ставрополь, 2008.
20. Петренко В.А. Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н. э. – IV в. н. э.) из могильников Юго-Восточной Чечни // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
21. Петренко В.А. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н. э. – IV в. н. э. Дис. ... к.и.н. (рукопись). Грозный, 1980.
22. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1993.
23. Батчаев В.М. Курганы скифского времени у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. II. Нальчик, 1985.
24. Абрамова М.П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. 1974. № 2.
25. Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь, 2005.
26. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1998.
27. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
28. Кузнецов В.А. Рецензия на: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // СА. 1964. №4.
29. Козенкова В.И. Рец.: Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.) // СА. 1974. № 2.
30. Маслов В.Е. Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII–V вв. до н. э. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ САБЛИ ИЗ МАЙРТУПА И ГОРДАЛИ В ЧЕЧНЕ (ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© В.И. ЗАВЬЯЛОВ¹, Р.Х. МАМАЕВ²

¹ Институт археологии Российской академии наук, г. Москва

² Центр археологических исследований ИГИ АН ЧР, г. Грозный

В статье публикуются результаты металлографического анализа позднесредневековых сабель, происходящих из могильников у сс. Майртуп и Гордали в Юго-Восточной Чечне.

Ключевые слова: *позднесредневековые сабли, металлографический анализ, Юго-Восточная Чечня.*

In the article is published results of metallographic analysis of late medieval sabers, originating from burial grounds near s. Mairtup and s. Gordali in South-Eastern Chechnya.

Key words: *late medieval sabers, metallographic analysis, South-Eastern Chechnya.*

Недавно один из авторов опубликовал находки средневековых сабель из Майртупа, хранящихся в Национальном музее Чеченской Республики [1]. Позднее три из них [1], а также сабля из Гордалинского позднесредневекового могильника [2] были исследованы в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

Изучение проводилось по методике, разработанной в кабинете металлографии Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Шлифы после травления реактивом ниталь (4% раствор азотной кислоты в этиловом спирте) просматривались на металломикроскопе ММР-2Р при увеличениях 70х, 150х и 490х. Микротвёрдость измерялась на микротвердометре ПМТ-3 при нагрузке 100 г. Фотографирование проводилось на цифровую фотокамеру Nikon COOLPIX 4500 с последующей обработкой снимков в программе Photoshop 8.0. Нумерация анализов приводится согласно книге регистрации образцов, поступивших в Лабораторию; к номеру образца прилагается археологический шифр изделия. У всех предметов для наиболее подробной характеристики технологии изготовления отбиралось от двух до четырех образцов (с острия, лезвия, обушка и черенка).

Итоговые критерии оценки качества кузнечных работ основываются на следующих металлографических показателях: отсутствие нарушений температурного режима, мелкозернистость структурных составляющих, малочисленность и небольшие размеры шлаковых включений; при сварке – наличие тонких, чётких сварных швов, что подразумевает хорошее качествоковки и сварки. Соответственно отсутствие одного или

нескольких показателей свидетельствует об удовлетворительном качестве работы

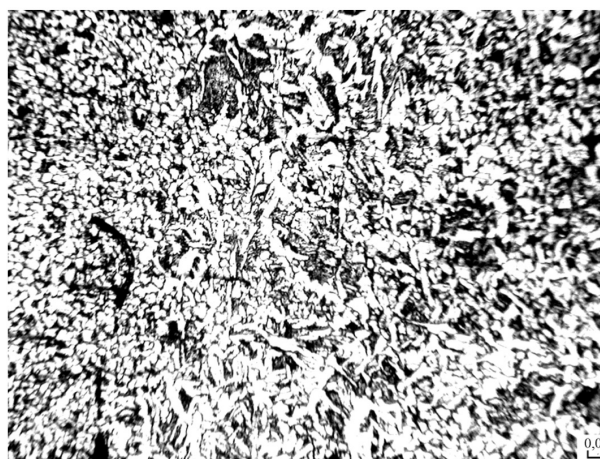
Ан. 12960. Майртупская сабля 1¹[1]. Отобрано четыре образца (рис. 1; 2; 3, 1).

Ан. 12960а. Шлиф представляет две трети поперечного сечения острия сабли со стороны обушка. Обнаружена структура феррита с перлитом (рис. 1). Содержание углерода около 0,2% в центре шлифа (рис. 1, 1), до 0,8% по краям (рис. 1, 2–4). По краю шлифа отмечены участки сорбита. Зерно феррита мелкое². В металле мало мелких шлаковых включений округлой формы. Микротвёрдость феррита с перлитом – 128–206 кг/мм², сорбита – 236–254 кг/мм².

Ан. 12960б. Шлиф представляет две трети поперечного сечения клинка со стороны лезвия в средней части сабли. По краям шлифа наблюдаются участки феррита. На основной поверхности шлифа расположена зона феррита с перлитом (рис. 2, 1). Содержание углерода 0,8%. В металле мало мелких шлаковых включений округлой формы. Микротвёрдость феррита – 181 кг/мм², феррита с перлитом – 206–254 кг/мм².

Ан. 12960в. Шлиф представляет две трети поперечного сечения клинка со стороны спинки в 5 см от перекрестия. В металле много шлаковых включений различных форм и размеров. На основной площади шлифа расположена зона феррита (рис. 2, 2–3). Зерно феррита среднее. По краям шлифа фиксируются отдельные участки феррита с перлитом (рис. 2, 4). Микротвёрдость феррита составляет 135–151 кг/мм². Содержание углерода около 0,4–0,5%.

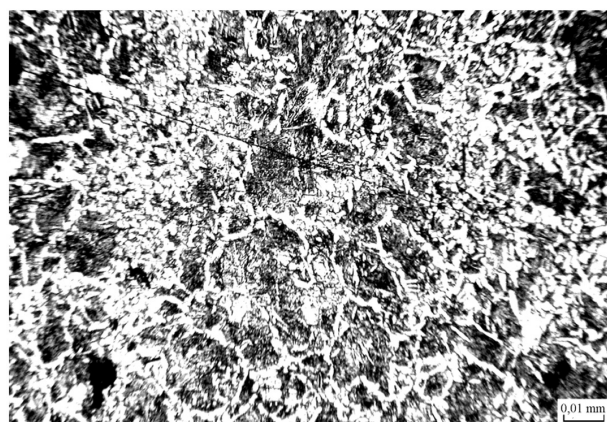
Ан. 12960г. Шлиф представляет полное поперечное сечение черенка. Шлаковых включений в металле мало. Шлаки мелкие и средние окру-

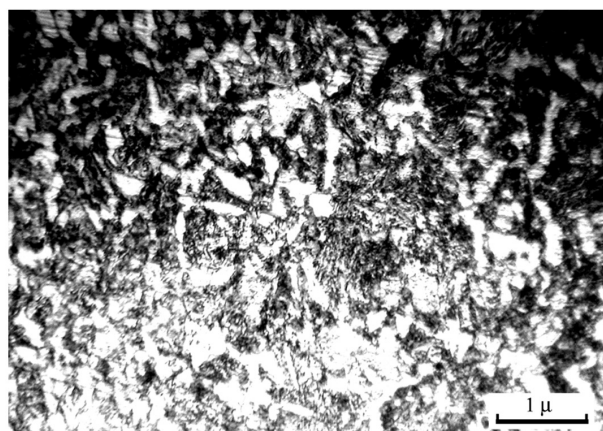
1

2

3

4

Рис. 1. Ан. 12960а. Феррит с перлитом

глых и вытянутых форм. Основную часть шлифа занимают зоны феррита и феррита с перлитом. Зерно феррита среднее. Содержание углерода до 0,4% (рис. 3, 1). По левому краю шлифа располагается зона сорбита. Микротвёрдость феррита с перлитом – 206–221 кг/мм², сорбита – 236–297 кг/мм².

Вывод. Сабля откована из кричного железа с последующей цементацией лезвия и острия. В цементирующей среде находился весь предмет, поскольку структура стали обнаружена даже на черенке. Однако обушок сабли был изолирован от воздействия углерода и сохранил структуру железа. Отмечается более высокая тщательность проковки лезвия в сравнении с обушком. Изделие подвергнуто закалке с последующим высоким отпускком. Качествоковки хорошее.

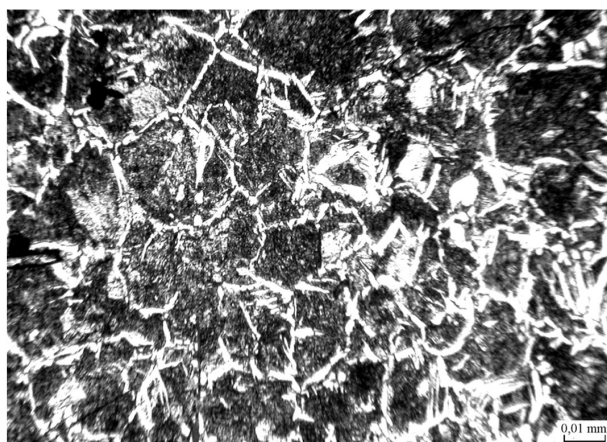
Ан. 12961. Майртупская сабля 2³ [1]. Отобрано два образца.

Ан. 12961а. Образец представляет две трети поперечного сечения обоюдоострой части клинка

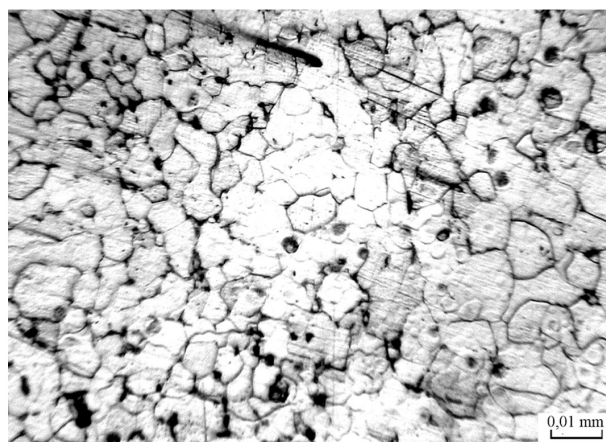
в 7 см от острия со стороны спинки. Обнаружены структуры феррита в центральной части шлифа (рис. 3, 2), феррита с перлитом и сорбитообразного перлита. Зерно феррита среднее. Шлаковых включений много, шлаки мелкие, округлых форм. Содержание углерода до 0,3–0,4%. Микротвёрдость феррита – 135–151 кг/мм², феррита с перлитом – 160 кг/мм², сорбитообразного перлита – 254–297 кг/мм².

Ан. 12961б. Образец представляет 2/3 поперечного сечения клинка со стороны лезвия в 37 см от острия. Металл сильно засорён шлаковыми включениями различных форм и размеров. В центральной части шлифа размещается зона феррита (рис. 3, 3). Зерно феррита крупное. На лезвии – зона феррита с перлитом. Содержание углерода – 0,2%. Микротвёрдость феррита – 145–160 кг/мм², феррита с перлитом – 206 кг/мм².

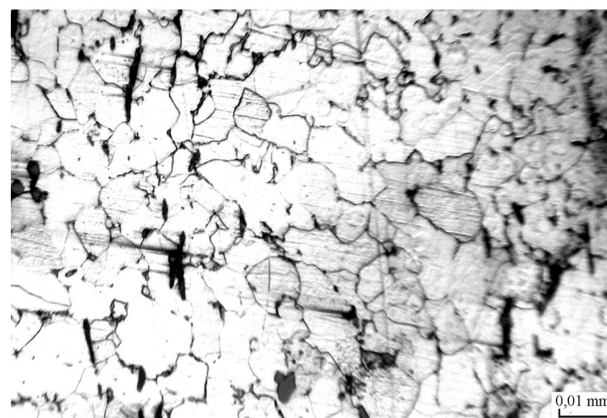
Вывод. Сабля откована из кричного железа с последующей цементацией лезвия. Дополнительной операцией по улучшению рабочих ка-

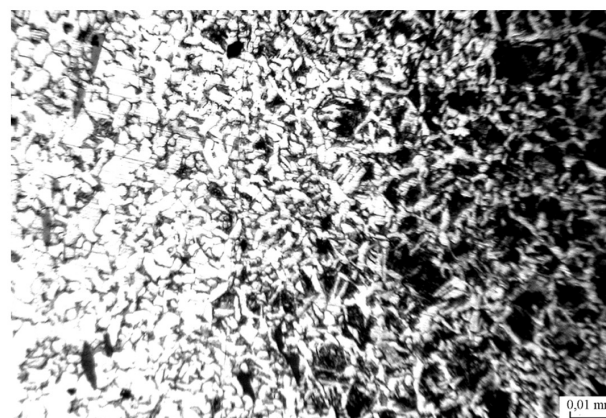
1

2

3

4

Рис. 2. 1 – Ан. 12960б. Феррит с перлитом; 2–3 – Ан. 12960б. Феррит;
4 – Ан. 12960б. Феррит, феррит с перлитом

честв была нормализация острия. Качество ковки удовлетворительное.

Ан. 12962. Майртупская сабля 3⁴ [2]. Отобрано два образца.

Ан. 12962а. Образец представляет две трети поперечного сечения обоюдоострой части клинка в 8 см от острия со стороны спинки. В верхней части шлифа обнаружена структура феррита. Зерно феррита среднее. В металле много мелких и средних шлаковых включений различных форм. Ниже, ближе к лезвию, располагается зона феррита с перлитом. Содержание углерода – 0,4–0,5%. На лезвии структура сорбитообразного перлита. Микротвёрдость феррита – 151–181 кг/мм², феррита с перлитом – 206–236 кг/мм², сорбитообразного перлита – 221 кг/мм².

Ан. 12962б. Образец представляет полное поперечное сечение черенка сабли. Обнаружена структурная зона феррита. В металле много мелких и средних шлаковых включений различных форм. Зерно феррита среднее, но структура более крупнозернистая, чем на шлифе 12962а. Микротвёрдость феррита – 135–181 кг/мм².

Вывод. Сабля откована из кричного железа с последующей цементацией и нормализацией острия. Качество ковки удовлетворительное.

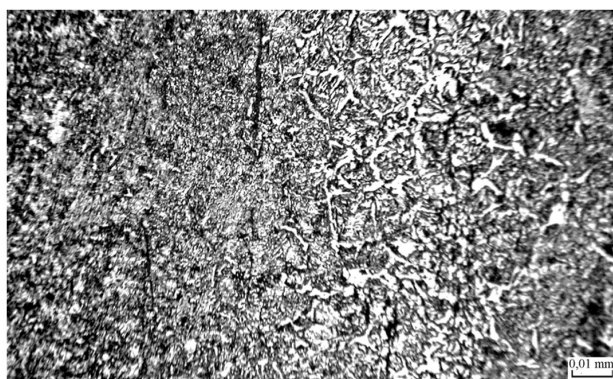
Ан. 12963. Гордалинская сабля (рис. 4). Отобрано два образца (рис. 3, 4).

Ан. 12963а. Образец представляет полное поперечное сечение клинка. На всей поверхности шлифа обнаружена структура сорбита (рис. 3, 4). В металле мало мелких шлаковых включений. Микротвёрдость сорбита – 254–274 кг/мм².

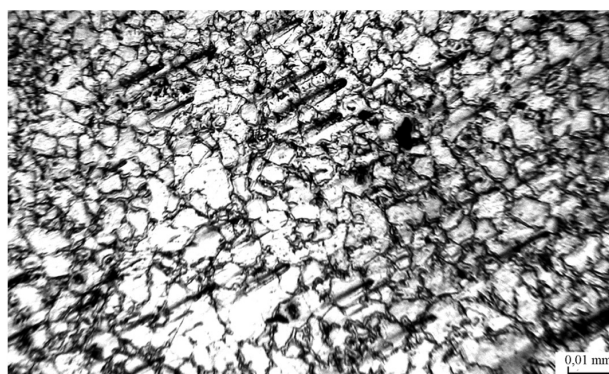
Ан. 12963б. Образец представляет полное поперечное сечение черенка. Обнаружены структурные зоны феррита с перлитом в верхней части шлифа и сорбита на лезвии. В металле мало мелких шлаковых включений. Содержание углерода – 0,5–0,6%. Микротвёрдость феррита с перлитом – 221–236 кг/мм², сорбита – 274 кг/мм².

Вывод. Сабля откована из стальной заготовки с последующим высоким отпуском. Качество ковки хорошее.

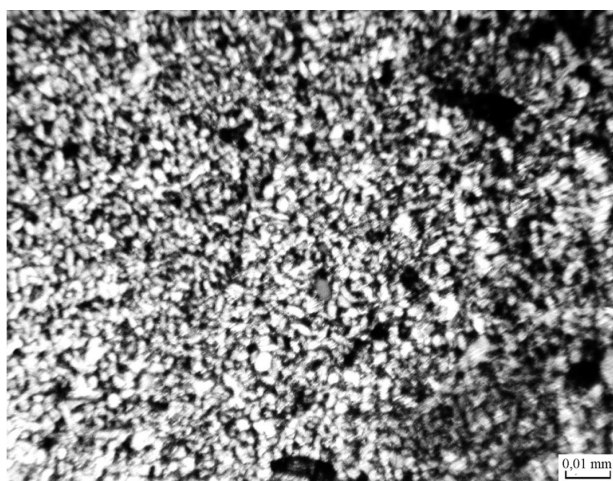
Все исследованные сабли представляют качественные изделия, изготовленные по технологии, соответствующей данному виду оружия. Металл

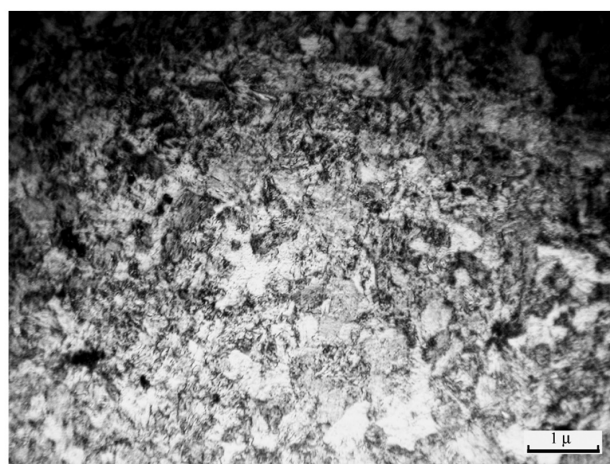
1

2

3

4

Рис. 3. 1 – Ан. 12960г. Феррит с перлитом, сорбит; 2 – Ан. 12961а. Феррит;
3 – Ан. 12961б. Феррит с перлитом; 4 – Ан. 12963а. Сорбит

достаточно хорошо прокован. Обращает на себя внимание различие в технологии изготовления сабель из могильников у сс. Майртуп и Гордали. Если первые отковывались из кричного железа с последующей цементацией (особое внимание при этом уделялось обоюдоострому острию), то сабля из могильника у с. Гордали откована из стальной заготовки. Все клинки были подвергнуты термообработке – нормализации (сабли из Майртупа) и высокому отпуску (сабля из Гордали).

На последней стоит остановиться особо, поскольку об этой находке была опубликована лишь краткая информация [2]. Сабля происходит из одного из разрушенных погребений Гордалинского могильника XIV–XVII вв. Ее сохранившаяся длина (у сабли обломлен кончик острия и часть черенка рукояти) составляет 86 см: длина клинка – 79 см, черенка рукояти – 7 см, обоюдоострого острия – 19,5 см. Ширина клинка варьирует: в месте крепления перекрестия, где сохранилась небольшая обойма, она составляет 4,3 см; ниже обоймы – 3,8 см, на большей части клинка – 3,6

см, а у острия слегка расширяется и равняется 4 см. Толщина обуйки составляет 0,7 см у обоймы и 0,4 см по остальной длине. Максимальный изгиб клинка, расположенный между 40 и 47 см от рукояти, достигает 4,2 см. Размеры черена рукояти – ширина от 1,2 до 2,3 см, толщина – 0,6 см, причем передний (со стороны лезвия) край не имеет наклона, в отличие от заметно наклоненного заднего края.

Таким образом, различия между майртупскими и гордалинской саблями очевидны и объясняются не только их асинхронностью, но и разными технологическими традициями, связанными с разным происхождением.

Сабли из Майртупа, как уже отмечалось ранее [1, с. 82], восходят к аланской оружейной практике, что, на наш взгляд, подтверждается результатами проведенного металлографического исследования и сравнением их с известными на этот счет сведениями. Последние немногочисленны и относятся к раннему средневековью (см., например: [3; 4; 5, с. 201, 290]), однако часть

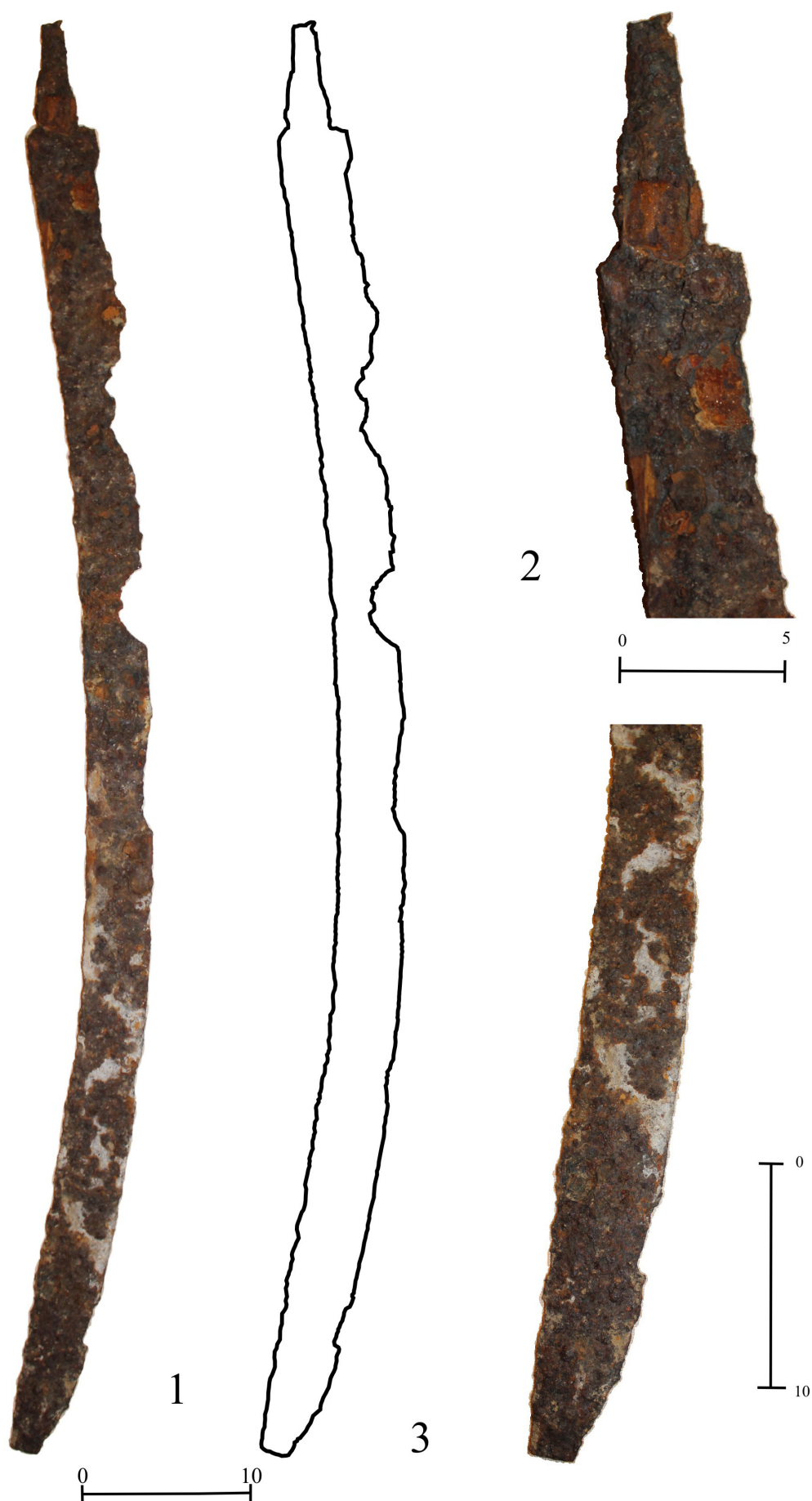

Рис. 4. 1, 2 – сабля из Гордали; 3 – верхняя часть сабли; 4 – острие сабли

их связана с комплексами X–XI вв. известного аланского Мартан-Чуйского 1 катакомбного могильника в Чечне, т.е. времени, непосредственно предшествующему эпохе майртупских находок.

Что касается гордалинской сабли, то могильник, из которого эта сабля происходит, относится к иной историко-культурной среде – он оставлен чеченским населением и, к тому же, значительно более позднего времени. В целом находки такого оружия в могильниках горных Чечни и Ингушетии, судя по специальным исследованиям [6], не слишком многочисленны и основная их часть относится к золотоордынскому периоду, т.е. ранней фазе эпохи позднего средневековья – Шуанский, Келийский могильники и др. [7–12] Правда, хронологический контекст в некоторых случаях неясен, как, например, с Кийскими наземными склепами, где сабли, по сведениям В.И. Долбежева, встречались нередко [13, с. 155].

Еще меньше образцов клинкового оружия было обнаружено в памятниках последних столе-

тий этого периода Юго-Восточной Чечни – здесь можно указать лишь на несколько таких находок, например, Н.С. Семенова в Цонтарое [14, с. 150]. С территории Чеченской равнины происходит также серия сабель из Бамутского курганного кабардинского могильника не ранее XV в. [15] Но все эти находки не подвергались металлографическому исследованию и сравнительный материал пока просто отсутствует – это дело будущего.

¹ Соответствует сабле из Майртупа 1 из статьи Мамаева Р.Х. «Средневековые сабли из Майртупа» [1, с. 75, рис. 1, 1].

² Размер зерна определяется по стандартной шкале: крупное – №№ 1–4, среднее – №№ 5–8, мелкое – №№ 9–12.

³ Соответствует сабле из Майртупа 2 из статьи Мамаева Р.Х. «Средневековые сабли из Майртупа» [1, с. 75, рис. 1, 2].

⁴ Соответствует сабле из Майртупа 3 из статьи Мамаева Р.Х. «Средневековые сабли из Майртупа» [1, с. 75, рис. 1, 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамаев Р.Х. Средневековые сабли из Майртупа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 3(20). 2013. Грозный, 2013. С. 74–84.
2. Тангиев М.А. Нововьявленный Гардалинский могильник // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Махачкала, 21–22 октября 2014 г. Махачкала, 2014. С. 121.
3. Кузнецов В.А. К вопросу о производстве стали в Алании // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 212–216.
4. Толмачева М.М. Обработка железа на Северном Кавказе в эпоху средневековья (по материалам могильника Мартан-Чу) // XIX Крупновские чтения. М., 1996. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. С. 593–594.
5. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1993.
6. Чахкиев Д.Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII–XVIII вв.) (археолого-этнографическое исследование). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1986.
7. Чахкиев Д.Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 60–68.
8. Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (по результатам раскопок Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 15–71.
9. Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Новые археологические материалы золотоордынского времени из горной Ингушетии // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С. 23–35.
10. Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю. Погребение № 15 Келийского могильника (горная Ингушетия) // Материалы и исследования. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 291–304.
11. Нарожный Е.И. Еще раз о комплексе вооружения из средневекового захоронения у селения Верхний Алкун в горной Ингушетии // Материалы и исследования. Вып. 11. Армавир, 2010. С. 237–239.
12. Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Захоронение № 84 Келийского могильника (высокогорная Ингушетия) // Вестник Археологического центра. Вып. IV. Назрань, 2012. С. 182–196.
13. Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х. О деятельности В.И. Долбежева по археологическому изучению Чечни в 80-х гг. XIX в. // Проблема социально-политического развития народов Северного Кавказа

в последней трети XIX – начале XX веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. Грозный, 22 апреля 2014 г. Грозный, 2014. С. 151–160.

14. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* Н.С. Семенов – первый археолог и краевед Чечни // История науки и техники. 7. 2012. С. 146–151.
15. *Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М.* Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 217–242.

УДК 81'271: 82.085; 808.5

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ГЛАГОЛОВ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ
(на материале немецкого, английского и аварского языков)

© А.Р. АЛИГАДЖИЕВА

Дагестанский государственный технический университет, г. Махачкала

В статье исследуются глаголы семантики «видеть» и «смотреть» с точки зрения выражения ими модальности зрительного восприятия. Выявляется семантический диапазон и словообразовательный потенциал глаголов зрительного восприятия.

Ключевые слова: глаголы зрительного восприятия, синоним, стилистический вариант, словообразовательный потенциал.

The article considers the verbs of semantics of “to see” and “to look” from the point of view of expressing modality of sight perception by them. Semantic variety and word-building potential of the verbs of sight perception are being explored.

Key words: verbs of sight potential, synonym, stylistic variant, word-building potential.

Глаголы зрительного восприятия являются неотъемлемой частью лексики любого языка и относятся к основному лексическому фонду языка. Среди глаголов зрительного восприятия имеются глаголы активные (смотреть) и пассивные (видеть).

Наиболее распространенным глаголом зрительного восприятия в немецком языке является глагол *sehen*, а в английском языке – глагол *see*. Среди всех глаголов зрения нем. *sehen* и англ. *see* являются семантически нейтральными, не отягощенными никакими дополнительными семантическими оттенками. Семантический диапазон данных глаголов совпадает. Они обнаруживают не только семантическое, но и структурное сходство, поскольку имеют общегерманское происхождение. Глагол *sehen* функционировал в немецком языке еще с древневерхненемецкого периода и имел форму *sehan*. В результате редукции посткорневого гласного звука, обусловленного фиксацией ударения на корневом слоге, в средневерхненемецкий период данный глагол приобрел форму *sehen*, которая сохранилась и поныне.

Глаголы зрительного восприятия нем. *sehen* и англ. *see* выражают как активный процесс «смотреть» (*auf ein Bild sehen* «смотреть на картину»; *in den Spiegel sehen* «смотреть в зеркало»; *in die Sonne sehen* «смотреть на солнце»), так и пассивный – «видеть» (*scharf sehen* «хорошо видеть»; *ich freue mich, Sie zu sehen* «я рад вас видеть»).

То, что язык различает в модальности зрительного восприятия активные и пассивные серии, в отличие от модальности слухового восприятия, в котором данные серии не представлены, особенно наглядно подтверждается на материале арабского и греческого языков [1, с. 136–139]. Активная серия зрительного восприятия представлена, как правило, глаголами сложной морфологической структуры, как, например, англ. *look at*, *have a look* или нем. *in die Augen springen*.

В отличие от немецкого и английского языков, в дагестанских языках нет глаголов зрительного восприятия, синкретично выражающих активную и пассивную модальности. В аварском языке, например, представлен активный глагол зрительного восприятия *балагъизе* «смотреть» и пассивный глагол *бихъизе* «(у)видеть», например:

балагъизе «(по)смотреть», «(по)глядеть на кого-что-л.»; «осматривать», «осмотреть кого-что-л.»; «рассматривать», «рассмотреть кого-что-л.»; «просматривать», «просмотреть что-л.»; «разглядывать», «разглядеть кого-что-л.»; *Глодое ялагъун йиго дой а* «она смотрит вниз» б) *перен.* «она опустила голову, нос повесила»; *нахъ валагъичлого* «не оглядываясь»;

бихъизе 1. «(у)видеть», «воспринимать зрением кого-что-л.»; 2. «виднеться», «быть видным»; *къер-къерал тIансаби ГIадин рихъулел руго тIогъода росарал расалъаби* «как разноцвет-

ные ковры видны поросшие цветами долины»; *рикIкадасанго рихъула гIауца рацарал мугIрузул тIогьал* «издалека видны снежные вершины гор».

И в глаголе активного зрительного восприятия *балагъизе* «смотреть», и в пассивном глаголе *бихъизе* «(у)видеть» инициальный *б-* является переменным классным показателем, он репрезентирует третий грамматический класс (1-й класс – показатель *в-*, 2-й класс – *й-*, мн. ч. – *р-*).

Синонимом глагола *sehen* является глагол зрительного восприятия *schauen* «смотреть», «глядеть на кого-л.», «взглядывать», «взглянуть», например: *schau her!* «взгляни сюда!»; *schau dir ihn an!* «взгляни на него!» *schau, da dir nichts geschieht!* «смотри, как бы с тобой чего не случилось!». Глагол *schauen* относится к активному ряду глаголов зрительного восприятия.

Синонимом глагола *sehen* является также глагол зрительного восприятия *blicken (auf A, nach D, zu D)* «смотреть», «глядеть на кого-л.», например: *zur Erde blicken* (книжн.) «опустить глаза, потупить взор»; *in die Zukunft blicken* (книжн.) «заглядывать в будущее», «загадывать» и т.д.

Стилистическим вариантом глаголов *sehen, schauen, blicken* является глагол *gucken (auf A, nach D)* «глядеть», «смотреть (на что-л.; на кого-л.) (часто с любопытством)», употребляемый преимущественно в разговорной речи: *guck mal!* «посмотри-ка!, глянь-ка!»; *auf die Uhr, aus dem Fenster, in den Spiegel gucken* «посмотреть (глянуть) на часы, в окно, в зеркало»; *ein Video gucken* «смотреть видео» и т.д.

В английском языке довольно активно функционирует также корневой глагол зрительного восприятия *look*, семантически совпадающий с немецкими глаголами зрения *sehen, blicken, schauen, nachschauen*, например: *look here!* «посмотри-ка!».

Немецкому глаголу зрительного восприятия *starren* в английском языке структурно и семантически соответствует глагол зрения *stare*. Такую же семантику имеет и глагол *ogle* «глазеть». Глагол *spot* в зависимости от контекста может приобрести также значение «увидеть», «обнаружить», сближаясь в данном случае семантически с глаголами немецкого языка – *entdecken, sehen*.

В значении «обозревать что-либо» употребляются глаголы англ. *survey* и нем. *etwas betrachten (auch übertragen)*. В значении «наблюдать» в английском языке употребляется глагол зрения *observe*, а в немецком – *beobachten; überwachen*. Близким значением располагает глагол *betrachten* «пристально разглядывать, рассматривать что-л.».

В аварском языке, в отличие от немецкого и английского языков, глаголы зрения не располагают многочисленными синонимами, но словообразовательный потенциал глагола *балагъизе* «смотреть» достаточно велик.

Посредством ложной редупликации образуется глагол *бала-гъалагъизе* 1) «рассматривать, осматривать что-л.», «просматривать что-л.»; *цIиял тIахъазухъ бала-гъалагъизе* «рассматривать новые книги»; 2) «наблюдать за кем-чем-л.», «подсматривать за кем-л.»; *лъималазухъ лъикIго бала-гъалагъе* «хорошенько наблюдай(те) за детьми»; 3) «оглядываться, осматриваться (вокруг)»; *дун магIарухъе цвана, вала-гъалагъана – кIудияб хиса-баси ккун буго* «я был в горах, огляделся – произошли большие изменения».

Посредством дуративного суффикса *-ахъд* образуется глагол *балагъахъдизе* «беспокойно оглядываться, лихорадочно искать кого-л. глазами»; *гъабазул хIани рагIун, вехъ валагъахъдизе лъугъана* «услышав лай собак, чабан стал беспокойно оглядываться».

Сочетанием с именем *бер* «глаз» образуются глаголы: *бер балагъизе* «смотреть на что-л.», *бер чIвазе* «увидеть мельком, заметить», *бер борхизе* «посмотреть, бросить взгляд», *бер кIутIизе* «броситься в глаза», «заметить что-л.» и т.д. Лингвистический статус таких глаголов в авароведении не определен: одни рассматривают их как сложные глаголы [2, с. 307], другие – как фразеологизмы [3, с. 48].

Одной из важнейших тенденций развития современного языкознания является установка на изучение языкового динамизма, в частности в области словообразования. Понимание словообразования как особой, подвижной системы, выполняющей ономазиологическую функцию, особенно наглядно проявляется при исследовании так называемого «перспективного плана» словообразования, при котором изучается вопрос о том, какие производные образуются и могут образовываться на базе определенных производящих. По сути «словообразовательные модели языка воплощают его словообразовательные потенциалы и в этом смысле обращены в будущее» [4, с. 8], и возможность и необходимость такого исследования словообразовательной системы языка продемонстрированы, например, в одной из недавних работ в области словообразования в чеченском языке [5].

Любой семантический тип представляет собой продуктивную деривационную модель, по которой может образоваться большое количество новых номинативных единиц, так как в ней может употребляться большое количество раз-

личных глаголов. Каждая такая деривационная модель обладает своим «собственным исходным пространственным значением», которое мы обозначим как *семантический архетип* [6, с. 147]. Семантический архетип реализуется во всех глагольно-наречных лексемах, образованных по данной конкретной модели, и мотивирует их переносные значения. Так, например, глагольно-именные лексемы типа *have a look* модели *V + N* развились из глагольно-объектной синтаксической конструкции. Основным типом связи в глагольно-объектном сочетании было морфологически оформленное управление. Существительное могло стоять в любом падеже, но преимущественно в аккузативе. Позиция существительного не имела жёсткой фиксации, она могла быть контактной, дистантной, лево- или правосторонней по отношению к глаголу. Процесс превращения свободного сочетания в глагольно-именную аналитическую конструкцию проходил на фоне изменения синтаксических и семантических связей между его компонентами.

С одной стороны, современные глагольно-именные лексемы типа *have a look* подобны подчинительным глагольно-объектным словосочетаниям, с другой стороны, они также подобны и двухчастному древнеанглийскому слову. Такое слово состояло из корня и словообразовательного аффикса. Корень выражал основное лексическое значение, а аффикс лишь модифицировал его. Подобное же распределение семантической нагрузки мы наблюдаем в глагольно-именных лексемах, где именным компонентом – носителем основного лексического значения, а одной из функций гла-

гольного компонента является модификация этого значения в соответствии со своей семантикой. В отличие от словообразовательного аффикса, глагольный компонент аналитической лексемы *have a look* сохраняет понятийную номинативность, поэтому нам представляется необоснованным говорить о его десемантизации.

Глаголы зрительного восприятия *sehen, schauen, blicken* являются простыми по морфологической структуре. От них посредством различных префиксов могут быть образованы новые глаголы зрительного восприятия с теми или иными семантическими оттенками, придаваемыми им соответствующими приставками, например: *ansehen, anblicken, sich (D) anschauen, zusehen, zuschauen, hersehen, herschauen, hinsehen, hinschauen, nachschauen*.

Английский глагол *look* так же, как и немецкий глагол *sehen*, образует ряд новых лексем посредством присоединения различных послелогов: *around, at, back, down, for, on, out, round, through, up* и т.д., например: *look around, look down, look for, look on, look out, look over, look round, look through, look up, look after* и т.д.

В германистике нет единства мнений, как по вопросу квалификации данных структурных единиц, так и по вопросу их дефиниции. Наиболее подходящим для квалификации данных структурных единиц английского языка нам представляется термин «составной глагол», поскольку он показывает, что глагол состоит из нескольких (двух) самостоятельных лексических элементов, написанных отдельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Viberg Ake*. The verbs of perception // Explanations for Language Universals. Berlin, 1984. P. 123–162.
2. *Маллаева З.М.* Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Махачкала, 2012.
3. *Магомедханов М.М.* Очерки по фразеологии аварского языка. Махачкала, 1971.
4. *Манучарян К.С.* Фазовые глаголы в английском языке. М., 1981.
5. *Халидов А.И.* Чеченский язык: Морфемика. Словообразование. Грозный, 2010.
6. *Шапошникова И.В.* Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте: Автореф. дис... докт. филол. наук. М., 1999.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В ДЕНОТАТИВНОЙ СФЕРЕ «РАСТЕНИЯ»

© З.М. ГАДЖИЕВА

Дагестанский медицинский стоматологический институт, г. Махачкала

В статье исследуются процессы семантической деривации в области растительной лексики в английском и аварском языках. Выявляются наиболее востребованные при образовании растительных наименований признаки. Отмечается антропоцентрическая ориентированность способов семантической деривации.

Ключевые слова: семантическая деривация, растительная лексика, эталонные признаки.

This article is devoted to processes of a semantic derivation in the field of vegetable lexicon in English and Avarian languages. The most demanded signs at formation of vegetable names come to light. Anthropocentric orientation of ways of a semantic derivation is noted.

Key words: semantic derivation, vegetable lexicon, reference signs.

Термин «семантическая деривация» может пониматься двояко: как сам процесс образования производной единицы или как отношения производности между единицами языка (результат процесса). Осмысление связей между значениями слова как отношений производности позволяет рассматривать совокупность значений как единую структуру – парадигму его лексем. Семантическая деривация как один из способов концептуализации нового опыта является по своей сути когнитивным процессом. Связь между когнитивными процессами и семантическими изменениями очевидна, если оперировать понятием категоризации: связи между значениями слова являются частным случаем понятийных связей, функционирующих не только в системе языка, но и в сознании в целом.

В данной статье предполагается рассмотреть процессы семантической деривации в области растительной лексики. Растительная лексика английского языка отличается большим разнообразием. Это объясняется историческим фактом широкой хозяйственной деятельности Великобритании и англоязычных стран как в самих странах, так и на обширных территориях английских колоний, и большим разнообразием растительной флоры на этих землях, языковой культурой народов, населявших эти государства.

Что же касается растительной лексики аварского языка, то здесь, по сравнению с английским языком, представлено большое количество сложно-структурных образований. Этот факт свидетельствует об отражении внешнего мира близко к его наивной картине. При образовании растительных наименований аварского языка

наиболее востребованными исторически оказались следующие признаки: «способ/характер произрастания/особенность внешнего вида», «свойство растения», «способ применения/назначение», «место произрастания/происхождения». Отличительным свойством в образовании аварских фитонимов является то, что здесь, в отличие от английского языка, не использовались имена людей, с которыми в той или иной степени ассоциировались растения.

Наличие в происхождении наименований растительной лексики английского языка таких мотивационных признаков, как «сходство по внешней форме растения», «свойство растения», «место произрастания/происхождения», «способ/характер произрастания/особенность внешнего вида», свидетельствует об ориентированности наименований на личность, о подчеркнутой их антропоцентричности.

Способы семантической деривации в области растительной лексики антропоцентрически ориентированы в исследуемых языках. С лексико-грамматической точки зрения номинация фитолексики в сопоставляемых языках осуществляется путем описания эталонных признаков. Отбор признаков у реалий действительности при их наименовании имеет первостепенное значение для всей организации лексики языка. От избираемых признаков зависит и объем значения слов. Выделяемые в явлениях признаки кладутся в основу формирования понятий, и из-за различия выбираемых признаков значения слов в разных языках могут полностью не совпадать, например, у глаголов, обозначающих способы приготовления пищи: *варить, жарить, печь – cuire, frire,*

rotir и др. объемы значения различны, так что в конкретных условиях одно и то же действие по-русски будет обозначать *варить*, по-французски *cuire*, в другом случае *cuire* и *жарить*, в третьем *жарить* и *frire*. Всякий раз это обусловлено тем, что в основу группировки действий кладутся различные признаки, объективно присущие данным действиям [1, с. 15–16].

Дж. Лакофф, Р. Лангакер и Р. Джакендофф разделяют такую позицию, что значение надо понимать преимущественно не как нечто, определяющее условия истинности предложения или референцию терминов, а, скорее, как то, что превращается в речь говорящим и сообщается слушающему. По словам Р. Джакендоффа, «...информация, которую говорящие могут сообщить, должна иметь дело с их конструированием мира, где конструирование является следствием взаимодействия между сигналом и средствами, способными его внутренне представить. Таким образом, они утверждают, что язык отсылает к нашей концептуализации мира, так что вопрос об отношении между референциальным значением и истиной в мире с всеведущей точки зрения становится неуместным» [2, с. 83].

Культурологические параметры совпадают в исследуемых языках лишь частично, в большинстве же случаев имеет место ярко выраженная специфика семантических процессов того или иного языка, обуславливая роль семантической деривации в формировании языковой картины мира [3–5].

Наиболее ярко культурологическая составляющая прослеживается в моделях, основанных на **партитивной связи**:

«растение ↔ плод этого растения» (*абрикос, миндаль, боярышник, apricot, almond, hickory, olive* и т.д.); «растение ↔ часть этого растения» (*бетель, трилистник, лонух, betel, shamrock, pink-root* и т.д.); «растение → цветок этого растения» (*сирень, василек, камелия, lilac, cornflower, alba, pomegranate* и т.д.).

В словообразовательных моделях, основанных на **партитивной связи**, на основе мотивационного признака именования «часть – целое», растения получили свои названия по части, а именно по их зерну, коре, плоду, цветку. В английском языке таких наименований всего насчитывается 30: *abelmosk* – восходит к арабскому *habbu-e-misk* «зерно мускуса» – мускусное дерево (названо по названию зерна, которое оно приносит); *apple tree* – яблоня (эталонном именования послужил плод, который дает дерево); *arbutus* – от лат. *arbutus* «земляничное дерево» – земляничное дере-

во (эталонном именования в данном случае послужил продукт, даваемый деревом); *bayberry* – *bay* «лавровое дерево», *berry* «ягода» – восковница (эталонном именования послужил плод лаврового дерева); *bay cherry* – *bay* «лавровое дерево», *cherry* – от греч. *kerasos*, возможно, от названия города – лавровишня (данное растение также названо по плоду лаврового дерева); *bread root* – *bread* «хлеб», *root* «корень» – псоралея съедобная (возможно, первоначальным признаком именования послужила степень значимости корня растения); *cacao* – от мексиканского *caca* – какаовое дерево (на процесс номинации повлияла связь дерева с ягодой); *coco* – кокосовая пальма (названо по ягоде, в связи с которой воспринимается дерево); *coffe-tree* – от араб. *gahweh* «напиток» – кофейное дерево (эталонном именования послужил плод, в связи с которым воспринимается дерево); *colutea* – от лат. (из греч.) *colutea* «плоды (бобы) пузыряного дерева» – пузырник (растение названо таким образом благодаря наличию плодов, в связи с которыми воспринимается дерево); *coquille* – от португ. *coquilho* уменьшительное от *coco* «кокосовый орех» – пиассава, канатная пальма (эталонном именования послужил плод дерева); *cornel* – кизил настоящий (возможно, название произошло от того же латинского слова *granum* «зерно», т.к. плод кизила напоминает то же зерно, но большего размера); *cotton-plant* – *cotton* «хлопок», *plant* «растение» – хлопчатник (эталонном именования послужила хлопковая коробочка, которая растет на хлопчатнике); *cottonweed* – *cotton* «хлопок», *weed* «сорняк» – сушеница (по всей видимости, растение названо по сходству плодов хлопчатника и данного растения, но, в отличие от первого, плоды сушеницы не используются); *fig-tree* – *fig* – от лат. *figus* «смоковница, фиговое дерево» – смоковница, фиговое дерево, инжир (эталонном именования послужили плоды, которые приносит дерево); *hawthorn* – *haw* «ягода боярышника», *thorn* «шип, колочка» – боярышник (на результат процесса номинации оказали влияние ягоды растения и наличие шипов); *ink-berry* – *ink* «чернила, пачкать», *berry* «ягода» – лаконоска (названо по ягодам, которые использовались для покраски шелковых тканей и подкрашивания вин и кондитерских изделий); *kiwi fruit* – *fruit* «фрукт» – киви (названо по плоду); *mandarin* – с санскрита *mantrin* «советник, консул» – мандалин (возможно, признаком именования послужила ценность, значимость плодов); *mango* – от тамильского *mankay* = *man* «дерево», *kay* «фрукт» – мангровое дерево (названо по наличию плодов, которые приносит дерево); *nut-pine* – *nut* «орех», *pine* «сосна, пихта»

– кедровое дерево, кедр (эталоном именованья послужили орехи – шишки, растущие на дереве); *nut-tree* – *nut* «орех» – ореховое дерево (эталоном именованья в данном случае послужили плоды дерева); *patchouli* – от англ. *patcha-leaf*, *patcha-pat*, где *pat* с хинди «лист» или с дравидского «зеленый лист» – пачули (эталоном именованья послужила часть растения, а именно лист); *pecan* – от алконкинского источника, родств. *pagan* «орех с твердой скорлупой» – пека́н (эталоном именованья послужил плод растения); *plum*, *plum-tree* – от лат. *prunum* «слива» – слива, сливовое дерево (наименовано по названию плода дерева); *radish* – от лат. *radicem*, *Nom.* – *ix* = *radix* «корень» – редис (эталоном именованья послужила часть растения); *rhodium* – от греч. *rhodon* «роза (дерево с ароматом)» – розовое дерево (названо растение по цветку); *rhododendron* – *rhodo* – от греч. *rhodon* «роза», *dendron* «дерево» – рододендрон (эталоном именованья послужил цветок); *rose-bay* – *rose* «роза», *bay* = *berry* «ягода» – омандр, рододендрон (названо по наличию цветка – розы); *tulip-tree* – *tulip* «тюльпан» – тюльпанное дерево (названо по цветку, которое дает растение).

В аварском языке данный признак используется непродуктивно, о чем свидетельствует жестко ограниченный список наименований (всего 8 слов): *гъветI* – *гъветI* род. п. от «яблоко», *гъветI* «дерево» – яблоня (эталоном именованья послужил плод дерева); *гуригараялъул гъветI* – досл. «земляничное дерево» – земляничное дерево (эталоном именованья послужила ягода); *каругъветI* – *кари* «тутовник», *гъветI* «дерево» – 1) шелковица красная, шелковичное дерево; 2) тутовник; 3) испанский дрок (эталоном именованья послужило название плода); *кокомул гъветI* – досл. «сливы дерево» – 1) свиная слива, 2) слива (эталоном именованья послужил плод); *кокоциулакьодул гъветI* – досл. «дерево кокосового ореха» – пальма (эталоном именованья послужил плод дерева – кокос); *мокрыгогъветI* – досл. «персика дерево» – персиковое дерево (эталоном именованья послужил плод дерева); *тутигъветI* – досл. «тутовое дерево» – шелковица красная, шелковичное дерево (эталоном именованья послужила ягода); *цулакьодул гъветI* – досл. «ореха дерево» – ореховое дерево (эталоном именованья послужил плод) [6, с. 172].

Выделение элементов растений представляется важным этапом освоения действительности в целом, поскольку именно выделение таких базовых частей растительного организма, как корень, стебель (ствол), ветвь, цветок, плод и семя, позволяет человеку сначала познавать

жизненный цикл самих растений, затем анализировать его сходство с любым процессом в живой природе и, наконец, абстрагируясь, осмысливать его аналогии с другими явлениями и процессами. Концептуализацию частей растений, таким образом, можно рассматривать как наиболее естественный, базовый этап семантической деривации, служащий основой для дальнейшей концептуализации через явления растительного мира, что подтверждается функционированием партитивной связи также и в моделях, опирающихся на другие типы связи.

Трудно переоценить роль фитонимической лексики для исследования как универсальных закономерностей деривационных процессов, так и национально специфичных характеристик, являющихся отражением языковой картины мира. С одной стороны, универсальность роли растений в жизни человека вовлекает их в деривационные процессы в любом языке. При этом, как показало настоящее исследование, спектр денотативных сфер, явления которых концептуализируются через растительный мир, достаточно широк (растения и их элементы, вещества, предметы, человек, признаки, процессы, абстрактные понятия, пространство). Тесная взаимосвязь мира растений с самыми различными сферами окружающей действительности подтверждается и многочисленными случаями внутренней мотивации [7].

С другой стороны, многопланово и участие фитонимов в формировании языковой картины мира: информативен сам факт наличия или отсутствия единицы-фитонима в языке (в этом смысле, например, многочисленные фиксируемые только в английских общенародных словарях названия экзотических растений – частично следствие исторических особенностей Великобритании), кроме того, растение – это не только элемент природы, произрастающий в той или иной местности и обладающий теми или иными биологическими характеристиками, но и объект, вызывающий определенное отношение (ассоциации) в том или ином языковом коллективе, при этом фитонимическая лексика является одной из наиболее ярких в плане ассоциативного значения.

Важной чертой английской фитолексики следует считать и то, что большое число названий растительного мира представлено отдельными словами, в том числе композитами, в то время как в аварском языке такие слова крайне малочисленны. В подавляющем большинстве фитоназвания здесь представлены словосочетаниями. Это обстоятельство не может не свидетельствовать о большей интенсивности действия процесса

номинализации и относительно высокой степени абстрагирования в английском языке. Тем не менее, данные анализа показывают и общность и

сходства отбора эталонных признаков при номинации объектов растительного мира в обоих сопоставляемых языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: «Международные отношения», 1977.
2. Jachendoff R. Conceptual semantics // U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi (eds.). Meaning and mental representations. Bloomington, 1988.
3. Гарунова К.И. Названия некоторых деревьев, кустарников и их плодов в южном наречии аварского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала, 1989.
4. Абдуллаев И.Х. О названиях финика в дагестанских языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала, 1989.
5. Абдулхалимова Р.О., Шахшаева Л.М. Источники и способы формирования аварской терминологии // Проблемы общего и дагестанского языкознания. Вып. 2. Махачкала, 2004.
6. Гаджиева З.М. Когнитивные основы именования фитонимов в аварском и английском языках. Махачкала, 2009.
7. Орехова Е.А. Мотивационно-номинативные признаки названий деревьев и кустарников в немецком языке, представленных композитами // Языки народов мира и Российской Федерации. Материалы Международной научной конференции (28–29 октября 2003 г.). Махачкала, 2003.

**ОРИЕНТАЛИЗМЫ НЕТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, УСВОЕННЫЕ
РУССКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ (ЛИТЕРАТУРНЫМ) ЯЗЫКОМ В
НАЧАЛЬНЫЙ (КОНЕЦ XVII–XVIII ВВ.) ПЕРИОД ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ,
В «СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ»**

© Г.-Р.А.-К. ГУСЕЙНОВ¹, А.Л. МУГУМОВА²

¹ Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

² Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

Установлено, что среди рассмотренных словоформ большую часть составляют имеющие персидское или арабское происхождение псевдотюркизмы, проникшие из турецкого языка (балаган, самшит/шамшит, чекалка/чикалка, ханжа, хаз, хазовый конец). Через тюркское посредство усвоены также монголизмы марал и табарган. Меньшую составляют татаризм хабар арабского происхождения, перс. тут(овое дерево), или шелковица, а также кр.-тат. бахча того же генезиса. В гораздо меньшем числе представлены псевдоевропеизмы, пришедшие через европейскую среду и проникшие из персидского (кальян) и арабского (магазин, баракан, алгебра, химия, кармин) языков. Посредством тунгусо-маньчжурских языков были усвоены калм. маштак и санскритизм шаман. Преобладание псевдотюркизмов над псевдоевропеизмами указывает на преимущественно южный ареал их усвоения, что было обусловлено аналогичным направлением расширения границ России в рассматриваемое время.

Ключевые слова: «Словарь Академии Российской», псевдотюркизмы, псевдоевропеизмы, арабизмы, персизмы.

It was found that among the considered word forms a large part consists of having a Persian or Arabic origin psevdotyurkizmy, penetrated the Turkish language (farce, boxwood / Shamshi, Chekalka / chikalka, prude, haz, Hazova end). Through Turkic learned as mongolism Mara and jerboa. Constitute less tatarizm swag Arab origin pers. then (od wood), or mulberry, and kr.-tat. Bakhcha the same genesis. In a much smaller number represented psevdoeuropeizmy who came through the European environment and penetrated from the Persian (shisha) and Arabic (shop, Barakaev, algebra, chemistry, carmine) languages. Through Tungus languages were learned Calm. Mashtakov and sanskritizm shaman. The predominance of psevdotyurkizmov psevdoeuropeizmami indicates predominantly southern area of assimilation, which was due to the same direction of expanding the boundaries of Russia at the relevant time.

Key words: "Dictionary of the Russian Academy" psevdotyurkizmy, psevdoeuropeizmy, Arabisms, persizmy.

Ориентализмы, включая формы нетюркского происхождения, усвоенные в русский литературный язык начального периода его формирования и получившие отражение в «Словаре Академии Российской», еще не становились объектом систематического научного анализа, в частности, историко-этимологического рассмотрения, составляющего цель данного исследования. Основные его задачи – установление и уточнение этимологов соответствующих ориентализмов, выявление путей их проникновения в русский литературный язык конца XVII–XVIII вв. на базе известных на сегодняшний день наблюдений над их этимологией и историей с использованием диахронно ориентированного комплекса соответствующих, прежде всего сравнительно-исторических и собственно этимологических, методов и приемов исследования, включая отраслевую лексико-се-

мантическую группировку анализируемых словесных элементов.

Косвенным образом с рассматриваемой проблематикой связаны лишь отдельные публикации последних лет [см.: 1–3]. С начала XVIII в., как указывают исследователи, «поток заимствований с Востока сталкивается со встречным и все усиливающимся потоком заимствований с Запада» [4, с. 75]. И только во второй половине века, когда в 1789–1794 гг. издается первый нормативно-толковый «Словарь Академии Российской», «активизируется восточная тема и вместе с нею «восточная» лексика» [5, с. 169]. Это было связано с победами России в русско-турецких войнах, присоединением Крыма и других новых областей, а также с этнографическими экспедициями Академии наук по окраинам Российской империи несколько позднее. Помимо прямых усвоений из

нетюркских ориентальных языков, которые, в принципе, не присущи русскому языку, особенно в рассматриваемый период, среди них обычно выделяются заимствованные главным образом книжным путем псевдотюркизмы («нетюркизмы, пришедшие через тюркскую среду») и псевдоевропеизмы («тюркизмы (в нашем случае – ориентализмы), пришедшие через европейскую среду») [6, с. 6].

1. Так, в «Словаре Академии Российской» [7, ч. 6, с. 499] получила отражение лишь одна псевдотюркская татарская лексема арабского происхождения, отражающая русскую диалектную речь рассматриваемого времени и имеющая оценочный характер: *хабар*, бара, м. «слово низкое, означающее: прибыль, прибыток, барыш; *хабарный*, -ное, прил. «прибыльный, прибыточный»; *хабарно* нар. «прибыльно, прибыточно». Еще в середине XIX в. формы *хабара* и *хабарник* -а, м. «тот, кто берет хабар; взяточник» считались, по данным «Опыта областного словаря Академии наук» 1852 г. и «Дополнения» к нему 1858 г., областными. В дальнейшем в русском литературном языке (памятниках русской художественной литературы конца XIX в. – середины XX в.) варианты *хабар*, -а и -у, *хабарь*, и, м. «взятка, барыш» и *хабарник* (см. выше) квалифицируются как *устар.* и *простореч.* [8, т. 17, с. 6], но затем у Д.Н. Ушакова [9, т. 4, с. 1129] – *хабар*, *хабара*, мн. нет, муж., и *хабара*, *хабары*, мн. нет, жен. обл. «взятка, барыш». Слово было усвоено (в результате переосмысления) из арабского *habar* – сообщение [8, т. 17, с. 6; 9, т. 4, с. 1129], которое могло проникнуть через тур. [см. 10, т. 4, с. 213–214] или, вернее, татарский, если иметь в виду сведения В.И. Даля [11, т. 4, с. 540] об ареальной дистрибуции данной лексемы в ярославских, тверских, вологодских, казанских и оренбургских русских говорах.

Аналогично мог быть усвоен из турецкого и/или кумыкского персизм (псевдотюркизм) *тутовое дерево*, или *шелковица* [7, ч. 6, с. 332], *тутовник*, тутовника, муж. (*бот.*) «тутовое дерево» [9, т. 4, с. 833]. – Тур., азерб., чаг., тат. [10, т. 4, с. 127], к.-балк., кум., тат., ног., к.калп., узб., уйг., чув. *tut*, туркм. *tüt* «тутовое дерево, шелковица» из перс. *tūt* «тут, шелковица» [12, с. 136].

2. В рассматриваемом словаре представлены также другие псевдотюркизмы – лексические формы турецкого языка, также имеющие иное нетюркское ориентальное (персидское или арабское) происхождение и представляющие собой обозначения строений (*балаган*, *каланча*), диких растений (*самшит/шамшит*), животных (*чекалка/чикалка* – через посредство русских донских

говоров), оценочную лексику (*ханжа*) и тканей (*хаз*, *хазовый* конец). Все эти усвоения осуществлялись по преимуществу книжным путем.

2.1. Персизмы.

Усвоением из перс. *balahana* – балкон «верхняя комната» [8, т. 1, с. 251–252; 13, т. 1, с. 303–304] является (Слов. Акад. 1789: балаган [см. 8, т. 1, с. 251–252; 13, т. 1, с. 303–304]) *балаган*, а, м. «легкая плетеная постройка, шалаш» 1706 г. (историч. документ, Сибирь), наиболее раннее упоминание которой в производной форме *балаганец* имеет место в 1676 г. в «Житии» Аввакума в период ссылки в г. Пустозёрск в нижнем течении Печоры [14, вып. 1, с. 67], что указывает на известность слова в более ранний период, делает сомнительным усвоение через туркм. *балахана* «терем» [см. 15, т. 1, с. 67], казах. *балаган* [16, с. 45], но более вероятным через тур. *balaxanā* «верхняя комната, комната над главным входом» [10, т. 1, с. 112]. Давняя, до конца XVII в., известность слова обусловила, надо полагать, наличие производных форм, отмеченных в «Словаре Академии Российской» 1847 г. издания (*балаганный*) и в словаре В.И. Даля (*балаганищик*, *балаганищца*) [см. 8, т. 1, с. 251–252; 13, т. 1, с. 303–304].

К числу книжных усвоений из персидского, в т.ч. через турецкий, варианта *шамшит*, -а, м. «куст, всегда зеленеющий...; плод состоит из ягод, которым приписывают проносную силу...; растет в южной Европе» [7, ч. 5, 6, с. 851] кавк. (Даль) [10, т. 3, с. 559], относится *самшит* -а, м. «Куст, коего дерево плотное, твердое, тяжелое, бледно-желтое с продолговатыми жилками, одетое корою серою, морщеватою... Растет в южной Европе, на востоке и в Персии...» [7, ч. 6, с. 851].

Усвоено через посредство русских (донских) говоров *чекалка* (*чикалка*), ки, ж «зверок к заячьему роду причисляемый; величиною с крысу (пищуха [8, т. 17, с. 810]); цветом серый с примесью бурой шерсти...; живет под землею...; имеет громкой голос, похожей на свист; водится около низовой Волги даже до Дона» [7, ч. 6, с. 685–686]; *чекал* (пищуха) – Слов. Акад. 1847 [8, т. 17, с. 809]; *чекал* м. *чекалка* ж. чекуша или чекушка, сиб., оренб. «земляной зайчик или мышь *Lagomus pusillus*» [11, т. 4, с. 586]. – Перс. *šakāl* [8, т. 17, с. 809–810] через тур. *šakal* «шакал», но не азерб. чаггал и ккалп. шагал «шакал» [см. 17, с. 381] при каз., туркм. шагал, ног. шакал, узб. ша'ка'л тоже [18, с. 145] и посредством донских (*чекалка/чикалка* «шакал») [19, т. 3, с. 168], но не нижне- и среднетерских (*чикалка* «шакал») говоров [см. 20, с. 120–121], которое квалифицируется как раннее усвоение XVI–XVIII вв. не из мест-

ных тюркских языков [21, с. 8] ввиду кум *чагъан* то же, в достаточно раннее время, так как еканье, присущее рассматриваемым, в т.ч. донским, формам в предупредительном слоге, развивается в русских говорах в XVI в. и окончательно закрепилось в старомосковском говоре в XVII в., после чего оно сосуществует в XVIII–XIX вв. с иканьем (ср. выше *чикалка*) [см. 22, с. 196–197]. Из донских говоров, ареально смежных турецкому языку, слово могло распространиться в оренбургские и сибирские, где изменило свое значение. В дальнейшем, в первой половине XIX в. устаревшая форма *чекал/чакал* «шакал» [8, т. 17, с. 809–810] широко используется в русской поэзии и прозе (А.С. Грибоедов «Грузинская ночь», 1827 г., А.А. Бестужев-Марлинский «Мулла-Нур», 1835–1836 гг., А. Одоевский «Куда несется вы», 1837 г.) [см. 23, с. 55], а устар. и обл. *чекалка* (ср.: *чекалка*, кавк. «зверь песьего рода, шакал, *Canis aureus*» [11, т. 4, с. 586]) «шакал» – в «Казаках» Л.Н. Толстого, 1863 г. (ср. выше терск. *чикалка* «шакал», иканье в котором может указывать на усвоение в XVIII–XIX вв.), а еще раньше, в 1825 г., – в «Мореходе Никитине» А.А. Бестужева-Марлинского [см. 8, т. 17, с. 810] при том, что в данном значении в Слов. Акад. 1847 представлено слово *шакал* [8, т. 17, с. 1242], которое является тем же персизмом, но усвоенным через франц. (в последнем с XVIII в.) или нем. [10, т. 4, с. 403] и употребленным еще А.С. Пушкиным в «Путешествии в Арзрум» (1829 г.) [15, т. 2, с. 398], затем А.А. Бестужевым-Марлинским [24, т. 2; с. 205] в очерке «Горная дорога из Дагестана в Ширван через Кунакенты» (1834 г.) и М.Ю. Лермонтовым в поэме «Мцыри» [8, т. 17, с. 122] (1839 г.).

2.2. Арабизмы.

Еще с конца XVII в. [14, вып. 7, с. 33] стал известен русскому языку и получил отражение в рассматриваемом словаре (Слов. Акад. Росс., 1791: *каланча* [25, вып. 10]), а до этого в Российском Целлариусе (1771 г.), затем – в «Новом словотолкователе» Яновского (1804 г.) [8, т. 5, с. 701–702] арабизм (от араб. *kal'a* – крепость [8, т. 5, с. 701–702], скорее всего, через тур. *kala* «крепость» + аффикс уменьшительности *-ча* и вставочное *-н-* на русской почве [см.: 10, т. 2, с. 164; 15, т. 1, с. 370]) *каланча*, *-и́*, ж., «1. Крепостная башня; крепость. 2. Сторожевая вышка, дозорная башня». Слово лишь в 1787 г. получило отражение у А.П. Сумарокова || (*новое слово*) «сооружение на столбах в саду для отпугивания птиц» [25, вып. 10]. Оно получает распространение в русской художественной литературе XIX–XX вв., но в несколько иных значениях: «1. Сторожевая

дозорная вышка пожарной части. 2. В России XVIII–XIX вв. – дозорная башня, вышка в крепости или на сторожевом посту» [см. 8, т. 5, с. 701–702].

Другой, впервые упоминаемый ок. 1720 г. (Записные книжки Петра I) [15, т. 2, с. 332] арабизм того же порядка (через тур. *hası* «паломник» из араб. *hağğ(i)* то же [10, с. 4, с. 332; 15, т. 2, с. 332]) – *ханжа*, *-жи*, общ. «лицемерно набожной, пустосвят», *ханжество* «пустосвятство, лицемерное набожество», *ханжу*, *-жишь*, *-жить* «оказываю лицемерное набожество» [7, т. 6, с. 501]. Еще до этого – Вейсманнов Лекс. 1731: *ханжити* «чужим хлебом кормиться»; Росс. Целлариус 1771: *ханжа*; *ханжить*, *-жу*, *-жишь*; *ханжество*, *-а* и *ханжествó*, а; Нордстет, Слов. 1782: *ханжество*, что указывает на предшествующий (ср. выше) и последующий (ср.: Даль. Слов.: *ханжеские* поступки) [8, т. 17, с. 28] достаточно высокий уровень его освоения.

К усвоениям через турецкий следует отнести и *хаз*, *хазовый* конец – Росс. Целлариус 1771 [8, т. 17, с. 8]; за, м. «1) конец у сукон, холстов и шелковых тканей с утока; 2) нахал, наглец, *хазовый*, *-вая*, *-вое* прил. к *хазу* в из тканях относящийся (*хазовый* конец)» [7, ч. 6, с. 399]; *устар.* «край куска ткани (лучший по выделке), который при продаже выставляли напоказ»; *хазовый* и *хазóвый*, *-ая*, *-ое*. *устар.* «относящийся к хазу, являющийся хазом (о конце куска ткани)» употребляется еще в русской художественной литературе 40–70-х гг. XIX в. (*простореч.*, *устар.* [9, т. 4, с. 1129]). – Араб. (-тур. [10, т. 4, с. 215]) *hazz* – надрез, разрез [8, т. 17, с. 8].

3. Псевдотюркизмы, проникшие и через посредство других, кроме татарского и турецкого, тюркских языков – крымско-татарского.

3.1. Так, с местами выращивания культурных растений связано иранское (персидское) по происхождению слово *бахча*, *-и́*, ж. «место, где выращивают арбузы» («участок в поле, на котором выращивают дыни, арбузы, тыквы и т.п.; баштан» [8, т. 1, с. 300]). Оно впервые упоминается в 1781–1782 гг. В. Зуевым [26, т. 1, с. 152] между реками Бугом и Днепром, устьем Днепра и его лимана с окрестностями в пределах бывшего Крымского ханства [27], что подтверждает его усвоение через кр.-тат. *бахча* [28, с. 24] из перс. *bagča* – садик [8, т. 1, с. 300; 13, т. 1, с. 372] при более раннем *бакча* то же (с 1635 г. на Дону) [14, т. 1, с. 67], которое возводится к тат. [28, с. 24]. При этом колебания, в т.ч. в производных формах, имеют место до конца XIX в.: Слов. Акад. 1789: *бахча*; Слов. Акад. 1847: *бакша* и *бахча*; Даль. Слов.: *бакча*,

бахчевый, бахчевник; Даль, Слов. (3 изд.): *бахчевой*; Слов. Акад. 1891: *бахчевой*. [8, т. 1, с. 300; 13, т. 1, с. 372].

3.2. Монголизмы.

Устанавливаются связи с языками тюркских народов Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, а через их посредство с другими, нетюркскими народами этого региона. Так, через книжное посредство из тюрк. *maral* [9, т. 2, с. 144; 25, вып. 12; 29, с. 789] было усвоено и новое [25, вып. 12]) псевдотюркское слово *марал* монгольского (монг. *maral* «лань, марал, самка оленя» [30, с. 42–43]) происхождения. Оно было впервые употреблено в 1722 г. в материалах посольства в Джунгарию (Южный Казахстан) 1722–1724 гг. (что позволяет предполагать в качестве его источника каз. *maral* «марал» [30, с. 42]), а затем в географ. описании 1762 г.; *мураловый*, -ая, -ое. (научные комментарии, 1716–1750 гг.). – Слов. Акад. Росс. 1789: *марал* [25, вып. 12] «муж., зап., сиб. изюбр вост. сиб. настоящий, благородный олень (по книжному) [11, т. 2, с. 299]; муж. (зоол.). «крупный олень с большими ветвистыми рогами, водящийся в Сибири и Средней Азии; то же, что изюбр» [9, т. 3, с. 144].

Сюда же, видимо, относится *табарган*, -на, -а и умал. *табарганчик*, -ка и м. «зверок величиною с крысу, весьма похож на земляного зайца... водится в Сибири около Иртыша, копая норы в местах песчаных» [7, ч. 6, с. 3]; *табарган* – «сиб. тушкан оренб. земляной заяц... Первое в оренб. и таврч.»; *тарбаган* вост. сиб. байбак, степной, сибирский или русский южн. сурок, свистун... Тарбаган, или табарган зовут в сиб. и маленького земляного зайчика, он же бабук...» [11, т. 4, с. 384, 391]; *тарбаган* и *табарган*, *тарбагана*, муж. (монг.) «степной зверек из отряда грызунов» [9, т. 4, с. 655]. *тарбаган* «сурок, южн., вост. сиб. табарган – то же (Даль). – Из тюрк., ср. тел. *tarbaγan* – то же, калм. *tarγaγan* – то же» [10, т. 4, с. 23].

4. Помимо воздействия тюркских и иных языков различных регионов, имеет также место усвоение через устное посредство тунгусо-маньчжурских языков слова санскритского происхождения (тунгус. *саман*, через эвен. *šaman* «буддийский монах» из санскрита [см.: 9, т. 4, с. 1315; 10, т. 4, с. 401]) *шаман*, а, м. «служитель культа, колдун, знахарь у племен, религия которых основана на культе духов, магии». Ср.: Слов. Акад. 1794: *шаман*, *шаманка* (колымск. – ругательство [см. 10, т. 4, с. 401]), *шаманский* (*порог* «стремнина, порог на реке в Сибири» еще у Аввакума [10, т. 4 с. 401]). О достаточно быстром освоении говорит отражение в «Словаре Академии Российской» 1847 г. производных форм *шаманить*

(еще у Аввакума, колымск. – «впадать в экстаз», олонек. *зашаманило в голове* «захмелел» [10, т. 4, с. 401] «кудесить по образу шаманов, впадая в неистовство» [11, 4, с. 620]) и *шаманство* («знахарство шаманов; идолопоклонство, шаманская вера, в коей и шаман получает значение жреца» [11 т. 4, с. 620]), в Словаре Толля, 1864 г. – *шаманизм* [8, т. 17, с. 1256–1257].

5. Наблюдается также единичный случай непосредственного устного усвоения через посредство ареально смежных южных русских говоров, донских, астраханских и терских, слова калмыцкого, родственного монгольскому, происхождения (*maštaγ* «маленький (о лошади)» или казах. *mäštäk* то же [10, т. 2, с. 586]) *маштак* «небольшая лошадь; иноходец» (в переводном словаре 1746 г.). – Слов. Нордстета, 1780: *маштак*; Слов. Акад. Росс. 1792: *маштак* «старинное название иноходца». – *Норм.*; Слов. Акад. Росс. 1818: *маштачок*, -чка, м. [25, вып. 12]; *маштак*, *маштачок* м. очень малорослая лошадедка, лошадь-карлик; приземистый крепыш, о лошадке и о человеке [11, т. 2, с. 310]; *маштак* «1. кастрированный жеребец» Астрах. 1854, Дон., Терск. (ср.-терск. «маленькая крепкая лошадка; маленький крепкий человек, крепыш» [31, с. 98]), Чкалов. (Нижегород.), Краснояр., Кизляр. (ДАССР) || «Упряжной коренастый конь» Дон. 1897; 2. «Порода низких степных лошадей» Кизляр. (ДАССР); 3. «Жеребенок по третьему году» Кубан. 1949–1951 [32, с. 60].

6. **Ориентализмы** (псевдоевропеизмы), проникшие через книжное посредство западноевропейских языков.

6.1. Из персидского языка.

Кальян м. «употребляемое в азиатских каких областях и означающее род курительного прибора, употребляемого для курения табаку» [4, т. 3, с. 404], «у восточных народов – курительный прибор для курения табака через воду» [8, т. 5, с. 718]. – Из перс. *kaljan* [8, т. 5, с. 718; 9, т. 1, с. 1295], но не через тур. *kaljan* – тж. в конце XVIII в. [см. 10, т. 2, с. 171; 33, с. 33], а французский ввиду его первого упоминания в переводах с франц. 1761–1767 и 1776 гг. [см. 25, вып. 10]. Уже в начале следующего века слово получило отражение у М.Ю. Лермонтова («Спор», 1841 г.) и Я.П. Полонского («Прогулка по Тифлису», 1849 г.); *курить кальян* (М.Ю. Лермонтов, «Каллы», 1830–1831 гг.) [8, т. 5, с. 718], что свидетельствует об его окончательном освоении в русском языке.

6.2. Из арабского языка.

Через западноевропейские и польский языки было усвоено новое слово *магазин* – 1701 (вышли из употребления в XVIII в. формы на: -*зен* 1703,

-цин 1703, -цын 1704), *магазѣйн* 1698 (вышли из употребления в XVIII в. формы на: *-зеин* 1698, *-зийн* 1710), *-а* и *-у*, м., а также *магазіна* (*-ціна*) – 1705, *магазѣйна* – 1705, *-ы* и *магазѣя* 1787, и, ж. «1. Запас оружия, провианта, амуниции и других вещей для военных нужд; помещение, место хранения таких припасов (*магазѣйн* – 1698 г., *магазин* – 1795 г.). || Государственные, общественные запасы товаров; помещение, склад для хранения их (*магазин* – 1735 г.). || Вообще запас каких-л. вещей; строение, кладовая для хранения их (*магазѣйн* – 1742 г., *магазин* – 1766–1794 гг.). | *Распространительно: магазѣйн* – неопр., *магазин* – 1762–1763 гг. | *Образно.* О совокупности каких-л. качеств, явлений и т.п. (*магазин* – неопр., 1769 г.) || *Перен.* (*магазин* – 1784, 1803 гг. (в т.ч. Н.М. Карамзин). 2. Литературный сборник, альманах, журнал; название периодических изданий (употр. со второй половины века). 3. Торговое предприятие, лавка (первоначально – принадлежащая иностранцам и торгующая предметами роскоши и моды; употр. с последней трети века, примеры из журнальной художественной литературы и газет); *магазинный* (1732, 1766–1794 гг.) и *магазѣйный* (1716–1750 гг.), *-ая*, *-ое*. – Лекс. 1717 г.: *магазин*, Целлариус, 1771: *магазѣйный* [25, вып. 12]; Слов. Вейсмана, 1731, Слов. И. Нордстета, 1780: *магазин* (3 знач.); Слов. Акад. Росс. 1792 г.: *магазин* (1 знач.) [8, т. 6, с. 466], точнее, «хлебной, дровяной книжной см. *запасный анбар, запасный двор*» [4, с. 2]; Слов. Яновского, 1804: *магазин* («заведение по торговле другими товарами») [34, с. 283]. – Гол. *magaziyn*, непоср. и через нем. *Magasin*, пол. *magazyn*, фр. *Magasin* [25, вып. 12], восходящие к араб. *machsan*, *al'machsan* «амбар, склад» [35, т. 1, с. 538], *makhâsin* «хранилище, склад, амбар» [36, с. 251], *mahzan* «амбар, склад депо» [15, т. 1, с. 501].

Еще одно новое псевдоевропейское слово – *баракан* – 1755, 1768 гг. (*буракан* – 1787, *буркан* – 1789, *барракан* – 1787), *-а* и *-у*, м. «плотная шерстяная ткань», *баракановый* (*-рк-*) и *бараканный*, *ая*, *ое*. (1755 г.) – Слов. Акад. Росс. 1789: *баркán*; Слов. Акад. Росс. 1806: *баркánовый* – Араб. *bagacān*, через франц. *bouracan*, *baracan* и нем. *Bagan*. [26, т. 1, с. 140]; *баракán* «плотная шерстяная ткань, для обивки мягкой мебели», *баракановый*, *бараканный* «сделанный из баракана или относящийся к нему» [26, т. 1, с. 140]; Акад. сл. 1891: *баркан* «шерстяная обивочная ткань» [10, т. 1; с. 123]; вероятно, через голл. *Barkaan*, *баракан* – итал. *bagacano*, вряд ли непосредственно из араб.-перс. *bagakan*, ср.: нем. *Berkan*, франц. *bouracan* и т. д. [10, т. 1, с. 123].

С числом и счетом оказывается связанным слово *алгебра* – 1717 (*алгѣбра* – 1703, *алжебра*

– 1738) [34, с. 340] арабск. «наука делать исчисления о величинах всякого рода буквами» с производными, свидетельствующими об его освоённости: *алгебраист* «знающий алгебру», *алгебраический* «алгебре принадлежащий» [4, с. 1; 19], *алгебраически*. – Нордстет, Слов. 1780: *алгебра*. – Ср.- лат. *algebra*, из араб. *al-gabr* (*džbr*) – восстановление (уравнения без отрицательных величин) [8, т. 1, с. 90–91; 34, с. 340; 13, т. 1, с. 131].

С учение о веществе и его свойствах связано слово *химия*, греч. «наука, распознавать свойства и качества тел посредством раздробления их на части и примеси к оным посторонних веществ»; *химический* «принадлежащий или свойственный химии; *химически* «сообразно с химиею, по правилам химии; *химик* «упражняющийся в химии» [7, ч. 6, с. 532–533]. – Лекс. 1762: *химия*, Росс. Целлариус 1771: *химия*. – Греч. *χημεία* «искусство плавки металлов» [8, т. 17, с. 134], откуда через араб. *alchimia*, *alchemia*, ср.-лат. *chimia* и западно-европейские языки было усвоено в русский язык [15, т. 2, с. 339].

С веществами растительного происхождения и производством красителей – *кармин*, 1723 [34, с. 367] «краска высокого красного цвета, делаемая из червеца («яркокрасная краска, изготовляемая из кошенили» [8, т. 5, с. 825]). *Карминный* «состоящий из кармина» [7, т. 3; с. 449]. – Нордстет, Слов. 1780: *кармин*, *карминный*; Слов. Акад. 1908: *карминовый*. – Франц. *carmin* из араб. [8, т. 5, с. 825] (*qirmiz* и лат. *minimum* [10, т. 4, с. 201]) | через нем. *Carmin* [34, с. 367], которое известно с 1712 г. [10, т. 4, с. 201].

Таким образом, среди рассмотренных словоформ, получивших отражение в «Словаре Академии Российской», большую часть составляют псевдотюркизмы. Они, имея персидское или арабское происхождение, проникли по преимуществу книжным путем из турецкого языка и представляет собой обозначения строений (*балаган*, *каланча*), диких растений (*самшит/шамшит*), животных (*чекалка/чикалка* – через посредство русских донских говоров), оценочную лексику (*ханжа*) и названия тканей (*хаз*, *хазовый* конец). В меньшем числе представлены лексемы, отражающие русскую диалектную речь рассматриваемого времени – тат. *хабар* арабского происхождения, персидское *тут(овое* *дерево)*, или *шелковица*, усвоенное из турецкого и/или кумыкского языков, а также генетически персидское *бахча*, проникшее из крымско-татарского языка. Через тюркское посредство усваиваются монголизмы – названия диких животных *марал* и *табарган*.

В гораздо меньшем числе представлены псевдоевропеизмы, пришедшие через европей-

скую среду и проникшие из персидского (*кальян*) и арабского (*магазин*, *баракан*, *алгебра*, *химия*, *кармин*) через книжное посредство западноевропейских языков, что, видимо, объясняется известными пуристическими установками «Словаря Академии Российской» [см. 3, с. 69]. Они представляют собой названия наук (*алгебра*, *химия*), веществ (*кармин*), прибора для курения (*кальян*) и тканей (*баракан*), а также мест продажи последних (*магазин*).

Через посредство ареально смежных южных русских говоров, донских, астраханских и терских, было усвоено калмыцкое название маленькой лошади *маштак*. Из тунгусо-маньчжурских

языков – санскритизм *шаман* – наименование лица по роду сакральной деятельности.

Преобладание псевдотюркизмов среди рассмотренных словоформ, проникших по преимуществу книжным путем из турецкого языка, а также устным – из турецкого и/или кумыкского, а также крымско-татарского и калмыцкого языков, над псевдоевропеизмами указывает на преимущественно южный ареал их усвоения. Последний был обусловлен аналогичным направлением расширения границ России в то время, как с ее восточными пределами, но в гораздо меньшем числе оказываются связанными монгольские и тунгусо-маньчжурские по происхождению слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова Т.П. История арабской по происхождению лексики в русском языке (на материале памятников XII–XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 23 с.
2. Халлави М.Х. Лексические арабские заимствования в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 15 с.
3. Сидоров А.А. Арабизмы во французском языке: способы проникновения и функционирование // Вестник ПГЛУ. Пятигорск, 2011. №1. С. 77–81.
4. Эфендиева А.Д. Языковые контакты: восточные заимствования в русском языке XVIII века (к постановке проблемы) / Очерки по исторической лексикологии русского языка. СПб.: Наука, 1999. С. 75–81.
5. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М.: Наука, 1981. 374 с.
6. Эфендиева А.Д. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975. 22 с.
7. Словарь Академии Российской. СПб., 1792, 1794. Ч. 3–6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philiprovich.ru/Projects/ESAR/SARMAi> (дата обращения: 7.01.2015).
8. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л. Изд. АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17(1).
9. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1–4.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981–1982. Т. 1–4.
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 2001. 822 с.
13. Словарь современного русского литературного языка. М.: Русский язык, 1991–1993. Т. 1–4(2).
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1974–2000. Вып. 1–22.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1994. Т. 1–2.
16. Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря / Лексикографический сборник. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1958. Вып. III. С. 3–47.
17. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: «Наука», 1976. 392 с.
18. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках / Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 140–158.
19. Словарь русских донских говоров. Ростов н/Д, 1975–1976. Т. 1–3.
20. Апрышко А.С., Гусейнов Г.-Р.А.-К. К вопросу о тюркских заимствованиях в русских народных говорах (на материале прикаспийских говоров ДАССР и нижнетерских станиц) / Некоторые вопросы грамматики. Грозный, 1975. С. 109–126.
21. Селимов А.А. Иноязычные (тюркские) элементы в лексике русских говоров Дагестана (на материале говора станицы Александрийской Кизлярского района ДАССР: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1966. 21 с.
22. Колесов В.В. История русского языка. М.-СПб., 2005. 672 с.
23. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Учпедгиз, 1954. 467 с.

24. *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения. М.: Художественная литература, 1958. Т. 1. 630 с.
25. Словарь русского языка XVIII в. СПб.: «Наука». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.next-feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/02/sl2> (дата обращения: 7.01.2015).
26. Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1984. Вып. 1. 224 с.
27. Крымское ханство // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 7.01.2015).
28. *Севортян Э.В.* О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера / Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. V. С. 11–29.
29. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
30. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 2003. 446 с.
31. *Караулов М.А.* Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска /Русский филологический вестник. Варшава, 1900. Т. 44. С. 91–115.
32. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1982. Вып. 18.
33. Этимологический словарь русского языка. М.: Изд. МГУ, 1982. Т. II. Вып. 8. 470 с.
34. *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1972. 431 с.
35. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1959. Т. 1–2.
36. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1975. 542 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОЛОГИЙ

© С.М. ДЖАМАЛУДИНОВА

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

В статье исследуются глагольно-именные свойства причастия II английского языка и соответствующего ему семантически и функционально причастия аварского языка. Выявляются сходства и различия в функционировании данных форм.

Ключевые слова: глагол, финитные формы, причастие II, претеритальное причастие.

This article is devoted verbal-nominal properties of participle II and complies semantically and functionally with him, partice of Avar language. Similarities and differences are indentified in functioning these forms.

Key words: verb, finite forms, participle II, preterial participle.

Причастие II английского языка, как и причастие аварского языка, не без основания рассматривается лингвистами как крайне противоречивая форма. Многие лингвисты полагают, что причастие есть, прежде всего, прилагательное. В.В. Виноградов рассматривает причастие как особую «категорию гибридных глагольно-прилагательных форм» [1].

В современных грамматиках английского языка причастие II, как правило, рассматривается как глагольная форма, хотя обычно делается оговорка о принципиальном отличии ее от всех других неличных форм глагола [2–4 и др.]. Существует также мнение, что причастие II находится на периферии глагольной системы [5, с. 123].

В английском языке причастие II органически связано с глаголом, у него глагольная основа, оно входит в качестве полнозначного лексического компонента в состав двух важнейших аналитических глагольных форм – перфекта и страдательного залога (*have written* «написал», *is written* «написано»); как и другие глагольные формы, причастие II может определяться наречием (*beautifully written* «красиво написано»), а при определенном лексическом наполнении оно противопоставляется причастию I по линии залоговых и видовых значений (*writing* «пишущий» – *written* «написанный»; *falling* «падающий» – *fallen* «опавший»). К тому же, в отличие от аварского языка, причастие II в английском языке неизменяемо, полностью лишено морфологических характеристик прилагательного, т.е. рода (грамматического класса), числа и падежа, что, казалось бы, также сближает его с глагольной системой.

Для понимания сущности причастия II крайне важным представляется с самого начала учи-

тывать выводы, к которым пришел А.А. Потемня: «Прежде всего, не нужно представлять себе причастие непременно словом отглагольным – оно не происходит от глагола, а появляется вместе с ним. Даже о позднейших причастиях нельзя с уверенностью сказать, что они произведены от глагола» [6, с. 88].

Действительно, глагол – процессное слово, между тем, словоформы *written*, *fallen* означают не процесс как таковой, а состояние предмета, являющееся следствием процесса: письмо оказывается написанным вследствие того, что его кто-то написал, листья оказываются опавшими вследствие падения их с ветки дерева и т.д. Один этот семантический признак уже отделяет причастие II от глагольных форм, связанных со значением процессуальности, и относит его к периферии глагольной системы [7, с. 32].

«Глагольный статус» причастия II, естественно, ставится под сомнение фактом его морфологической неизменяемости, признаваемой сейчас большинством грамматистов. Между тем, как известно, глагол как часть речи наиболее богат формами словоизменения, и даже такие неличные формы, как инфинитив, герундий и причастие I, имеют формы, образующие коррелятивные пары (оппозиции) с залоговым значением (ср.: *to write* «писать» – *to be written* «быть написанным») и перфектные/неперфектные формы (*to write* «писать» – *to have written* «написал»). Неизменяемость четко выделяет причастие II в системе глагола и отличает его от прилагательного, например, в формах с отрицательным префиксом *-un*.

Причастие II переходных глаголов соответствует аварскому претеритальному причастию:

to write – хъвазе «писать» – *written* – хъвараб «написанный»; *to do* – гъабизе «делать» – *done* – гъабураб «сделанный».

Причастие II непереходных глаголов самостоятельно почти не употребляется и служит, в основном, для образования сложных форм глагола: *has gone* «ушел»; *have stopped* «остановились».

В аварском языке в образовании аналитических временных форм используется форма причастия общего времени: *гъабулеб буго* «делает» (букв. «делающий есть»); *босулеб буго* «берет» (букв. «берущий есть»); *цлалулеб буго* «читает» (букв. «читающий есть»); *гъабулеб буклана* «делал» (букв. «делающий был»); *босулеб буклана* «брал» (букв. «берущий был»).

Лишь для образования аналитической формы будущего времени с оттенком сомнения, неуверенности, слабой надежды употребляется причастие футуральное: *босилеб батила* «возьмет, наверное», *босилареб батила* «не возьмет, наверное», *къелеб батила* «даст, наверное» и т.д. [8, с. 250]

Существенным отличием причастия II от соответствующих личных и неличных форм глагола (в том числе и от причастия I) является наличие у него производных единиц с отрицательным значением. В английском языке нет глаголов *to untouch, to unexpress, to unpay, to unimpress* и т.п., но есть причастия *untouched* «нетронутый», *unexpressed* «невыраженный», *unpaid* «неоплаченный», *unimpressed* «невпечатленный»:

У прилагательных префикс *-un* в английском языке связан с несколько иным значением, чем у причастия II. Противопоставление прилагательных типа *kind* «добрый» – *unkind* «злой», *just* «справедливый» – *unjust* «несправедливый» свидетельствует о том, что здесь различие идет по линии «положительный – отрицательный» в смысле «хороший – плохой».

В английском языке отрицательная форма причастия не имеет такой частоты выражения, как в аварском: нет специальных аффиксов с отрицательным значением. В отличие от английского языка, одним из семантических свойств причастия аварского языка является его полярность. Семантика полярности в причастиях проявляется в наличии отрицательных и положительных форм, например: *цлалулев* «читающий» – *цлалуларев* «нечитающий»; *цлалараб* «прочитанный» – *цлаличлеб* «непрочитанный»; *босилеб* «предстоящий взять» – *босилареб* «не предстоящий взять»; *гъабулеб* «делающий» – *гъабуларев* «неделающий» и т.д.

Отрицательные формы причастий образуются от тех же суффиксов отрицания, что и соответствующие финитные формы глагола: *-р-, -чI-*, например: *боси-чI-еб* «невзятый» – *босула-р-еб* «неберущий» – *босила-р-еб* «не предстоящий взять»; *гъаби-чI-еб* «неделанный» – *гъабула-р-еб* «неделающий» – *гъабила-р-еб* «кот. не сделает, не предстоящий делать» и т.д.

Посредством негативного суффикса *-р-* образуются отрицательные формы причастий несовершенного вида с семантикой одновременности и следования, например: *къола-р-еб* «недающий», *бичула-р-еб* «непродающий», *бортула-р-еб* «непадающий», *босилареб* «не предстоящий взять» и т.д. Причастие общего времени имеет и отрицательную форму, которая образуется от соответствующей отрицательной формы констатива присоединением суффикса *-еКП* (классный показатель): *гъабуларо* «не делает» – *гъабулар-е-в* «неделающий», *гъабулар-е-й* «не делающая» и т.д.

В аварском языке причастия образуются по единой модели: основа соответствующей временной формы + суффикс причастия *-еКП* или *-аКП*. С помощью суффикса *-еКП* образуются позитивные и негативные причастия, выражающие одновременность и следование, и негативные причастия, выражающие семантику предшествования: *бос-ул-еКП* «берущий», *бос-ул-ар-еКП* «неберущий»; *бос-ул-ар-еКП* «то, что не возьмется»; *бос-и-еКП* «невзятое». С помощью суффикса *-аКП* образуется позитивное претеритальное причастие, например: *бос-ар-аКП* «взятый».

Различаются простые и сложные формы причастия. Простые формы причастия в английском языке образуются путем прибавления окончания *-ing* к глаголу в форме инфинитива (без частицы *to*): *to write* – *writing* – хъвалеКП «пишущий»; *to read* – *reading* хъвалеКП «читающий», хъвалаго «читаая»; *to give* – *giving* къолеКП «дающий», къолаго «давая» и т.д.

Сложные формы причастия образуются при помощи вспомогательного глагола *to be* в форме Present Participle – *being* и смыслового глагола в форме Past Participle: *being written* «будучи написан», *being discussed* «обсуждаемый», «будучи обсужденным», *being built* «строящийся», «будучи построен» и т.д.

В английском языке тенденция к опредмечиванию действий выражена менее отчетливо, и отглагольные конструкции в целом используются реже, чем в аварском. При переводе это различие порождает необходимость в осуществлении ряда семантических преобразований. Одно из таких преобразований заключается в смене субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947.
2. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959.
3. *Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1980.
4. *Quirk R.* The grammar of the English language. L., 1976.
5. *Штелинг Д.А.* Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. М., 1996.
6. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1988.
7. *Бреус Н.Н.* Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. 26–28 сентября 2006 г. Тамбов, 2006. С. 122–126.
8. *Маллаева З.М.* Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Махачкала, 2012.

ОТРАЖЕНИЕ ЧЕЧЕНСКОГО КОСМО-ПСИХО-ЛОГОСА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

© Л.М. ДОВЛЕТКИРЕЕВА

Чеченский государственный университет, г. Грозный

В статье на основе данных художественной литературы и языка исследуются чеченская культура и ментальность методом выявления их характерных черт через единство природы – Космоса, национального характера – Психеи и склада мышления – Логоса.

Ключевые слова: ментальность, Космос, Логос, Психея, земля отцов, язык матери, национальный образ мира.

In article on the basis of the data of literature and language is investigated Chechen culture and mentality means of identifying their characteristics through the unity of nature – Space, national character – psyche and mindset – Logo.

Key words: mentality, space, logo, psyche, the land of fathers, the mother language, the national image of the world.

Универсальная модель триединства природы (Космоса), национального характера (Психеи) и склада мышления (Логоса) позволяет философу и культурологу Георгию Гачеву исследовать культуру и ментальность народов мира.

Следуя этому методу, мы попытаемся выявить ряд характерных черт космо-психо-логоса чеченцев, используя данные чеченского языка и литературы.

Слово «Даймохк» является ядром чеченского Космоса. «Земля отцов» – так в переводе на русский язык звучит этот сакральный код, за которым генетическая связь с семью поколениями чеченского рода, ответственность перед потомками, наступающая при утрате нравственных ориентиров, сформированных предками и составляющих уникальный свод правил чести «Къонахалла» (къонах – достойный мужчина). Трудность соблюдения этого вневременного кодекса подчеркивает известная чеченская пословица: «Трудно оставаться чеченцем».

Формирование *къонаха* и есть функция *Даймохка*. *Къонах* мыслит и поступает в соответствии с такими этическими константами, как *яхь* (состязательность в благородстве), *Гиллакх-оьздангалла* (этикет-культура), *собар* (сдержанность), *эхь-бехк* (стыд-вина), *майралла* (мужественность), *иман* (религиозность) и др. Кодекс *къонаха* последовательно изложен в чеченском фольклоре – в жанре героико-эпических песен *илли*, центральный герой которых чаще всего является собирательным носителем качеств истинного *къонаха*. В современной прозе ностальгия по исчезающим и трансформирующимся под воз-

действием реалий новейшего времени формулам мужской чести пронзительно звучит в малой прозе Мусы Бексултанова.

Мужское и женское начало в национальном Космосе лежит в основе исследований Г. Гачева. Особое внимание он фиксирует на характеристиках географических объектов, которыми те или иные этносы определяют свою территорию: «Россия – мать сыра земля, и наша главная река – Волга-матушка, и кукла наша – матрешка. Германия же = фатерланд, т.е. «отцова земля», и их река – Рейн – отец Рейн» [1, с. 13]. В чеченском языке обнаруживаем практически зеркальное отражение: чеченское «Даймохк» аналогично немецкому «фатерланд» – «отцовой земле». И главные реки Чечни – Аргун и Терек. «Мускулинное» начало родной земли отражено в ментальном культе отца, мужа, сына (защитника, воина). Безусловно, чеченская история сформировала этот культ, сохранившийся до сих пор в народном сознании чеченцев.

Но доминирование мужского начала, фиксируемое прежде всего в языке как выразителе народного духа, и, следовательно, в Психее, не подавляет не менее важный для чеченцев культ женщины-матери. «Отцова земля» – Даймохк – часто характеризуется эпитетом «хьоме» – «любимая». «Даймохк-нана» (букв.: земля отцов – мать) – так чеченцы в своей поэзии, тем более песенной, определяют родину. «Чеченский язык» его носители называют «ненан мотт» – «язык матери» (в немецком языке мы встречаем такое же ментальное понятие – «Muttersprache» – «материнский язык»).

Классик чеченской поэзии Магомед Дикаев в своем знаменитом стихотворении «Даймохк» категории «мать» и «Даймохк» выводит в качестве

*Нанас берахь дуййна
Суна хьо марздина.
Хьобьга дагардуйцуш,
Хийла ойла йина,
Сан дай баьхна латта,
Сан ирс долу Даймохк,
Ахь кхийина,
Ахь стаг вина,
Со новкъа велира.*

Тяжелым испытанием для чеченца является отрыв от родины, без которой невысказана сама

*Хьох къаьстина,
Дог диллина,
Иалур ца хиллера.*

Рассеявшись в XXI в. по всему миру в связи с войнами либо в поиске лучшей доли, чеченцы не разрывают пуповинной связи с «землей отцов – матерью», они и поныне везут своих соплеменников, в какой бы точке земного шара ни привелось им встретить свой последний час, погребать на родную землю.

Идея духовного верха является ядром кавказской национальной картины мироздания, ввиду того, что горная местность накладывает значительный отпечаток на характер и склад мышления этих народов. И потому центральными архетипами в художественном творчестве являются вертикальные концепты: горы, башни, небо, чинара, птица и т.д. Обратим внимание на то, что главного героя культового романа «Долгие ночи» чеченского классика Абузара Айдамирова зовут Аьрзу, что в переводе с чеченского языка означает «орел». А ведь именно этот айдамировский герой являет собой наиболее цельное художественное воплощение *къонаха* в чеченской литературе. Как известно, орел предпочитает гибель неволе. В условиях несвободы (в романе таковой для Аьрзу становится Турция, куда в XIX в. обманым путем переселяют часть чеченского населения) он погибает.

Вертикальное сознание чеченцев, выраженное в презрении к смерти и устремленности к духовному возвышению, передано в следующих строках чеченского илли:

*Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца,
Свое тело в добычу земле отдаю,
Но зато небеса примут душу мою [2, с. 35].*

основных звеньев в формировании *къонаха* – достойного своего Отечества и памяти семи праотцов сына:

*С детства мать
Привила мне любовь к тебе.
Делясь с тобой сокровенным,
Я много размышлял,
Земля моих отцов,
Моя счастливая родина,
Взращённый тобой,
Воспитанный тобою мужчиной,
Я отправился в путь.*

(Подстрочный перевод)

экзистенция. В этом же стихотворении находим:

*В разлуке с тобой,
Смирившись,
Невозможно, оказалось, жить.*

Однако сложность чеченского Космоса определяется его дихотомией: чеченцы вынужденно поднимались в горы по историческим обстоятельствам, так как они служили надежной защитой от врага – полчищ ли Тимура или колониальных захватчиков XIX в. В мирное время народ благополучно осваивал равнину – пахал, сеял, выращивал зерно. И современные чеченцы живут как в горах, так и на равнине. Характер равнинных чеченцев – *теркахо* – притеречных – отличается большей мягкостью и покладистостью, способностью к компромиссам, горные же нахи – *ламанхо* (*лам* – гора) – суровы, они жестче придерживаются установленных веками правил.

Но и у равнинных нохчо (чеченцев) есть в горах свои родовые башни, так как все они выходцы с гор. Таким образом, именно вертикальный образ в итоге объединяет чеченскую гору и равнину.

Формула «Аре + лам» – «Равнина + гора», где чеченская горизонталь и вертикаль абсолютно гармонируют, воплощена поэтом с равнины Апти Бисултановым – уроженцем села Гой-Чу Урус-Мартановского района Чечни:

*Белой лошади сказку свою расскажу я...
Грусть сплету из косы и печали твоей.
На чеченской равнине в полет провожу я
Покидающих нас золотых журавлей...
Там, где кровью калина в тоске истекает,
Я прощенья у всех за грехи попрошу.
И в чеченских горах, там, где ветер рыдает,
Я из слез твоих грустную песню слошу.
Из твоих миражей нашу башню построю
И расчищу поляну в лесу за рекой.*

*И в чеченских горах, оглушенных зимою,
Я один на один повоюю с судьбой...*
(Перевод Ии Николаенко)

Интересно, что изданная в 1986 г. первая книга стихов А. Бисултанова носит название «Нох – Це – Чоь» («Плуг – Огонь – Дом»), которое созвучно слову «Нохчичоь» (что означает «страна чеченцев») и подчеркивает «трудовую», «мирную» горизонталь чеченцев.

И в душе равнинных чеченцев, как и горных, вертикаль будет ассоциировать *Даймохк*, особенно в условиях чужого Космоса.

Так, чувства депортированного Мохьмад-Салахь Гадаев филигранно передает в стихотворении «Даймохке сатийсар» («Тоска по земле отцов»), противопоставляя горизонталь вертикали с помощью оригинального образа надмогильного камня – чурта:

*Чурт санна, лаьтта со
Гум-Азин арахь.
Таьн-Шанан лаьмнашка
Генарчу бIаьрг тоьхча,
Кирахь Даймехкан сурт хIоттало.
Малхбузе мел хьижжи,
Дог Иждадо.
Подобно надмогильному камню,
Стою на Средне-Азиатской равнине.
При виде вдали гор Тянь-Шаня*

*В душе встает образ Отчизны (Даймохка).
Чем больше смотрю на запад,
Тем острее щемит сердце.*
(Подстрочный перевод)

Душа мертва, погребена, ты безжизненен, как чурт, пока отлучен от родной земли.

Ключевым словом, организующим все остальные составляющие чеченской Психеи, является слово «маршо» – свобода. Чеченское приветствие звучит так: «Марша вогIийла (йогIийла)» – «Приходи свободным». Прощание – «Марша гIойла» – «Иди свободным». В русском языке в приветствии акцент делается на пожелании здоровья, а в прощании – мира: *Здравствуйте! Идите с миром! С добром!* Чеченское «маршо» всеобъемлюще – в нем и мир, и добро, и здоровье, и достоинство... А привет передается однокоренным словом «маршал».

Таким образом, в основе чеченского Космоса лежит энергетически заряженное исторической памятью о семи пращурах понятие Даймохк – земля отцов, организующим началом чеченской Психеи является слово «маршо» – свобода, подразумевающая свободу духа прежде всего, чеченский же Логос выстроен на кодексе «Къонахалла» – достойного человека, соблюдающего законы чести, какими бы тяжелыми ни были жизненные обстоятельства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. М.: Логос, 2011. 424 с.
2. Чеченская народная песня в переводе А. Фета // Чеченская народная поэзия XIX–XX веков. М.: «Новый ключ», 2005. 360 с.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ИМПЕРАТИВА (на материале аварского и английского языков)

© П. Д. ПАТАХОВА

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

В статье исследуются различные формы выражения повеления в аварском и английском языках. Выявляются сходства и различия в функционировании данных форм.

Ключевые слова: глагол, повелительное наклонение, сослагательное наклонение, императивный инфинитив.

This article is devoted to the various forms of imperative in Avar and English languages. Similarities and differences are identified in the functioning of these forms.

Key words: verb, imperative mood, conjunctive mood, imperative infinitive.

Собственно повелительное наклонение – это специализированная форма выражения побуждения, и это его прямая функция. Другие наклонения могут быть использованы для выражения семантики побуждения в том или ином контексте, при определенных условиях, но это не является их прямой функцией. Например, в аварском языке для выражения семантики нереализованного побуждения могут быть использованы формы сослагательного наклонения, например: *ГъабичЛебани дуца гъеб иш*. «Не совершал бы ты этот поступок». Как правило, подобные формы выражают семантику упрека, уговора, увещевания в надежде на то, что слушающий не совершит тот или иной поступок [1, с. 43]. Формы сослагательного наклонения могут быть использованы также для выражения более мягкого побуждения, увещевания, выраженного в некатегоричной, нерешительной форме: *Рагъиде уневани мун кваназе*. «Пошел бы ты на веранду кушать».

В английском языке сослагательное наклонение также применяется для выражения вежливой просьбы [2, 3], например: *Would you help me?* «Вы не поможете мне?». «Пожалуйста, помогите мне!».

Для более категоричного побуждения употребляется форма собственно императива, например: *Рагъиде а кваназе!* «Иди на веранду кушать!». В английском языке, напротив, форма собственно императива выражает нейтральное побуждение, без эмоциональной окраски, например: *Come here!* «Иди сюда!». *Bring me this book!* «Принеси мне эту книгу!». Для выражения категорического побуждения употребляется вспомогательный глагол *do*, например: *Do be quite now*. «Да помолчите же!». *Do stay away from here!* «Держись подальше отсюда!» и т.д. Употребление вспомогательного

глагола *do* привносит элемент усиления. Такие предложения тесно связаны с сильными эмоциями говорящего, выражая раздражение, усталость, недовольство и т.п. *Do* можно употреблять почти со всеми конструкциями повелительного наклонения, поставив его в самое начало предложения, например: *Do help me!* «Ну, помоги же мне!». *Do let's finish the job first!* «Ну, давай же сначала закончим работу!». *Do be careful!* «Ну, будь же аккуратным!».

В аварском языке также представлена форма приглашения к совместному действию, например: *гъабизин* «давайте сделаем», *цIализин* «давай(те) почитаем» и т.д. [4, с. 62–63]. Отрицательная форма данного функционального синонима императива образуется от отрицательных форм глагола простого будущего времени, например: *гъабиларо* «не сделает» – *гъабиларин* «давайте не сделаем»: *гъабиларин нильеца гъеб гIантаб иш* «давайте не сделаем эту глупость». В английском языке для выражения приглашения к совместному действию в утвердительной форме смысловой глагол употребляется в инфинитиве без частицы *to*, и перед ним ставятся глагол *let* + местоимение *us*, причем полная форма *let us* является устаревшей, в современном английском языке практически всегда употребляется сокращенная форма *let's*, например: *Let us try*. «Давайте попробуем». *Let's have a bite*. «Может быть, перекусим?». *Let's sit down for a minute*. «Давай присядем на минутку». *Let's go home*. «Давай пойдём домой». *Let's go shopping*. «Давайте пойдём за покупками». Отрицательная форма данного варианта повелительного наклонения может быть образована двумя способами, а именно с помощью слова *don't* и с помощью отрицательной частицы *not*, поставленной между *Let's* и инфинитивом смыслового

глагола. В разговорной речи чаще используется такой вариант, например: *Don't let's quarrel*. «Давай не будем ссориться». *Don't let's get angry*. «Давайте не будем сердиться». *Oh, don't let's stop now*. «О, давай не останавливаться» и т.д.

В аварском языке представлена также форма ирреального императива, в которой сочетаются семантика ирреального наклонения и прагматика императива. Ирреальный императив может употребляться как в независимых предикациях, так и в полипредикативных конструкциях, главным образом, условных: *Дуца гъеб тIехъ цIаларабани лыкI букIнаан*. «Хорошо было бы, если бы ты прочитал эту книгу» (мягкое принуждение). Данные формы в аварском языке Д.С. Самедов характеризует как формы конъюнктива [5, с. 110]. Аварский ирреальный императив меняет временную перспективу ситуации, перенося ее в план прошлого, например: *Мун радалго вачIаравани, цвеллаан дуеги бутIа*. «Если бы ты пришел пораньше, и тебе досталась бы доля». Аварский ирреальный императив может передавать как тонкие нюансы осторожной, неуверенной просьбы, приглашения, совета, так и вносить в побуждение оттенки упрека, укора, увещевания.

Побуждение в аварском языке может передаваться и вопросительной формой глагола. Побуждение, выражаемое вопросительной формой глагола, на наш взгляд, можно разделить на два основных типа:

а) вопрос, побуждающий к совершению действия:

ВахI, мун жеги гъанивицI вугев? «Как, ты еще здесь?». *Мун гъаниса тIагIиницI, тIагIинарицI?* «Ты исчезнешь отсюда или не исчезнешь?»;

б) вопрос, побуждающий к прекращению действия: *Щай мун Iодулев, бихъинчи гурицI мун?* «Ну что же ты плачешь, разве ты не мужчина?».

Употребление глагола в отрицательной форме в вопросительных предложениях с семантикой побуждения придает высказыванию оттенок настаивания, упрощивания, упрека: *Дуда тIаде вахъине раIалда гъечIицI? Мун тIаде вахъуниш, вахъунарицI?* «Ты не собираешься вставать?.. Встанешь ты или не встанешь?». В том и другом случае побуждение, выраженное вопросительной формой глагола, может смягчать побуждение. Различные оттенки побуждения, выраженные вопросительной формой глагола, определяются контекстуально.

Для выражения вежливой просьбы в английском языке также употребляются вопросительные предложения с модальным глаголом *will*: *Will you help me?* «Не поможете ли мне?». В отличие от

аварского языка, в котором повелительное наклонение сплошь применяется в разговорной речи и это не воспринимается как грубость, а является нормой, в английском языке стараются избегать употребления собственно императива и прибегают к вежливой форме повеления, выраженной посредством модальных глаголов *can, could, may, would, like*: *Can you close the window, please?* «Не закроете ли окно?». Вежливая форма повелительного наклонения в английском языке выражается и при помощи слова *please* «пожалуйста», которое стоит в начале или в конце предложения: *Come to me, please!* «Подойди ко мне, пожалуйста!». *Please, give me this book!* «Пожалуйста, дай мне эту книгу!» и т.д.

Значение побуждения в аварском языке может быть выражено и посредством инфинитива. По мнению В.В. Виноградова, «так как инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу, то возможны модальные употребления его в функции всех основных наклонений глагола» [6, с. 604]. Состав смысловых структур инфинитива и императива во многом близок. Относительно семантического потенциала инфинитива В.В. Виноградов пишет следующее: «Инфинитив не только обозначает безапелляционный приказ, категорическое постановление, распоряжение, но и выражает обязательность действия, роковую его неизбежность, неотложную потребность в нем, необходимость его наступления, волю к его отрицанию, как бы запрет на действие» [6, с. 475]. Однако имеется ряд факторов, свидетельствующих о существенных различиях между этими двумя средствами выражения побудительности. Это такие факторы, как: сравнительно небольшой диапазон оттенков, выражаемых инфинитивом, функциональная и стилистическая ограниченность, свойственные инфинитиву. Эти факторы не позволяют рассматривать инфинитив среди ядерных конститuentов побудительной модальности. Поэтому, наряду с другими рассмотренными синонимами императива, инфинитив является периферийным компонентом ФСК побудительности.

Императивный инфинитив, в отличие от форм повелительного наклонения, лишен как специального выражения субъекта-адресата, так и субъекта-повелителя. Следовательно, инфинитивно-императивные предложения являются предложениями, в которых отсутствуют как подлежащее, так и формы глагола, указывающие на деятеля.

Инфинитивные предложения следует считать безличными именно по своим грамматическим

признакам. Но такие предложения хоть и безличны, но не бессубъектны. Субъект-производитель подразумевается, хоть и не оформлен морфологически. И способность инфинитивных форм выражать высшую степень приказа объясняется тем, что сила приказа, как справедливо отмечают Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс, «как бы пропорциональна безличности» [7, с. 96].

В аварской художественной литературе инфинитивные побудительные предложения все же достаточно редки и встречаются главным образом в официальных документах, инструкциях, приказах, лозунгах, призывах, а также в назва-

ниях газетных рубрик. Однако следует отметить, что употребление инфинитива в побудительной функции не характерно для аварского языка и является следствием влияния русского языка.

В преобладающем большинстве случаев форма приказа или команды осложнена модальным оттенком необходимости, например: *Дуца гьѳб сайгъат дие къезе ккола*. «Тебе придется этот подарок отдать мне».

Как видим, различные глагольные формы, употребленные в несобственных побудительных функциях, способствуют обогащению семантического потенциала императива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маллаева З.М. Грамматические категории аварского глагола (модальность, залоговость). Махачкала, 2002.
2. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М., 1965.
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика английского языка. М., 1981.
4. Маллаева З.М. Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Махачкала, 2012.
5. Самедов Д.С. К вопросу о категории наклонения в аварском литературном языке // Вопросы русского и дагестанского языкознания. Махачкала, 1981. С. 107–114.
6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
7. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ (на материале семантической деривации)

© Р.Р. ТАДЖИБОВА

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

В статье рассматриваются основные проблемы сходства и различия семантической деривации в языках лезгинской группы, приводятся параллели с другими дагестанскими языками.

Ключевые слова: *этимологические связи, общедагестанский язык, семантическая деривация.*

The article considers basic problems of similarity and differences in semantic derivation of the languages of Lezghin group. Different parallels with other Daghestani languages are also taken into account.

Key words: *etymological relations, pradahestani language, semantic derivation.*

Известно, что в дагестановедении при определении хронологического уровня языкового материала за основу берется критерий, при котором то или иное слово относят к общедагестанскому фонду, если оно присутствует в двух разных группах.

В.М. Загиров при этом уточняет, что лексемы, обнаруживающие параллели за пределами лезгинских языков в одной из подгрупп дагестанских языков, не обязательно могут считаться общедагестанскими, так как «такое сходство может объясняться не только родством, но и заимствованием или просто совпадением» [1, с. 21].

В лезгинском языкознании имеются некоторые теоретические вопросы, которые не получили освещения в специальной литературе. Так, к примеру, в ряде случаев в лезгинском языке по диалектам выступает гласный *ы*, которому в литературном языке и в других диалектах соответствуют *а*, *е*, *и*, *у*, *уь*: *ы* – *а*: ахт. *ыгъын* – лит. *агъун* «верить»; *ы* – *е*: *кьачлым* – *кьечлем* «пробор»; *ы* – *и*: *ахварыз* (фин) – *ахвариз* (фин) «уснуть»; *ы* – *у*: *рыш* – *руш* «девушка»; *ы* – *уь*: *кьычI* – *кьуьчI* «моль». Представляется, что в этом ряду соответствий *ы* является первичным. Он встречается и в некоторых цезских языках – гунзибском, хваршинском, а из лезгинских языков – в рутульском, цахурском, а также в шахдагских языках, т.е. ареалы его распространения простираются на двух окраинах дагестанских языков: на южной – лезгинские языки и северной – цезские. Это обстоятельство дает основание думать, что гласный *ы* был характерен еще для общедагестанского состояния [2, с. 48].

Сравнительно-исторические исследования проводятся на основе фонетических реконструкций, которые предполагают регулярные соответствия. В этимологических исследованиях важное

место занимают нерегулярные соответствия. На основе последних устанавливается генетическая связь ряда языковых единиц, которая не учитывается при регулярных соответствиях. Так, при компаративных исследованиях не принимаются во внимание все корреспонденции определенной фонемы, которые в определенных условиях могут актуализироваться и превратиться в самостоятельные фонемы. Ср., например, дифференциации форм *х* и *хъ* в агульском языке (*ухас* «пить» и *ухъас* «сосать грудь»), в отличие от лезгинского языка, где *х* и *хъ* представляют собой варианты одной и той же фонемы (*хун/хъун* «пить», «сосать грудь»).

Другой проблемой, имеющей важное значение для исследования этимологии лезгинских языков, является проблема структуры корня в лезгинских языках, в частности, и в дагестанских языках в целом. Одна из них – теория моноконсонантизма.

Корень в дагестанских языках имеет связанный характер. Это значит, что корень в данном случае не выступает в чистом виде – в качестве производной основы. Выделение такого корня представляет собой формальную процедуру, при которой у группы родственных слов неизменяемая часть – корневая морфема – выделяется на основе варьирующихся частей слова: аг. *и-тI-ас* «привязать» – *и-тI-ул* «узел», лезг. *тIв-ал*, рут. *йи-тI-ул*, а также аг. *тI-ул* «веревка», лезг. *цI-ул*, таб. *тI-ул* «бечевка, канат», лак. *бу-тI-а* «веревка, привязь» и др.

Трудности также заключаются и в полифункциональности морфем. Ср., например, возможность одной и той же морфемы выступать:

а) в функции корневой морфемы: ав. *ре-тI-ел* «платье, одежда», рут. *ва-л-ыг* «одежда», так и деривационного аффикса: ав. *рахъ* «молоко»

тI-о-рахь «сметана», лезг. *ал-ахьун* «убежать (о молоке)», рут. *лаб-чIун* «подниматься» и формообразующего аффикса: лезг. *кIвале-л* «на доме» и др.; здесь и ав. *тI*, и рут., лезг. *л* восходят к историческому **кьI*;

б) в функции классного показателя: ав. *б-ортизе*, *в-ортизе* «падать, упасть» (*б-* и *в-* – изменяющиеся классные показатели);

в) в функции преверба: ав. *в-ортизе*, лезг. *а-в-атун* «падать, упасть» (*в-* – преверб со значением «вниз»). Ср. варьирование пространственных превербов с данной корневой морфемой в лезгинском языке: *гь-а-т-ун* «попадать во что-либо», *а-л-а-т-ун* «сойти с чего-либо», *а-г-а-т-ун* «подходить вплотную». В этой связи приведем мнение Г.В. Рogaва, который считает классные показатели древнейшим морфологическим инвентарем в кавказских языках, которые в процессе исторического развития могли переориентироваться и выполнять другие морфологические функции [3, с. 112]. В нашем случае классный показатель выполняет функцию преверба;

г) классные показатели одновременно могут выполнять две и три функции. Ср. выполнение классным показателем функции преверба и каузатива: аг. *ала-й-хьас* «сбросить» – *ала-р-хьас* «упасть» (где *-й-* и *-р-* являются классными показателями, которые выполняют функции превербов со значением «вниз», а также противопоставлены друг другу по активности – инактивности основ с их участием);

д) выполнение формантом множественного числа деривационной функции: анд. *рошо* «дерево», *рошо-бил* «лес», ср.: таб. *гьар гьар-ар*. Развитие значения слова «лес» могло возникнуть и на основе варьирования классных показателей, ср. хин. *ви-шаь* «дерево» и *ми-шаь* «лес».

Многие слова, у которых корневые морфемы материально соотносятся с пространственными аффиксами, по своему значению входят в единое семантическое поле: лезг. *а-с-кI-ан* «низкий» при рут. *с-аь* «вниз», аг. *ай-с* (рич.) то же и *ай-кк* (бурш.) «внизу» и др.

Компоненты, составляющие удвоенные основы, точно повторяют друг друга (лезг. *кI-у-кI* «макушка, верхушка», *кь-а-кь-ан* «высокий», ав. *хь-у-хь-ине* «вязать»), или же являются алломорфами одной и той же морфемы (ав. *кь-о-тI-изе* «рубить, резать», лезг. *кь-а-тI авун* то же; лезг. *кь-и-л* «голова», аг. *кI-е-тI* «колос», лак. *чI-а-л-и кI-а-л-и* и др.).

Помимо семантических трансформаций, являющихся базой для создания новых понятий, имеются фонетические. Ср. образование новых

слов путем: а) метатезы (лезг. *сux* (ахт.) «жало пчелы, осы» и *хуз* (гюн.) «оса»); б) замещения (лезг. *ветI* «комар» и *фитI* «куколка червя в мясе») и др.

Выявление структурных компонентов основы – тоже одна из сложных проблем. Сложность ее заключается в том, что основа в дагестанских языках не так прозрачна, как в других языковых семьях. Это связано с рядом причин, основными из которых являются: несвободный характер корня, утрата многими структурными компонентами основных своих функций и их сращение с корневой морфемой, выпадение структурных компонентов.

При сравнительно-историческом анализе именных основ дагестанских языков выявляются суффиксы *-л*, *-м*, *-н*, *-р*. Именные основы в дагестанских языках могут быть распространены префиксами и детерминативными суффиксами. Приведем примеры, указывающие на распространение основы при помощи детерминантов: ав. *цIад* «дождь» – таб. *цIад-ал* «капля»; ав. *рехх-изе* «бросать» – *рахх-ан* «лопата для веяния зерна»; аг. *ах-ас* «спать» – *ах-ун* «сон», «постель», лезг. *ахв-ар* «сон»; аг. *дукь-ас* «шить» – *дукь-ум* «шов» и др.

Распространение при помощи префиксов: аг. *цIак-ас* «искривиться», таб. *ба-цIак* «косой, косоглазый» и др.

Корневая морфема может распространяться префиксом и суффиксом одновременно: ав. *тI-езе* «полить», аг. *б-тI-ас* (кер.), таб. *бу-тI-ал* «протекание» и др.

Сама теория моноконсонантизма корня возникла благодаря сравнительно-историческому методу в языкознании, так как именно приемы компаративистики путем сравнительного анализа материала позволяют расчленить слово на отдельные морфемы вплоть до однобуквенных корней.

Однако в дагестанских языках можно найти большое количество слов, в которых выделение моноконсонантных корней не выходит за пределы синхронного анализа. К примеру, выделение в ав. *ба-чI-ине* «приходить» корневой морфемы *-чI-* оправдано тем, что префиксальный *ба-* является изменяющимся классным показателем, ср. *ва-чI-ине*, *йа-чI-ине*. Здесь структура слова *бачIине* прозрачна и выделение корневой морфемы не вызывает затруднений, приемы ее выделения не выходят за пределы аварского языка. Но во многих случаях определение и вычленение корня требуют проведения сложных операций и сопоставления материалов ряда дагестанских языков,

что невозможно без реконструкций – как фонологических, так и семантических.

При обосновании моноконсонантного характера корня возникает и необходимость рассмотрения вопросов сравнительно-исторической морфологии. Последняя в своих отдельных частях перекрещивается с историческим словообразованием, так как отдельные стороны морфологии раскрываются благодаря сравнительно-исторической деривации, и наоборот. Ни формальные аффиксы, ни деривационные морфемы не могут быть определены без предварительного выделения корня в составе слова. Корень, в свою очередь, выделяется путем отбрасывания аффиксальных морфем.

Вычленение корневой морфемы происходит с разной степенью трудности. Например, в случаях, когда корень совпадает с основой (непроизводная основа), выделение корня не затруднено и не требует сложных операций; ср. лезг. *т-ун* «оставить», ав. *т-езе* и др.

Необходимо различать корень в его синхронном понимании и исторический, этимологический корень, или этимон слова. В первом случае имеем дело с корнем, который характерен для данного состояния языка, например, лезг., крыз. *рук* «лес», где корень равен основе и несет в себе конкретное значение, а слово образовано посредством нулевого аффикса – *рук-ш*. При выделении исторического (этимологического) корня и сведении его к однословному компоненту (ср. корень *рук* как продукт синхронного анализа и выделение корня *-к* при сравнении *рук* «лес» и *лук* «ветка» при этимологическом анализе на базе варьирующихся префиксальных элементов), он утрачивает свое вещественное значение, так как по мере укорачивания корневой морфемы она все более абстрагируется. В укороченной части – непроизводной основе, по выражению Б.М. Гранде, «меньше конкретности... в ней отсутствует указа-

ние на какой-либо конкретный предмет или действие, имеется лишь общая связь ... с абстрагированным корнем» [4, с. 78].

При такой интерпретации лингвистических данных выделение в основах таких слов, как ав. *йас*, лак. *душ*, лезг., аг. *руш* «девушка, девочка», предкорневых элементов, классных показателей элиминируется из прадагестанского состояния. Подобные слова уже в прадагестанском состоянии представляли собой неделимое целое. Более того, слова, аналогичные аварскому *йас* «девушка, девочка, дочь», *вас* «юноша, мальчик, сын» были неразложимы даже в правосточно-кавказском состоянии. Вместе с тем в таких словах, как «мальчик», «девочка», выделяют общий с глаголом «родиться» моноконсонантный корень **ш* [5, с. 64]. Интересно отметить, что в некоторых дагестанских языках в субстантивах и глаголах выступает корень **х*, синонимичный корню **ш*. Первый охватывает более широкий круг слов, связанных близкородственными отношениями. Так, например, общедагестанский корень **х*, представленный в глаголе «родить(ся)» – ав. *гь-авизе*, чам. *ба-х-ина*, гунз. *а-хъ-а*, дарг. *бер-хъ-ес*, лезг. *х-ун*, уд. *ба-х-сун* – обнаруживается во многих субстантивах, выражающих близкородственные отношения: чам. *йа-гь* «девушка, дочь», тинд. *йа-гь-а*, лезг. *ва-х* «сестра», *ба-х* «мать, старшая сестра», *дах* «отец, старший брат». Этот же корень находим в производных основах: лезг. *стха* (**са-дах-а*) «брат», *тх-а* (**дах-а*) (ахт.) «отец», *х-ттул* «внук», ав., цез. *гь-удул* «друг» [6, с. 103].

Таким образом, указанные слова, которые группируются вокруг корней *-ш* и *-х*, выражают близкородственные отношения. Материально различающиеся корни, лежащие в основе близких по значению слов, могли быть рефлексами единой корне-фонемы или эти корни, синонимичные друг другу, были представлены в праязыковом состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загиров В.М. Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. 143 с.
2. Гайдаров Р.И. Введение в лезгинскую ономастику. Махачкала, 1996. 180 с.
3. Рогова Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1956. 189 с.
4. Гранде Б.И. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972. 158 с.
5. Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала, 2004. 238 с.
6. Сулейманов Н.Д. К структуре корня в дагестанских языках // Вестн. Дагест. науч. центра. 2000. № 7. С. 100–107.

МНОГОПАДЕЖНОСТЬ И ИНЫЕ ПРИЗНАКИ ПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

© А.И. ХАЛИДОВ

Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

В статье ставится вопрос о применимости признака многопадежности в структурной (морфологической) классификации языков мира. Автор приходит к выводу, что сама по себе многопадежность не является надежным основанием для выделения соответствующих двух структурных типов языков, но должна учитываться в типологических исследованиях в контексте других признаков, характеризующих падежные системы и связанные с ними синтаксические признаки, в частности – эргативность.

Ключевые слова: структурная классификация, падежи, многопадежность, падежи и синтаксис, эргатив.

In the article raises the issue of the applicability of the multiplicity of forms of grammatical cases in the structural indicator (morphological) classification of the languages of the world. The author concludes that the multiplicity of forms of grammatical cases itself is not a reliable basis for the allocation of two structural types of languages, but should be taken into account in the typological studies in the context of other traits that characterize the case system and related syntactic features, in particular – ergative.

Key words: structural classification, a cases, multiplicity of forms of grammatical cases, cases and syntax, ergative case.

В качестве основных признаков, характеризующих морфологический строй нахских языков и большинства других иберийско-кавказских языков, называют также **многопадежность** – не самый надежный, на наш взгляд, признак для классификаций и типологических обобщений. Сколько вообще может быть в языке падежей, наверное, не знает никто. Мы знаем только минимум – два. Максимум реально имеющихся в языках падежей можно вычислить, но максимум возможных – вряд ли.

Еще авторы Грамматики Пор-Рояля сформулировали вполне актуальные сейчас и вряд ли ошибочные положения, согласно которым а) «согласование в значительной степени одинаково во всех языках» [1, с. 95]; б) «синтаксис управления, напротив, почти целиком произволен ... и по этой причине оказывается очень разным во всех языках» [1, с. 96]. Поэтому нет ничего странного не только в том, что в разных языках количество падежей колеблется от двух до двух десятков и иногда более, но и в том, что это количество неодинаково даже в близкородственных и близкоструктурных языках (не говоря о том, что их может и не быть вообще: в индоевропейском германском языке – английском нет падежей, имеющихся в других германских языках (вопрос о наличии двух падежей – общего и притяжательного – спорный); в абхазском языке нет падежей,

наличных в остальных иберийско-кавказских языках). Видимо, разнообразие форм выражения того, что мы называем падежными значениями, нас тоже не должно удивлять. Только морфологическая предвзятость носителей языков аффилирующего типа заставляет нас считать, что показатель падежа должен быть отражен в структуре самого имени.

Для японцев же, которые вполне обходятся своей особой падежной системой, не обеспечиваемой ни одним аффиксом и построенной на использовании падежных показателей – послелогов – первичных (**га** – субъект-подлежащее, **о** – объект-прямое дополнение, **ни** – атрибут) и вторичных (**то** – контрагент, **а** – конечная точка действия, **хара** и **ёри** – исходная точка действия и т.д.) [2, с. 130–139], это удобная и рациональная система. В японском языке такая система унифицирована в том смысле, что здесь выбран единый тип показателей отношений между словами (между именами и глаголами, между самими именами), в языках же флективных и агглютинативных падежи частично грамматикализованы их аффиксальным выражением, по большей же части все еще находятся в сфере неаффиксального (предложно-последовательного) выражения, чем больше в языке таких неаффиксальных средств – показателей объектных, обстоятельственных и определительных отношений, тем меньше в языке падежей.

В чеченском и других нахских языках, в большинстве иберийско-кавказских языков падежей достаточно много (хотя есть языки и с большим их количеством), соответственно здесь относительно малочисленны иные показатели семантико-синтаксических связей – послелого. Утверждение, что в нахских языках «послелого распространены довольно широко» [3, с. 204], видимо, может быть принято только в контексте сравнения с фактами некоторых других иберийско-кавказских языков, тем более что и сам Ю.Д. Дешериев отмечает: «послелого в большинстве случаев выполняют наречную функцию» [2, с. 205], т.е. их использование связано в первую очередь с выражением обстоятельственных отношений, они редко передают значения объектные и еще реже определительные.

Сама по себе многопадежность, как отмечалось, – не очень надежное основание для каких-либо обобщений и классификаций, но почему-то именно такой признак считается характерологическим для иберийско-кавказских языков. Между тем в финском и эстонском языках, например, столько же падежей, сколько в чеченском, однако мы не считаем это основанием для объединения в один структурный тип «горских» иберийско-кавказских и финно-угорских языков. Следует поэтому полагать, что характеризующим для иберийско-кавказских языков признаком в отношении сложившейся в них падежной системы надо считать не количество падежей, а избранную в них систему отбора тех общих значений, которые носителям данных языков оказалось удобным грамматикализовать: ведь явно не случайно, например, что в иберийско-кавказских языках не оказалось аккузатива, но при этом есть «абсолютив» и эргатив, во многих языках – сравнительный падеж, как, впрочем, не случайно и то, что в языках с количеством падежей 4 и более обязательно присутствуют генитив и датив.

Если оценивать падежные системы нахских и других иберийско-кавказских языков с точки зрения еще не преодоленных представлений об эргативе как падеже, который «можно сравнить с индоевропейским пассивом» [4, с. 124–133] (как будто в индоевропейском есть *падеж* пассив), а об эргативной конструкции как «аномальной» только потому, что она не соответствует «нормальной» индоевропейской, вряд ли можно будет определить, в чем действительно состоит специфика этих падежных систем.

Проведение аналогий между эргативностью и пассивностью конструкций предложения не в последнюю очередь связано с тем, что в качестве

эргатива часто представлялись и интерпретировались иные падежи (родительный, дательный чаще всего), которые якобы имеют значение эргатива, выполняют функцию эргатива. Показательна в этом отношении справедливая критика О.П. Суником интерпретации чукотских предложений, относимых к эргативной конструкции, у П.Я. Скорика, который типичное для чукотского «эргативное» предложение **Эккэ-тэ на-нтыватыват купрэ-т** «Сыновья поставили сети» интерпретирует как эргативное с подлежащим в прямом (именительном) падеже (*купрэ-т* «сети»), реальным субъектом в роли грамматического объекта – косвенного дополнения в творительном, «или эргативном» падеже. У О.П. Суника, естественно, возникает вопрос: «Если в конструкции, именуемой эргативной, подлежащее действительно оформлено именительным падежом, как и во всех иных конструкциях чукотского языка, то о какой типичной для этого языка «эргативности» может идти речь?» и не проще ли (и тем более не логичнее ли?) эту конструкцию называть, по падежу подлежащего, номинативной?» [5, с. 46–49].

Ни у кого не вызывает удивления, что русск. **Сыновьями поставлены сети** квалифицируется как номинативная пассивная конструкция с Scem.=Ogr. и Осем.=Sgr., но в принципе такое же предложение в другом языке эргативизируется, причем явно искусственно, поскольку самого эргатива здесь нет. Подобная «традиция» получила поддержку и в лингвистическом кавказоведении. Интерпретация предложений без эргатива как эргативных, допускающая «совмещающая эргатив», выраженный родительным, дательным или иным падежом, особенно характерна для лингвистического дагестановедения и отсюда проникает в сферу исследования и других кавказских языков. В этой связи становится принципиальным вопрос о квалификации падежа как эргативного, эргативоидного или квазиэргативного, а вернее – как эргативного или неэргативного, и о тех характеристиках, которые здесь существенны.

Мнение, что «сущность эргативной конструкции... определяет переходный глагол» [6, с. 4], подтверждается многими иберийско-кавказскими и иными эргативными языками, но, судя по приводимым на материале некоторых из них исключениям, особенно интерпретации этих «исключений», эргативность не обязательно предполагает переходность конструкции. В родственном мегрельскому чанском языке (или, с точки зрения других авторов, чанском диалекте занского языка, включающего и чанский, и мегрельский языки как диалекты), по мнению большинства

его исследователей, выделяются и переходные, и непереходные эргативные конструкции. В то же время имеющийся здесь в виду падеж на **-к** (есть и в мегрельском) «невозможно квалифицировать как эргатив» [7, с. 150–151]. Но тогда непереходные конструкции, называемые эргативными, на самом деле таковыми не являются. Это случай, когда конструкция непереходная, но не может быть квалифицирована как эргативная, поскольку в ней отсутствует сам эргатив.

Но у нас нет оснований сомневаться в том, что в бацбийских предложениях типа **Âс вуйтIас**, переходных, **âс** – действительно эргатив. Между **Âс вуйтIас** и мегрельск. **Molarɕ Alexandre-k** «Пришел Александр», рассматриваемых у Г.А. Климова, есть различие: в бацбийском эргативность падежа (**Âс**) несомненна; более того, эта форма местоимения фактически даже повторена в структуре глагола, так как с точки зрения синхронного морфемного анализа здесь выделяются **-âс**, **-âхь** (**вуйтIас**, **вуйтIахь**), хотя исторически это форма **вуйтI(a)** с наращенными местоимениями **со**, **хьо** (**вуйтIа-со**, **вуйтIа-хьо**). Личные местоимения **со** и **хьо** стали в нахских языках аффиксами эргативности для собственных имен, а также некоторых слов, обозначающих родственные отношения, – **дā** (**дāда**) «отец», **нāна** «мать», **йиша** «сестра», **ваша** «брат», **йуоI** «дочь; девочка», **вуоI** «сын» и производных от них типа **стуннāна** «теща»: ср. **Âхьмад-ас**, **нāн-ас**; в некоторых словах **-ас// -аса** «редуцируются»: **вуоI -аса** → **йуоI-ас** → **вуоI-а**. То, что этот аффикс повторяется и в структуре глагола, не дает оснований для аналогии с мегрельско-чанскими «непереходными эргативными конструкциями».

Приведенное мегрельское предложение (и подобные ему) «вопреки установившейся картвелистической традиции ни при каких условиях не может квалифицироваться как эргативное, так как здесь нет ни переходного глагола, ни прямого дополнения («ближайшего объекта»)» [7, с. 152]; что касается падежа на **-к**, то он, занявший «все места именительного падежа подлежащего во второй (аористой) серии времен, не только в переходных глаголах, но даже и инверсивных», становится «функционально тождественной величиной именительному падежу языков номинативного строя» [7, с. 153]. «Функционально тождественная величина» – это не термин и не обозначение падежа, а форма на **-к**, независимо от нашей интерпретации, должна быть определена в терминах падежей. Если бы не «очень широкое распространение в глагольных формах «аористных» времен так называемого «утвердительно-

го» префикса **ко-** (другие алломорфы – **ku-**, **ki-**, **kɔ-**), как в **žima-k ko-mortu** «Брат пришел» [7, с. 154], пришлось бы согласиться с Г.А. Климовым в том, что **žima-k**, **Alexandre-k**, **boši-k** и др. – не эргатив. Довод Г.А. Климова («нет ни переходного глагола, ни прямого дополнения») имеет к этим формам такое же отношение, как и **Âс** и **Âхь** в бацбийских предложениях с суффиксальными показателями лица субъекта типа **Âс вуйтI-ас**. Нет ни одной работы, в которой такие предложения квалифицировались бы иначе, как непереходные, но в этом утверждении вряд ли можно быть категоричными, особенно с бацбийским материалом, где параллельно сосуществуют эргативная и номинативная модели построения совершенно одинаковых на первый взгляд в семантико-синтаксическом отношении конструкций. На самом деле **Со вуйтI** и **Ас вуйтI-ас** семантически различаются, в частности различаются их глагольные предикаты: **вуйтI-ас** означает не просто «иду», но «веду себя», «принуждаю себя идти», аффикс **-(а)с** в нем, как и **-(а)хь** в **вуйтI-ахь**, представляет собой аффиговое местоимение, использованное в функции суффиксального показателя лица. В сущности, это объект, но объект особого рода, который введен в структуру глагола для того, чтобы сделать его переходным и, следовательно, пригодным для использования в эргативной конструкции, которая по определению должна быть переходной. В **Âс вуйтI-ас** и **Âхь вуйтI -ахь** в действительности есть и субъект в эргативе, и объект в номинативе (**-с** и **-хь** в структуре глагола ← **со** «я», ← **хьо** «ты»), причем субъект здесь «инверсивный», «самообъектный», не аналогичный субъекту русских возвратных глаголов, но напоминающий их в предложениях типа **Я бреюсь**, **Я моюсь**. Мы можем только предполагать связь между такими бацбийскими конструкциями и мегрельско-чанскими предложениями типа **Molarɕ Alexandre-k** «Пришел Александр» и особенно **žima-k ko-mortu** «Брат пришел», но утверждать такую связь трудно, поскольку здесь нет такой прозрачности форм и их значений, как в бацбийском.

В связи с интерпретацией бацбийских предложений типа **Âс вуйтI-ас** стоит по-новому взглянуть на проблему классно-личного спряжения глагола в этом языке. На наш взгляд, нуждается в корректировке точка зрения, что в глаголе выражено суффиксально лицо субъекта. Здесь все признаки того, что префиксально класс объекта («инверсивного», «самообъектного» субъекта), а суффиксально – лицо объекта (того же «самообъектного» субъекта), т.е. предложение

построено так, как этого требует в основных своих признаках универсальная модель построения переходной эргативной конструкции. Фактически здесь избыточный вариант классно-личного спряжения, когда указанный в классном префиксе объект («самообъектный субъект») дублируется суффиксальным выражением того же актанта, показывающим уже не класс, а лицо того же «самообъектного субъекта». В формально непереходных чеченских предложениях типа **Âс дубьшу, Цуб̄ й̄âзду**, например, такого не происходит, так как здесь мы имеем абсолютно переходные глаголы с комплетивной семантикой, действие которых явно «переходящее», но не на прямое дополнение, имеющее свое материальное выражение, а на объект, или элиминированный в силу того, что он известен участникам диалога, или представленный «придаточным дополнительным», как-то: **Цуб̄ дийцира суна, ш̄а кхуза х̄унда виеана** «Он рассказал мне, (сам) он почему сюда пришел». Естественно, в таких конструкциях в глаголе отражается класс «ближайшего объекта», не совпадающий и не соотносимый с классом эргативного субъекта.

Эргативная конструкция предполагает тем или иным образом получившую свое отражение в предложении переходность. Именно в этом смысле, надо полагать, А.С. Чикобава многократно писал о стабильной переходности глагола в эргативных иберийско-кавказских языках. Но «стабильная переходность – это не обязательно наличие прямого дополнения, это ориентированность глагольного действия на «ближайший объект» в том понимании, которое имелось в виду у А.С. Чикобава. Не всякий глагол может быть переходным, но и не у всякого глагола свойство переходности должно быть реализовано в предложении в том виде, в той форме, которые мы привыкли отмечать» [8, с. 31]. С другой стороны, в интерпретации переходности лингвокавказоведы зашли настолько далеко, что в любом двухактантном предложении с одним из актантов, выраженным номинативом, стремятся выделить «совмещающий эргатив» и видеть или эргативное построение (даже если второй актант – не эргатив), или особую конструкцию переходного предложения с подлежащим субъектом, выраженным дативом, генитивом или локативом, например. Соответственно выделяют наряду с эргативной дативную, генитивную, локативную конструкции предложения, тем самым приписывая соответствующим падежам те значения, которые они не имеют (подробный анализ и оппонирование концепции множественности конструкций

предложения в нахских и в целом в иберийско-кавказских языках см.: [8, с. 22–28]). С нашей точки зрения, это номинативные конструкции с нединамическими глаголами, обозначающими чувственные восприятия, состояния, или даже с неглагольными предикатами той же семантики, как в **Суна дагахь дара иза** «У меня в сердце было это».

Неадекватная интерпретация именных словоформ в терминах падежей часто оказывается следствием постулирования мнимой переходности глагола или анализа инфинитного предиката на уровне с финитным. В этой связи заслуживает внимания интерпретация абсолютива в даргинском, некоторых других дагестанских языках у З.Г. Абдуллаева, строящего «уровневую корреляцию эргатива» и выделяющего 4 типа в эргативной типологии предложения, выходящей за пределы «внутренней корреляции» собственно эргативной конструкции: эргативную, абсолютную, эргативоидную абсолютную и дативную конструкции. Здесь нет необходимости включаться в обсуждение поднимаемого З.Г. Абдуллаевым вопроса об оформленности падежа-абсолютива в даргинском и его производности от «основы имени». Для нас важнее разобраться в том, что позволяет признавать конструкцию с субъектом-абсолютивом эргативной или даже эргативоидной.

Эргативоидная абсолютная конструкция у З.Г. Абдуллаева, например, – даргинск. (мекегинск. диал.) **Nu qu balculera** «Я поле пашу», где **nu** – местоимение «я» в абсолютиве, **qu** – также абсолютив, **balculera** – синтетическая форма глагола настоящего времени. У этой конструкции есть и параллельный вариант с субъектом-эргативом – **Nuni qu balculera**. Сомнительно, чтобы это были синтаксические дублиеты с совершенно одинаковыми субъектно-предикатно-объектными отношениями. И действительно, **balculera**, по данным самого З.Г. Абдуллаева, – это синтезированная форма, полученная из аналитической (деепричастие **balculi** «вспахивая» + связочный глагол **saira** «есмы», следовательно, **balculera** ← **balculi** + **saira**). В литературном даргинском в результате утраты деепричастием конечного **i** получилась форма **balculra** (в мекегинском диалекте **balculera**). «В мекегинской форме четко ощущается значение деепричастия *балуле* «вспахивая», в то время как в литературной форме деепричастия *балули* утрата при синтезировании конечного гласного и привела к стиранию этого значения» [9, с. 60–61]; «поэтому, видимо, в литературном языке нет абсолютной конструк-

ции **Nu qu balculra**, хотя при аналитической форме глагола допустимы **Nu qu balculi saira** и **Nu qu balculi levra**» [9, с. 60].

В акушинском диалекте, лежащем в основе литературного даргинского языка, абсолютная конструкция **Nu qu balculra** есть. Если судить по интерпретациям З.Г. Абдуллаева, даргинский язык, в частности его диалекты, игнорирует закон разумной достаточности, не формулируемый языковедами, но в сущности регулирующий процессы, происходящие во всяком языке, объясняющий, например, тенденцию к унификации, в той или иной мере проявляющуюся во всех языках. Если бы **Nuni qu balculra** // мекегинск. **balculera** и **Nu qu balculra** означали одно и то же, можно было бы согласиться с эргативностью второй конструкции. Но здесь соотношение примерно такое же, как в чеченск. **Ac(a) кха бху** и **Со кха бхуш ву** «Я поле вспахиваю». Разница в том, что в чеченском синтезирования не произошло и вспомогательный глагол не сливается с основным инфинитивом (в отличие, впрочем, от ингушского, где синтезирование произошло: **As(a) qa ääxad**). Даргинский язык, особенно в своей литературной разновидности, ушел, видимо, дальше в тенденции к абсолютивизации эргативных синтаксических построений, но вряд ли настолько далеко и в том направлении, чтобы оправдать интерпретацию предложений типа **Nu qu balculra** как эргативных и тем более эргативных, прямо соотносимых с **Nuni qu balculra**. Такую интерпретацию в первую очередь и особенно затрудняет то, что **nu** – не субъект действия-процесса, а субъект, квалифицируемый по состоянию действия, в котором он находится, характеризуемый по совершаемому им действию. Формально и **balculra**, и чеч. **бхуш ву** – формы, полученные слиянием (в первом случае) и сочетанием (во втором) деепричастий и вспомогательного глагола, семантически они тяготеют к причастиям (см. об этом: [10, с. 30]).

Однако и в даргинском, и в чеченском языках причастия в функционально-синтаксическом отношении не выходят за пределы функции определения (препозитивного или постпозитивного необособленного или обособленного). «Предикативным определением» – предикатом причастие может быть в форме прошедшего основного (совершенного) времени (**Говр Iамийна йу** «Конь обученный есть»), в настоящем причастие в этой функции не употребляется и его место занимает деепричастие: **КIант дуоьшуш ву** «Мальчик обучаясь есть/учится». Видимо, в таком распределении функций между причастием и деепричастием

сыграла свою роль омонимичность причастия финитному глаголу настоящего времени, что в сочетании с неупотреблением при причастии настоящего времени вспомогательного глагола делает невозможным его использование в роли предиката рассматриваемого типа: ср. **КIант вöгIу** «Мальчик идет» и **вöгIу кIант** «идущий мальчик», где омонимичные друг другу финитный глагол и причастие в настоящем времени одинаково не сочетаемы со вспомогательным глаголом *vi*.

Такая интерпретация заставляет иначе, чем это принято, квалифицировать и сами «абсолютные» конструкции «эргативного» типа, и компоненты этих конструкций. Дарг. **Nu qu balculra// balculera** и чеч. **Со кха бхуш ву** – конструкции номинативные, с субъектом предикативного признака в форме номинатива (абсолютива), с объектом – также в форме номинатива и инфинитивно-глагольным предикатом. В переходных предложениях с финитно оформленным глагольным сказуемым эргатив ни при каких условиях не может быть объектом-дополнением.

Все наши представления о нормальном для эргативных языков оформлении субъекта и объекта разрушает иное, чем в остальных диалектах даргинского языка, соотношение конструкций предложения в акушинском диалекте, которое З.Г. Абдуллаев характеризует как «корреляцию иных конструкций: эргативный (**Нуни хьу балуцлра**), где субъект стоит в эргативе, а объект – в абсолютиве, и абсолютной (**Ну хьули валуцлра**), где субъект стоит в абсолютиве, а объект – в эргативе» [9, с. 61]. Объект в эргативе никак не вписывается в привычную и постулируемую схему эргативной конструкции. В принципе здесь должно быть такое же соотношение, как в **Nu beçli karşulra** «Я волком убиваем (есть)» (в переводе З.Г. Абдуллаева «Меня волк убивает»), но невозможность «Я полем вспахиваем (есть)» или «Меня поле вспахивает» очевидна, тем более что в **Nu quli valculra** эргатив (?) **quli** характеризуется как объект в эргативе. Такое совершенно невозможно в чеченском, других нахских языках, и вряд ли возможно в каком-либо другом языке. Если бы не различия в классном согласовании между **Nuni qu balculra** и **Nu quli valculra**, где в **balculra** показатель **b** (б) – формант 3 класса ед.ч., а **v** (в) – 1 класса ед.ч., предлагаемую интерпретацию объекта трудно было бы оспорить. Легче всего было охарактеризовать акушинскую конструкцию с «объектом в эргативе» как «аномальную», «дефектную», как это нередко делается в отношении труднообъяснимых явлений, но мы не можем ограничиваться

подобными общими оценками и должны стремиться к объяснению фактов. В частности, выяснить, почему в эргативной конструкции **Nuni qu balculra** показатель **b** (**б**), соответствующий классу объекта **qu**, а в **Nu quli valculra** – показатель **v** (**в**), соответствующий классу субъекта **nu**, тогда как по общеберийско-кавказской модели эргативной конструкции (ЭК) должно было быть **balculra**. Если **nu** – субъект, а не объект, согласование с ним в классе глагола не соответствует модели ЭК, если **quli** – объект, то почему он обрел форму эргатива, сохранив объектное значение и тем не менее не влияя на классное согласование глагола? Все это не может не натолкнуть на мысль о сомнительности квалификации **quli** как эргатива, и эта мысль подсказала М.-С.М. Мусаеву, что «возведение элемента *-ли* в форме инструменталиса к окончанию эргатива... не может быть принято, так как он по происхождению и по семантике представляет собой наречный суффикс, а не окончание эргатива»; «Возникновение инструменталиса в даргинском языке было вызвано тем, что выражавший вначале инструментальное значение эргатив впоследствии специализировался на передаче субъектных значений. Этот процесс еще не завершился, поэтому инструменталис находится пока на стадии становления» [10, с. 24].

Иное, чем у З.Г. Абдуллаева, представление об абсолютиве и эргативе, предложенное М.-С.М. Мусаевым [10, с. 11–12], позволяет расставить все акценты в нашем вопросе. В **Nu quli valculra** словоформа **quli** – инструменталис, действительно связанный своим происхождением и эволюцией с эргативом, но если форма на *-di* (*-ni*), используемая для образования эргатива одушевленных существительных, «характеризуется общей тенденцией к усилению субъектных и ослаблению инструментальных значений» [10, с. 12], то форма на **-li**, характерная для неодушевленных существительных, еще остается в сфере инструментальных значений, унаследованных от «старого локатива», который «характеризовался широким диапазоном значений, совмещая отдельные значения современных латива, эссива, аллатива и ряда других косвенных падежей»; «в процессе исторического развития одни формы СЛ (старого латива. – А.Х.) были реконструированы, став формами современных эргатива и генитива, другие формы адвербиализированы» [10, с. 14]. Поэтому не будет безосновательным утверждение, что за эргатив в функции объекта принята форма, выполняющая на самом деле функцию инструменталиса уже не в объектном, а в наречно-обстоятельном значении, близкая к чеченскому творительному на **-ca** и наречиям

типа **'ārienca** (**'ārah**), **hünaca** (**hünxah**) и т.д., и удобно, и правильно переводимые как наречия места: **Sultan tuōyica juol hoquš vu** «Султан низиной/в низменности сено кося есть/косит». В даргинском акушинском **Nu quli valculra** словоформа **quli** не объект в эргативе, а обстоятельство в инструменталисе, поэтому здесь и возможно согласование глагола-предиката с «абсолютивом» **nu**.

Возвращаясь к вопросу о многопадежности, необходимо отметить, что выделяемые во многих языках многопадежные системы, иногда включающие десятки форм, часто оказываются результатом неадекватной интерпретации наречно-обстоятельственных форм, полученных сращением с именной (субстантивной) основой послелогов или же образованных специальными локативными суффиксами, используемыми, как известно, и при образовании наречий с временными значениями. Другая крайность – невыделение в качестве самостоятельных падежей таких форм, которые имеют все признаки для этого. Начнем с разбора второй крайности.

В чеченском языке выделяют традиционно 8 падежей, а в рамках местного падежа – 7 его форм: 1-ый направительный (**suōōga**), локатив (**suōōgah**), 2-ой направительный (**суоьгахьā**), 1-ый исходный (**суоьгара**), 2-ой исходный (**суоьгахьāра**), транзитив (**суоьгахула**), транзитив (**суоьгахьāхула**). Если бы в чеченской (и в целом в нахской) грамматике была проведена граница между склонением существительных и образованием наречных форм (тех же семи «падежных», соотносимых с формами местного падежа), то, видимо, она выделила бы в чеченском языке 7 местных падежей, а не один местный с шестью производными формами. Эти формы могут квалифицироваться как падежные, если они принадлежат личным местоимениям и одушевленным существительным (личным и неличным), и как самостоятельные обстоятельственные формы-наречия, связанные отношениями словообразовательной производности, построенные на агглютинативном принципе словообразования, если принадлежат неодушевленным существительным и неличным местоимениям: **цига** «туда» – **цигāхь** «там» – **цигахьā** «туда; в направлении туда» – **цигахьāра** «оттуда; в направлении оттуда» и т.д. Вместе с тем попытки еще более значительного расширения этой системы кажутся малообоснованными. Речь идет, например, о «предельном падеже», включенном в систему склонения, по примеру ряда других авторов, А.Д. Тимаевым [11, с. 108–109]. В одной из своих основных работ по нахским языкам Ю.Д. Дешериев также выделяет

предельный падеж, но падежная квалификация форм на *-са/-с* у него ограничена одним языком – бацбийским, в котором, по его данным, можно выделить 22 падежа [3, с. 190].

Ю.Д. Дешериев справедливо оценивает формы типа чеч. **логгиец** «до горла/по горло», **а́ланза** «неска́занное» как следы соответственно предельного и лишительного падежей общенахского языка, которые в современных чеченском и ингушском языках перешли в сферу наречий, а в бацбийском сохранились как элементы падежного словоизменения. Тем не менее стремление дополнить список падежей чеченского языка лишительным и особенно предельным «падежами» не преодолено (см. [12, с. 70]). В бацбийском лишительный и предельный падежи, видимо, действительно являются элементами склонения имен существительных, но аналогичные формы, образуемые здесь, кстати, не от любой именной основы, в чеченском и ингушском, – наречия с соответствующими обстоятельственными значениями.

Как видим, в целом многопадежность – характерная черта нахских языков, хотя, как от-

мечалось, само количество падежей еще не является типобразующим признаком. Тем не менее сам факт предпочтения сложной системы падежей при сравнительной (с индоевропейскими и другими языками) ограниченности предложно-последельного выражения объектных и обстоятельственных значений характеризует иберийско-кавказские языки как своеобразный морфологический тип, в котором многозначность падежей сведена до минимума и основные падежи функционально и семантически более определены, чем в индоевропейских, семитских, финно-угорских, тюркских языках. При этом большинство иберийско-кавказских языков характеризуется общностью такой черты словоизменения на основе падежей, которая применительно к дагестанским языкам подчеркнута В.И. Кикилашвили: «Система склонения состоит из двух групп падежей – основных и локативных» [13, с. 137]. К существенным чертам падежного словоизменения в многопадежных иберийско-кавказских языках, в том числе и нахских, относится, безусловно, его агглютинативный по преимуществу характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика. (Грамматика Пор-Рояля) / Перев. с франц. Ю.С. Маслова, Е.Д. Панфилова, М.В. Гординой. Л., 1981.
2. Алпатов В.М. Падежное варьирование в современном японском литературном языке. В кн.: Языки мира: проблемы языковой вариативности. М., 1990.
3. Дешериев Ю.Д. Нахские языки. В кн.: Языки Азии и Африки. М., 1979.
4. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
5. Суник О.П. К вопросу о «неноминативном» строе предложения. В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
6. Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского литературного языка. Тбилиси, 1948.
7. Климов Г.А. К эргативной конструкции предложения в занском языке. В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
8. Халидов А.И. Общее и типическое в структуре и семантике чеченского простого предложения. АДД, Тбилиси, 1999.
9. Абдуллаев З.Г. Проблемы эргативности даргинского языка. М., 1986.
10. Мусаев М.-С.М. История словоизменительных категорий даргинского языка. АДД, М., 1989.
11. Тимаев А.Д. Хинцалера нохчийн мотт. Грозный, 1971.
12. Джамалханов З.Д., Мачигов М.Ю. Нохчийн мотт. I-ра дакъа. Грозный, 1985.
13. Кикилашвили В.И. Падежная система будухского, крызского, хиналугского языков. ЕИКЯ, XI, Тбилиси, 1984.

РАЗНОВИДНОСТИ ЭРГАТИВНОЙ И НОМИНАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ ПО ПРИЗНАКУ ПЕРЕХОДНОСТИ

© А.И. ХАЛИДОВ¹, Х.С. АРСАКАЕВА²

¹ Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

² Чеченский государственный университет, г. Грозный

В статье ставится вопрос о правомерности выделения двух разновидностей эргативной конструкции – наряду с переходной и непереходной эргативной конструкции. Устанавливается связь между переходностью//непереходностью и эргативностью, рассматриваются разные варианты построения переходных (эргативных) конструкций предложения, допускающие отсутствие морфологически оформленного прямого дополнения, которое может быть заменено компенсаторами. Делается вывод о наличии скрытых, неочевидных признаков переходности даже в бацбийской «непереходной» эргативной конструкции, а отсюда – необходимости постулирования концепции исключительной переходности эргативной конструкции предложения.

Ключевые слова: эргативная конструкция; номинативная конструкция; переходность//непереходность; переходность и каузатив; «непереходная» эргативная конструкция.

The article raises the question of the legality of distinguishing two types of ergative construction - along with transitive and intransitive ergative construction. A connection is established between the transitivity//intransitive and ergative, consider different variants of transition (ergative) offers designs that admit no morphologically issued a direct object, which can be replaced compensators. It is concluded that the presence of hidden, non-obvious signs of transition even in Bats 'intransitive' ergative construction, and hence – the need for postulating the concept of exceptional transitional ergative construction proposals.

Key words: ergative construction; nominative construction; transitivity//intransitive; transitive and causative; "Intransitive" ergative construction.

Наряду с разделением конструкций предложения иберийско-кавказских языков на эргативную и номинативную принята и классификация, в соответствии с которой переходная конструкция противопоставляется непереходной, причем имеется в виду, как правило, взаимно однозначное соответствие понятий «переходность» – «эргативность», «непереходность» – «номинативность». В большинстве иберийско-кавказских языков это отождествление справедливо по крайней мере относительно эргативно построенных предложений, а в отдельных языках – и номинативно построенных. Но при этом нельзя не брать во внимание то обстоятельство, что в принципе эргативность, например, не обязательно предполагает и требует употребления только переходного глагола, точно так же как номинативное построение предложения не обязательно ограничено непереходными глаголами. Ю.Д. Дешериев, выделяя в бацбийском языке непереходные эргативно построенные предложения, развившиеся на базе номинативных, подчеркивал, что «в этом отношении бацбийский язык занимает особое место среди языков Кавказа» [1, с. 224] и «подобное явление не установлено ни в одном из языков

Кавказа» (там же), хотя явилось оно результатом влияния грузинского языка: лично-классное спряжение, развившееся в бацбийском, по аналогии с грузинским полиперсональным глаголом [2], распространилось и на одноличные непереходные глаголы, хотя в самом грузинском непереходные одноличные глаголы формируют только номинативную конструкцию [см.: 3].

Вместе с тем переходность грузинских одноличных глаголов все еще является предметом научных споров. Традиция, восходящая к А. Шанидзе, считает решающим условием для определения переходности грузинского глагола наличие прямого объекта в именительном падеже видимо, потому что «префикс переходности» а- оказался ненадежным опознавательным знаком, встречаясь в непереходных глаголах и отсутствуя в некоторых переходных [4, с. 11–15]. Затем этот критерий был пересмотрен в связи с тем, что прямой объект в предложениях с переходным глаголом не всегда выражен [5, с. 10]. Решающим условием для переходности была названа изменяемость субъекта, что позволяло признать переходными и биперсональные глаголы, сочетающиеся с эргативом даже при отсутствии ближайшего объекта

(Л. Гегучадзе и др.). Однако, как отмечает Ш.Т. Апридонидзе, есть и построенные по образцу переходных эргативные конструкции с явными нарушениями морфологических норм. Это предложения с биперсональными глаголами, у которых объект может быть выражен и «прямо» (в имен. пад.), и косвенно (в дат. пад.); кроме того, трехличные глаголы, два объектных актанта которых требуют оформления одного из них в дательном падеже безусловно и второго тоже в дательном по сложившейся норме, могут образовывать параллельные конструкции с актантами «прямой объект – им. п.», «косв. объект – дат. п.». Такие построения предложения Ш.Т. Апридонидзе называет псевдоэргативными [6].

Видимо, о переходности глагола в таких эргативных конструкциях нельзя говорить уверенно, хотя нарушение морфосинтаксических норм очевидное. Скорее всего, это аналогии чеч. *b'ärg tuḃḃa, oba jaqqa* «глаз ударить // взглянуть», «поцелуй снять // поцеловать». Учитывая потенциальную (а в отдельных языках реализованную) раздвоенность ЭК и НК по признаку переходности/непереходности, терминологически правильно будет говорить не о *конструкциях* предложения, поскольку это понятие уже применено и вошло в традицию по отношению к эргативной и номинативной конструкциям, а о *разновидностях* – переходной и непереходной – этих двух форм предложения в иберийско-кавказских (и не только иберийско-кавказских) языках.

Говоря о переходности/непереходности предложения и формирующего его глагола в иберийско-кавказских языках, необходимо определиться и в отношении того, о какой переходности идет речь и по каким признакам мы относим глаголы к переходным и непереходным.

В языкознании транзитивным (переходным) называют «всякий глагол, принимающий прямое дополнение, который рассматривался античными грамматиками как содержащий переход (греч. *meta-batikos*, лат. *transitivus*) от субъекта к объекту, не опосредствованный предлогом: *dire* «говорить» (*quelque* «что-то») в противоположность *parler* «говорить» (*à quelque'un* «кому-то»). Глагол, именуемый транзитивным, может употребляться непереходно: *J'ai dit* «Я сказал» [7, с. 206–207]. Если исходить из такого понимания переходности (наличия или отсутствия прямого дополнения), глагол в чеченском языке и в большинстве иберийско-кавказских языков придется признать *лабильно переходным*, как и в целом конструкции предложения, создаваемые при его участии. Но в этом случае, на первый взгляд, не

подтверждается представляющийся абсолютно верным тезис А.С. Чикобава о том, что «ныне абсолютное большинство переходных глаголов являются стабильно переходными» [4, с. 16]. Стабильная переходность – это не обязательно наличие «прямого дополнения» в форме абсолютива имени или местоимения, это может быть и ориентированность глагольного действия на «ближайший объект» в широком смысле – и на тот, который эксплицирован иначе (ср. чеч. *As sadä'ira* «Я отдохнул» // душу освободил; переносн. от *da'a* «выхолостить»), или не эксплицирован вообще в виде существительного или местоимения в объектном значении. Но и в последнем случае переходность глагола не «нулевая», поскольку его действие переходит на «ближайший объект» в виде оборота или придаточного предложения, или другого предложения в составе сложного: *As xəttira cünga: «ḥo naca vöyur vu txuöḡa?»* – «Я спросил его: «Ты когда придешь/придешь к нам?»».

Нет необходимости доказывать, что не всякий глагол в чеченском или каком-либо другом языке может быть переходным, более того, не у всякого переходного глагола свойство переходности должно быть обязательно реализовано в *предложении*. Тем не менее, такое понимание переходности подсказывают подходы к нему в общей и русской грамматике. Если рассматривать переходность на лексико-синтаксическом уровне, то, как отмечает Ю.Д. Апресян, прямая связь переходности с семантикой глагола должна была исключить факты расхождений в составе переходных глаголов разных языков, но известно, что это не так [8, с. 12]. Если решать проблему на синтаксическом уровне, предполагая наличие прямого дополнения, такому представлению о синтагматическом окружении глагола переходного противоречит так называемое абсолютное употребление переходных глаголов – без выраженного прямого дополнения: *Мальчик читает* [9, с. 21]. Именно абсолютное употребление переходных глаголов делает переходность явлением стабильным. В русском языке «в абсолютном употреблении переходный глагол часто сопровождают другие распространители, например, зависимые от него словоформы косвенно-объектного значения типа *понимать в искусстве, напоминать о политике, объяснить про любовь*» [9, с. 23]. Не исключает она и другие распространители переходности [9, с. 21].

И.П. Распопов, по-видимому, придерживался такого же мнения, выделяя субстантивные (*пьет чай*), инфинитивные (*приказал сделать*), атрибутивные (*говорит красиво*) дополнения в при-

глагольной позиции [10, с. 61–64]. Кстати, такое понимание переходности подсказывают подходы к ней в общей и русской грамматике. В связи с этим представляет интерес классификация лексико-грамматических разрядов глаголов по этому признаку в русской грамматике.

Переходные глаголы дифференцируются по признаку характера, степени и последствий воздействия на объект: а) переходные глаголы, обозначающие активное воздействие на объект; это может быть объект создаваемый (**строить** дом, **писать** книгу, **сочинять** музыку) и объект уничтожаемый (**сжечь** письмо, **разрушить** дом, **взорвать** скалу); б) глаголы со значением направленного на объект действия, не производящего в самом этом объекте никаких изменений: **читать** книгу, **хвалить** ученика, **благодарить** друга; в) глаголы чувственного восприятия: **слушать** музыку, **чувствовать** боль; г) глаголы отношения: **любить** человека, **ненавидеть** врага.

Непереходные глаголы разбиты на группы со значением а) физического (**болеть**, **спать**) и психического (**грустить**, **радоваться**) состояния, б) движения (**идти**, **плыть**, **бежать**), в) существования (**жить**, **быть**, **существовать**), г) положения в пространстве (**стоять**, **сидеть**, **лежать**), д) выявления и становления признака (**белеть**, **краснеть**, **расти**, **таять**, **сохнуть**), е) профессионального или непрофессионального состояния (**слесарничать**, **кашеварить**), ж) выявления способности, свойства (**лентяйничать**), з) умения (**говорить по-французски**) [11, с. 6].

Нельзя ожидать полного соответствия этой системе переходных и непереходных глаголов чеченского языка. Даже в самом русском языке «группировка глагольных лексем по семантическим сферам не отражает семиологических свойств этих словесных знаков, так как она производится на основе прямого номинативного значения: не раскрывается характер смысловой структуры, потенциал и границы семантического распространения слова» [12, с. 128]. Наверное, справедливость этого утверждения косвенно подтверждает и соответствие некоторым русским непереходным глаголам переходных в чеченском языке, ср.: **говорить** и **bijca (prancūzijⁿ muott bijca** «говорить по-французски//французский язык говорить»), **спать** и **nab jaⁿ** («формальная» переходность – «делать сон»), **плыть** – **nēka daⁿ** «плыть//плавание делать». Эти различия связаны, видимо, не с тем, что в русском языке глагол **спать** имеет другое значение, не соответствующее чеченскому **nab jaⁿ** (лексически эти глаголы разнозначны), а с тем, что подобное представле-

ние действия не исключено и в русском языке, но здесь глагол в своей валентности более свободен, чем в чеченском. В чеченском языке, в котором категория переходности играет, бесспорно, более важную роль, чем в русском, любое проявление даже потенциальной переходности в глаголе обычно получает структурное оформление. В глаголе, субъектом которого является эргатив, это становится почти необходимостью, «структурная обязательность компонентов конструкции предопределяется необходимостью их совместного употребления» [13, с. 106]. В принципе в чеченских глаголах с признаками «формальной переходности» типа **nab jaⁿ**, **buoix baⁿ**, **qamēl daⁿ** реальных отношений действия и объекта действия нет: в **As buoix buo** «Я работаю» объект «формальный», его присутствие обусловлено стабильной переходностью глагола в эргативной конструкции. Это свойство стабильной переходности сохраняется и в неэргативном предложении: **So buoix bieš vu** «Я работу делаю//работая есть».

Самым простым было бы различать переходные и непереходные глаголы так, как предлагал Ж. Вандриес: «Поскольку понятие о переходном глаголе предполагает дополнение, можно было бы назвать переходным всякий глагол, действие которого имеет объект, выраженный во фразе, и непереходным, напротив, всякий глагол, употребленный без дополнения» [14, с. 106]. В таком случае не пришлось бы искать какие-то иные признаки переходности и не было бы необходимости выяснять семантические группы переходных или непереходных глаголов. С другой стороны, один и тот же глагол мог бы в одном предложении рассматриваться как переходный, в другом – как непереходный: **Он слушал** (неперех.) – **Он слушал музыку** (переходный). Предложенный Ж. Вандриесом критерий разграничения переходных и непереходных глаголов применим к таким глаголам и структурам предложения, в которых переходность глагола непременно выражена употреблением прямого дополнения, но таких языков, наверное, не существует. Несмотря на возможность транзитивного и интранзитивного употребления некоторых глаголов, во всех языках, глаголу которых свойственна грамматическая переходность, переходный или непереходный характер глагола может быть установлен и вне контекста – по значению глагола, а иногда – по форме (в языках, в которых переходность получает морфологическое – аффиксальное – выражение в структуре глагола). Это не значит, конечно, что такая классификация стопроцентно адекватна ре-

альному употреблению. В русск. **играть в шашки** и **играть пьесу**, немецк. **Das Wasser kochen** и **Das Wasser kocht**, по наблюдениям В.А. Богородицкого, отражен случай лабильной переходности [15, с. 165], но в данном случае еще можно говорить о разных глаголах, а относительно **воевать** (*воевати Болгарску землю*), **пировать** (*пир пировать*), **думать** (*думу думати*) и др. о несходстве лексических значений говорить не приходится.

Трудности с разграничением переходных и непереходных глаголов и соответствующих построений предложения связаны, в числе других причин, с тем, что переходность неморфологична: это свойство глагола, в значительной степени обусловленное его лексическим значением, выявляется и реализуется в предложении, не получая при этом морфологического выражения. Конечно, это не значит, что в структуре самого глагола не может быть элементов, указывающих на свойство его действия быть переходящим на ближайший объект. В чеченских переходных глаголах, образуемых вспомогательным глаголом **daⁿ** «делать», наличие этого элемента в сочетании с именной основой (**kʔajdaⁿ** «сделать белым») является достаточным основанием для отнесения их к разряду переходных. Суффиксированный глагол **daⁿ** переводит в разряд переходных и мотивирующие непереходные глаголы, причем «в отдельных случаях суффикс **-da** заменяется суффиксом **-yo**, наличествующим только в чеченском» [16, с. 144]. Вместе с тем это признак только одного семантического класса переходных глаголов. Кроме отыменных – отадъективных – и отглагольных переходных глаголов на **daⁿ**, в чеченском языке выделяются также каузативы на **-ijta**, имеющие соответствия и в других иберийско-кавказских языках. Каузативы М.А. Кумахов считает необходимым разделить на собственно каузатив и фактитив [17, с. 152, 157] В чеченском языке такое деление морфологически не обозначено: различать собственно каузатив и фактитив можно только в контексте, конситуативно. Глаголы на **-ijta** в одном употреблении могут иметь понудительное значение (*Qāna ḥajⁿ kʔant vaxijta cäärga* «Завтра своего сына пошли/заставь пойти/отправь к ним»), в другом – «разрешительное», «позволительное», «допустительное» значение (*Cunna ištta luuṣ xilča, vaxijta iza diēša* «Ему так сильно хочется если, пусти его/разреши ему пойти его учиться»). Может быть, есть смысл для большей терминологической определенности каузатив представлять в виде двух групп – коактива (от лат. *coactum* «заставлять, принуждать») и юссива (от англ. *jussive*, гр. ф. *jussif*, нем. *Jussiv*

– глагольная форма с модальным значением допущения). Замечание Р.Р. Гагуа, считающей, что «в роли каузатива может выступать и вспомогательный глагол **d-ar (d-o)** «**делать**», если он присоединяется к основе переходного глагола» [17, с. 201], типа бацб. *mal-d-a-g* «дать выпить», не лишено основания, поскольку транзитивирующую функцию вспомогательный глагол-суффикс здесь явно не выполняет: здесь вспомогательный глагол по всем признакам выполняет словообразовательную роль в том смысле, в каком об этом говорит В.Б. Касевич [19, с. 217], и в этом смысле можно говорить о каузативации. Тем не менее грамматическая традиция такие глаголы к каузативу не относит.

Таким образом, даже с учетом каузатива мы не имеем достаточного основания говорить о морфологическом проявлении переходности в чеченском языке.

Отсутствие морфологических показателей переходности является общим свойством глагола всех иберийско-кавказских языков в целом. А.С. Чикобава в этой связи подчеркивал, что «переходность ныне не обозначается в глаголе при помощи аффиксов; не обозначалась она морфологически и в древнегрузинском языке» [4, с. 11]. Правда, он допускал возможность, что «исторически переходность глагола выражалась в глаголе при помощи аффикса, т.е. морфологически» (там же), но возражал А. Деетерсу, считавшему, что префикс **-a** в грузинском языке является показателем переходности глагола, и приводил при этом убедительные примеры отсутствия этого префикса **-a** в переходных глаголах и наличия его в глаголах непереходных [4, с. 12].

Тем не менее переходность – важнейшее свойство глаголов во всех иберийско-кавказских языках: «Деление глаголов на переходные и непереходные для всех иберийско-кавказских языков, в том числе и для грузинского, является фундаментальным» [4, с. 15] а само разграничение проводится по синтаксическому признаку (там же).

Вместе с тем А.С. Чикобава неоднократно подчеркивал, что такое фундаментальное деление глаголов на переходные и непереходные исключает лабильность переходности глагола. Иногда это положение истолковывается неверно как утверждение о том, что ближайший объект в им. пад. обязательно должен быть выражен при переходном глаголе, тем более что А.С. Чикобава также отмечал, что «переходные глаголы не могут быть одноличными: кроме субъекта в них представлен объект» [20, с. 9]. Однако категоричен в этом вопросе А.С. Чикобава был в отношении номинативной конструкции переходного глагола [4,

с. 13], неупотребление в которой объекта невозможно из-за «неоформленности» самой субъектной словоформы – именительного падежа. Речь идет не только о том, что «в грузинском языке ближайший объект (RO) в именительном падеже характерен для переходных глаголов не во всех временах I и II серий...» и во временах I серии (наст. вр.) для него характерна номинативная конструкция переходного глагола с дательным объекта [4, с. 23], но и в важном для понимания его позиции уточнении, что для стабильно переходных глаголов «наличие в данном контексте ближайшего объекта необязательно» [4, с. 16].

Стабильность переходности обеспечивается и таким свойством значения переходного глагола, как его *комплетивность* – необходимость смыслового восполнения в той или иной форме выраженным «ближайшим объектом», если не словом, то хотя бы последующей частью предложения – придаточным, или (при глаголах речи) прямой речью, или оборотом. Ср. такие примеры:

1) **Das suöögä i sannarg qīⁿ cqā a daḥ megar dac 'ēlira** «Отец мне такое больше никогда сделаешь если нельзя будет сказал» (предикативный оборот в объектном значении); с нераспространенным предикативным оборотом: **Vašiqā ma ālalaḥ šied jajna** «Ваши не говори кнут потерялся».

2) **Baqjičū nāxa i jaqqa olura** «Старые люди (старика) ее вводите (танцевать) говорили» (предикативный оборот с глаголом повелительного наклонения **jaqqa** и объектом **i**);

3) **Šhadijca, huⁿ du i, haj güržijⁿ džima k?ant** «Расскажи, что это есть, эй, грузинский молодой парень» – «вопросительное объектное придаточное» с вопросительным местоимением, в терминологии Я.У. Эсхаджиева (здесь нет возможности вступать в полемику относительно структуры таких и подобных им предложений, к которым не всегда обоснованно применяется термин «сложноподчиненное предложение» (об этом мы попытались высказаться в одной из своих работ, посвященных осложнению структуры простого предложения: [21]). Для нас важно, что у Я.У. Эсхаджиева приведены практически все случаи выражения объектного и субъектного значений различными оборотами в переходных и непереходных предложениях [22, с. 110–127];

4) **As xəttira: Xāni jōyij ḥuööca?** «Я спросил: «Хани идет с тобой?»» (ближайшим объектом глагола является предложение – «прямая речь»);

5) **As cūnga dijcira, so quza mūxa qāčna** «Я ему рассказал, я сюда как прибыл // как оказался» (придат. изъяснит. в роли «ближайшего объекта»); в принципе обеспечение стабильной

переходности таким способом характерно и для других, в том числе иноструктурных, языков. В первых академических грамматиках русского языка этот способ выделялся (правда, без акцента на признаке переходности). АГ-54, например, выделяет «сложные предложения с придаточными дополнительными» (сейчас называют изъяснительными), которые «близки по своей функции к дополнениям в простом предложении» и связываются с главным членом союзами *что, чтобы, будто, как* и т.д., служат для пояснения глаголов типа *говорить, объяснять, заявлять, обещать, сообщать* и т.д. [23, с. 279–294] О сложноподчиненных предложениях с «комплетивным» глаголом писали и позже (см.: [24, с. 62–69]);

б) характерное для некоторых языков, не только для русского, но и, например, для испанского (см.: [25, с. 173]), инфинитивное дополнение в чеченском языке также получило распространение: **Dās d'aqalxa magijra sūna** «Отец переселиться разрешил//позволил//сделал разрешенным мне»; управляющих таким объектным инфинитивом глаголов немного – это **magadaⁿ, sacadaⁿ, diexkaⁿ** и некоторые другие «разрешительные» и «запретительные» глаголы.

Видимо, в связи с таким свойством глаголов – необходимостью их смыслового восполнения в той или иной форме, а в нашем случае – дополнениями или их «заменителями», Г.А. Золотова различает глаголы *полнозначительные* и *неполнозначительные*. К глаголам второй группы относятся так называемые компенсаторы – «они не выполняют самостоятельной функции в предложении» и «участвуют в транспозиции средства прямой номинации в средство косвенной номинации, компенсируя недостающий категориально-синтаксический элемент значения» [26, с. 153]. В предложениях **Здесь ведут, Я срываю, Он подтвердил** не будет реального содержания, пока мы не дополним их: **Здесь ведут разведку месторождения; Я срываю цветок; Он подтвердил, что придет завтра**. Глаголы-компенсаторы нуждаются не только в прямых дополнениях и «придаточных дополнительных», семантика одних из них связана с необходимостью восполнения косвенными дополнениями (ср.: **Аппаратура отличается надежностью**) или обстоятельствами (**Такси стоит у подъезда; Он хочет домой**). К компенсаторам относятся и глаголы непереходные – без субъекта-подлежащего они тоже неполнозначительны: ср. **Находиться в саду – Кафе находится в саду**. Уместность аналогии с русским глаголом показывают также примеры с неполнозначительными глаголами чеченского языка: **As duo** «Я делаю» – **As buolx buo** «Я

работаю//работу делаю»; **Jiřas tũjxira** «Сестра ударила» – **Jiřas muott tũjxira** «Сестра донесла// язык ударила»; **As dijcira** «Я рассказал» – **As dijcira, so hunda ca vieana** «Я рассказал, почему я не пришел».

Хотя переходность в чеченском языке, как и в большинстве других, является категорией неморфологической и она не имеет аффиксального выражения, разграничение переходных и непереходных глаголов по формально-согласовательным связям возможно. В двух- или более актантах предложении признаком переходности может служить согласование глагола не с субъектом, а с объектом. Согласование с субъектом должно было бы означать непереходность глагола, если бы не номинативные переходные конструкции предложения, в которых один компонент составного сказуемого согласуется с подлежащим-субъектом: **So kięxat jazdaⁿ vullu** «Я письмо писать собираюсь» (**so vullu**), второй – зависимый в составном сказуемом – с объектом (**kięxat jazdaⁿ**). Наличие в составном сказуемом глагольного компонента, который согласуется с объектом, является признаком переходности конструкции. В целом, несмотря на то, что один компонент в его составе согласуется с субъектом, номинативное предложение с составным или сложным глагольным сказуемым относится к переходной разновидности предложения. Непереходность – свойство предложений с «простым» глагольным сказуемым.

Таким образом, ЭК и НК в чеченском языке представлены:

1) *переходной эргативной конструкцией* предложения со стабильно переходным глаголом, ближайший объект которого обычно выражен именительным падежом существительного, местоимения или субстантивированной словоформой иной частеречной принадлежности, но может быть выражен (скорее: заменен) и другими средствами;

2) *переходной номинативной конструкцией* с двунаправленной формальной (классно-согласовательной) связью составного или сложного глагольного сказуемого, «именного» составного сказуемого с доминирующими деепричастными, причастными, наречно-обстоятельными формами;

3) *непереходной номинативной конструкцией* предложения с простым глагольным сказуемым.

Из этой системы выпадает один из нахских языков – бацбийский, в котором, если принять сложившееся об этом представление, активно развивается четвертая – *непереходная эргативная* конструкция, формируемая по преимуществу динамическими глаголами и в большинстве

случаев употребляемая параллельно с номинативной. Причем характерно, что эргативное построение предложений с непереходным глаголом, вызванное классно-личным спряжением глагола, распространяется только на предложения с глаголами, имеющими суффиксальный личный показатель: **So matte viřu-so** → **As matte viř-as** «Я в постели лежу»; **Bo matte viřu-ļo** → **Aļ matte viř-aļ** «Ты в постели лежишь»: но: **O matte viřu** (номинат.). Развитие эргативной непереходной конструкции предложения, часто на базе преобразуемых в эргативные номинативных структур предложения, привело к тому, что «в синтаксисе бацбийского языка номинативная конструкция занимает весьма скромное место по сравнению с эргативной» [27, с. 210].

Признание непереходности бацбийских конструкций типа **As vāyos** приводит к выделению четвертой разновидности предложений по признаку переходности/непереходности – эргативной непереходной. Впрочем, есть и мнение, что «вопрос о происхождении эргативной конструкции непереходного глагола в бацбийском языке и о ее отсутствии в чеченском и ингушском остается нерешенным» [28, с. 59]: фактов устойчивого и регулярного употребления эргатива в непереходных конструкциях или номинатива (субъектного) в предложениях с финитным простым сказуемым – переходным глаголом в чеченском и ингушском языках нет, но тенденция к такому развитию, которую имеет в виду Ю.Д. Дешериев, по его свидетельству и по утверждениям некоторых других авторов, подтверждается данными диалектов. В то же время сама предполагаемая возможность реальной непереходности эргативной конструкции нам представляется, во всяком случае, пока еще спорной. В ряде своих работ [29–31 и др.] мы уже приводили достаточно убедительные доводы в пользу того, что в так называемой непереходной эргативной конструкции бацбийского языка с его «классно-личным» глаголом в скрытой, неочевидной форме выражена переходность, на которую указывают личные аффиксы в структуре глаголов, называющих не просто совершаемые субъектом действия, а действия, которые им совершаются с некоторыми усилиями над собой: **As vāyos** «Я иду», **As matte viř-as** «Я сплю» «Я воду лью» не равнозначны параллельным номинативным непереходным конструкциям и семантико-синтаксически ближе к обычным переходным эргативным конструкциям типа **As xi dettos** «Я воду лью/наливаю» (**As vāyos**, напр., означает не просто «Я иду», но «Я веду себя (принуждаю себя или настраиваю себя на это действие)»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дешериев Ю.Д.* Бацбийский язык. М.-Л., 1953. 394 с.
2. *Чрелашивили К.З.* Хронологические типы спряжения глаголов бацбийского языка и вопрос «полиперсонализма» в плане структурно-типологического сопоставления с грузинским полиперсональным глаголом. ЕИКЯ, IX. Тбилиси, 1982. С. 120–138.
3. *Чикобава А.С.* Грузинский язык. ЕИКЯ, XI. Тбилиси, 1984. С. 8–36.
4. *Чикобава А.С.* К вопросу о переходности глагола, как морфологической категории в грузинском языке. ЕИКЯ, IV. Тбилиси, 1977. С. 9–21.
5. *Чикобава А.С.* Об историческом взаимоотношении переходности глагола и категории залога в картвельских языках. ЕИКЯ, VIII. Тбилиси, 1981. С. 9–15.
6. *Апридонидзе Ш.Т.* Вопросы морфосинтаксиса непереходных глаголов, образующих эргативную и псевдоэргативную конструкции // Материалы Международного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения А.С.Чикобава. Тбилиси, 1998 (на груз. яз). С. 14–16.
7. *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1980. 436 с.
8. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., «Наука», 1967. 256 с.
9. *Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М., «Высшая школа», 1990. 168 с.
10. *Распопов И.П.* Строение простого предложения в современном русском языке. М., «Просвещение», 1970. 190 с.
11. *Кильдибекова Т.А.* Структура поля глаголов действия. Уфа, 1983. 75 с.
12. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М.: «Наука», 1974. 208 с.
13. *Газизова Р.Ф.* Лексико-грамматическая сочетаемость частей речи. В кн.: Семантика и структура предложения. Уфа, 1978. С. 28–36.
14. *Вандриес Ж.* Язык. М.-Л.: Соцэкгиз, 1937. 235 с.
15. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. М.: Соцэкгиз, 1935. 156 с.
16. *Чокаев К.З.* Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи. Часть II. Грозный, 1970. 152 с.
17. *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. I. Нальчик, 1964. 272 с.
18. *Гагау Р.Р.* Основные вопросы морфологии бацбийского глагола. I. **Каузатив.** ЕИКЯ, XIV. Тбилиси, 1987. С. 198–203.
19. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: «Наука», 1988. 309 с.
20. *Чикобава А.С.* К генезису личного спряжения в грузинском языке. ЕИКЯ, III. Тбилиси, 1976. С. 9–34.
21. *Халидов Айса.* Цьхалхечу предложенин чолхейлар // Ж. «Орга». 1992. № 3. Грозный, 1992. С. 140–143.
22. *Эсхаджиев Я.У.* Способы выражения сложноподчиненного предложения в чеченском литературном языке // Известия ЧИНИИИЯЛ, т. IX, вып. 2, «Языкознание». Грозный, 1970. С. 101–154.
23. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Часть вторая. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
24. *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. М., «Просвещение», 1977. 192 с.
25. *Васильева-Шведе О.И., Степанов Г.В.* Теоретическая грамматика испанского языка: Синтаксис предложения. М.: «Высшая школа», 1981. 320 с.
26. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: «Наука», 1982. 368 с.
27. *Чрелашивили К.З.* Синтаксические конструкции предложений в бацбийском языке // ЕИКЯ, XIV. Тбилиси, 1987. С. 204–211.
28. *Дешериев Ю.Д.* Основные особенности эргативной конструкции предложения в нахских языках. В кн.: Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 46–59.
29. *Халидов А.И.* Номинативность и эргативность // Труды Грозненского государственного нефтяного института. Вып. 3. Грозный, 2003. С. 335–343.
30. *Халидов А.И.* Об эргативной конструкции предложения в нахских языках // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2. 2006. С. 107–116.
31. *Халидов А.И.* «Непереходная эргативная конструкция» в бацбийском (цова-тушинском) языке. // Материалы Международной языковедческой конференции «Эргатив и эргативная конструкция в языках мира» (г. Тбилиси, 21-23 мая 2009 г.). Тбилиси, Институт языкознания АН Грузии, Институт языковедения Тбилисского ГУ, 2009. С. 26–29.

УДК 581.555

ИЗУЧЕНИЕ ПРИРОДНЫХ И АНТРОПОГЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ЛАНДШАФТНО-ИНДИКАЦИОННЫМИ МЕТОДАМИ

© Ф.Д. АЛАХВЕРДИЕВ¹, А.А. АБУМУСЛИМОВ², И.А. АБУМУСЛИМОВА²

¹ Чеченский государственный университет, г. Грозный

² Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

В статье речь идёт об эффективности и полезности индикационной интерпретации морфологической структуры ландшафтов разных географических территорий в целях оценки и прогнозирования их эволюции.

Ключевые слова: индикатор, ландшафтно-индикационные методы, дешифрирование, природные и антропогенные процессы, эколого-генетический ряд.

This article discusses about the effectiveness and usefulness of indicator's interpretation of the morphological structure of the landscape of different geographical areas in order to assess and predict their evolution.

Key words: indicator, landscape-indicator methods, interpretation of natural and anthropogenic processes, ecological and genetic series.

В настоящее время необходимой оказывается не только индикация состояния природных условий окружающей среды, но и индикационная оценка естественных и антропогенных процессов, происходящих в ней.

Цель настоящей статьи – показать эффективность ландшафтно-индикационных методов при исследовании природных и антропогенных процессов на изучаемых территориях и определить значимость комплексных индикаторов в целом.

Развитие ландшафтной индикации процессов во многом было подготовлено рядом работ, относящихся к разным наукам. Сюда следует отнести учение о сукцессиях и экологических рядах растительных сообществ в геоботанике, связанных с именами В.Н. Сукачева, В.В. Алехина, Б.А. Келлера, Л.Е. Родина, А.Г. Воронова в России и Ф. Клементса – за рубежом. В области почвоведения и учения о геохимии следует особенно отметить значение концепции миграционных потоков, разработанной Б.Б. Полюновым, М.А. Глазовской, Б.А. Ковдой и многими другими.

Большое значение для развития индикационного изучения процессов имели работы по динамике ландшафтов, осуществленные Н.А. Гвоздецким, А.Г. Исаченко, Н.А. Солнцевым и их многочисленными учениками. Для индикации процессов также была полезна динамическая интерпретация аэрофотоматериалов, нашедшая наи-

более полное выражение в работах Б.В. Виногорова, Е.А. Галкиной, В.П. Мирошниченко и других исследователей. В литературе подробно описывается эффективное применение ландшафтной индикации при инженерно-геологических и гидрогеологических изысканиях, а также поисках подземных вод и т. д.

Основным методом индикации природных и антропогенных процессов служит выявление и анализ ландшафтно-генетических рядов. Возникновение этого понятия связано с развитием некоторых представлений в геоботанике, где под влиянием трудов В.Н. Сукачева, Г.И. Дохман, А.Г. Воронова и других сложилось учение об эколого-генетических рядах растительных сообществ. В этих рядах растительные сообщества располагались в пространстве в той последовательности, в которой они сменяли друг друга во времени. Эти представления позже были использованы в индикационном ландшафтоведении и получили форму концепции ландшафтно-генетических рядов.

Аналогично сукцессионным рядам сообществ ландшафтно-генетические ряды определяются как пространственные ряды природно-территориальных комплексов (ПТК), которые сменяют друг друга в пространстве (поскольку они эволюционируют друг в друга по мере развития какого-либо процесса), т.е. это ряды, развернутые как во времени, так и в пространстве. Не-

которые исследователи называют такие ряды «сопряжёнными», оставляя термин «ландшафтно-генетический ряд» для обозначения любого ряда, где ПТК имеют какую-либо генетическую связь. Однако в нашей статье этот термин используется в своём первоначальном смысле.

Наиболее развернуто концепция ландшафтно-генетических рядов представлена в работах С.В. Викторова и А.Г. Чикишева [1]. Настоящее исследование строится на базе вышеуказанной концепции и ландшафтно-генетический ряд рассматривается одновременно как пространственный и как временной. Каждый ландшафтно-генетический ряд, распознанный нами на местности и на аэрофотосъёмках (АФС), состоит из внешне различных отрезков. Ими являются экотярусы (натуральный индикатор) различных ПТК, входящие в ряд: для крупномасштабных рядов это будут различные микроландшафты, для более мелкомасштабных – единицы более высокого ранга. По Викторovu С.В. и Чикишеву А.Г. эти отрезки называются чаще элементарными рядами и реже элементами ряда. Такое деление ряда на составляющие элементы позволяет изучать количественно структуру ряда. Для этого необходимо мерить их протяжённость, контрастность и т.д. Из всего этого и складываются простейшие приемы анализа ряда, интерпретация которых приводит к индикационным выводам о характере процесса, способствовавшего формированию данного ряда.

Викторов С.В. и Чикишев А.Г. к наиболее значительным чертам ряда относят: а) господство тех или иных компонентов в формировании внешнего облика ряда и отдельных его отрезков; б) число элементов, образующих ряд; в) характер сложения ряда, т.е. степень контрастности между отдельными отрезками ряда и резкость разделяющих их границ; г) размеры площадей, занимаемых различными членами ряда и протяжённость их отрезков на профилях, характеризующих территорию с господством данного ряда; д) повторяемость членов ряда на профиле; е) общее соотношение расположения площадей, занятых различными членами ряда, и наличие в этом расположении известной определенной ориентировки и структуры.

Различают фитофизиономические, орофизиономические и ряды с комплексной физиономичностью. К первым относят те, в которых эволюция ландшафта сказывается главным образом в сменах растительных сообществ при относительном постоянстве форм рельефа. Такие ряды возникают, например, на влажных лугах при

их постепенном обсыхании под влиянием естественного или антропогенного снижения уровня грунтовых вод. В слабовыраженных понижениях может сохраняться растительность, отражающая состояние луга до обсыхания, а на ровной поверхности луга в зависимости от локальных особенностей почв и подпочв будут наблюдаться сообщества, располагающиеся в некоторый ряд по степени влаголюбия и по отношению к условиям аэрации субстрата. Таким образом, роль рельефа во внешнем облике ряда невелика, а местами не ощущается совсем. Существуют примеры орофизиономических рядов, где физиономические смены касаются формы поверхности [2–3].

По нашим наблюдениям в большей части процессов рельеф и растительность эволюционируют совместно, обуславливая комплексную (орофитофизиономическую) морфологию ряда. Обычно отмечается существование особой группы рядов со сменной физиономичностью. Сюда Викторov С.В. и Чикишев А.Г. относят все те случаи, когда разные члены ряда обладают разной физиономичностью, т.е. в ходе процесса происходит смена компонентов, обуславливающих внешний облик ПТК, входящих в ряд. Примеры таких смен физиономичности многочисленны. Так, процесс зарастания песков на первых стадиях выражается лишь в рельефе; мы видим на местности и на АФС смену разных форм аккумуляции песка. По мере появления островков растительности ряд приобретает смешанную физиономичность; при этом в качестве индикаторов фигурируют как формы песчаных аккумуляций, так и группировки пионеров-песколобов. Наконец, на заросших песках процесс дальнейшего закрепления песка и почвообразования на нём обозначается только сменами растительных сообществ, т.е. процесс становится фитофизиономическим.

Можно привести и примеры процессов с обратной сменой стадий. Так, наблюдения Ж. Утепбергенова [4] над характером проявлений карстово-суффозионных процессов на АФС плато Устюрт показывают, что первоначально блюдца и воронки выщелачивания на поверхности плато почти не выражены в рельефе и заметны благодаря специфическим растительным сообществам (полынным, злаковым, кустарниковым), т.е. процесс имеет фитофизиономический характер. Чем интенсивнее развивается процесс, тем меньше физиономическая роль растительности, и на поздних стадиях, когда формируются карстовые провалы, процесс приобретает резко выраженные орофизиономические черты. Для дешифрования фитофизиономического процес-

са и процесса с комплексной физиономичностью требуется использовать АФС более крупного масштаба, для аэрофизиономических – более мелкие. Наиболее труден выбор масштаба при сменной физиономичности. Здесь следует выявлять масштаб аэрофотоматериалов в зависимости от того, какую из стадий процесса нам нужно изучить более детально.

Как показывают наблюдения, число элементов ряда может сильно изменяться. Представляя любой процесс как ряд постоянной эволюции природной среды, следует предположить, что каждой фазе или стадии процесса (т.е. каждой группе более или менее отчётливых изменений состояния этой среды) отвечает определенный физиономически обособленный отрезок, элемент ряда. Тогда ряды, построенные из большого числа элементов, будут отвечать процессам со сложным стадийным расчленением, а ряды с малым числом элементов – процессам с несложной стадийной структурой.

Для индикации процесса число элементов весьма важно, так как в сущности именно этим определяется число стадий, на которые мы можем разделить процесс, пользуясь индикационными методами. Это, конечно, не исключает возможности наблюдать процесс и делить его детально при помощи, например, точных стационарных наблюдений. Но эти работы уже лежат за пределами ландшафтной индикации, поскольку последняя может определять лишь то, что заметно во внешнем облике ландшафта на местности или на аэрофотоснимке.

Вероятно, целесообразна классификация процессов по числу слагающих их элементов, однако время для разработки такой классификации еще не пришло, т.к. ландшафтно-генетические ряды, отвечающие различным процессам, пока слабо изучены. Очень важны степень контрастности отрезков ряда и резкость их границ.

Большинство исследователей отмечает постепенность перехода между отрезками, входящими в ландшафтно-генетический ряд, и считают эту черту одним из признаков, позволяющих опознать ряд. Но степень постепенности перехода всё же различна. В некоторых случаях приходится встречаться и с присутствием отдельных резких границ между членами ряда. В настоящее время приняты следующие градации резкости границ элементов ряда: а) резкая граница, выраженная отчётливо заметной линией между соседними элементами ряда; б) островная граница – два соседних элемента ряда в области контакта распадаются на ряд фрагментов, распределенных

мозаично, однако каждый из них ограничен отчетливо; в) полосная граница – два соседних элемента ряда разделены более или менее широкой переходной полосой, отличающейся как от одного, так и от другого элемента и являющейся особым миниатюрным и самостоятельным элементом; г) размытая граница – два соседних элемента переходят друг в друга плавно и практически незаметно.

Итак, ландшафтно-генетический ряд – это ряд, развернутый во времени и пространстве. Поэтому можно экстраполировать пространственные соотношения в ряде на соотношения отрезков времени в процессе. Речь, конечно, идёт только о сравнительной приблизительной оценке длительности отдельных стадий процесса. Так, Е.А. Востокова [5] приводит пример такой интерпретации, возникшей вследствие усыхания озёрного бассейна в долине р. Амударья: на снимке можно различить древнюю границу озёрного бассейна, обозначаемую темным кольцом прибрежных зарослей тамариксов, обсохшее дно впадины и современное озеро, занимающее незначительную часть впадины. В зарослях, окаймляющих древнюю границу озёрного бассейна, можно различить характерную полосчатость, порожденную существованием ряда параллельных друг другу тамариковых зарослей. Таким образом, можно заключить, что озеро испытало первоначально несколько периодов усыхания, каждый из которых был настолько длителен, что в течение каждого из них могли сформироваться прибрежные тугайные заросли, а потом наступил период быстрого катастрофического усыхания, приведший озеро к его современному состоянию.

Наши наблюдения показывают, что неравномерная скорость процесса на разных его стадиях может вызвать разнообразные преобразования в соотношении длительности стадий и размера площадей того или иного члена ряда. Особенно это характерно для антропогенных процессов, где скорость на той или иной стадии развития контролируется человеком. Заметим, что комбинируя число элементов, контрастность их границ и их протяжённость на профиле, представляющим этот ряд, можно получить довольно детальную характеристику процесса: сочетание многих коротких, контрастных элементов создаёт представление об оживленно протекающем процессе с резкой сменой условий и быстрым темпом; комбинация малого количества элементов, имеющих большую протяжённость при размытых границах, характеризует плавный и замедленный процесс. Чередование подобных групп элементов

свойственно для скачкообразных процессов со сменами ускоренных и медленно текущих фаз.

Некоторые ряды характеризуются повторяемостью своих членов. Однако этим свойством обладают далеко не все ряды, а лишь те, для которых в той или иной мере свойственна ритмичность. Так, например, наблюдения над усыхающими водоёмами свидетельствуют о ритмичном повторении колец прибрежно-водной растительности, отмечающих фазы длительного состояния водоема на определенном уровне. Именно эти ряды позволяют судить об относительной частоте повторения ритмичных элементов, сравнительной длительности их промежутков. Но нам почти не приходилось встречать ряды, которые были бы ритмичны от начала до конца. Чаще всего ритмичность начинает проявляться в естественных условиях в каких-то фазах течения процесса, а потом затухает. И, конечно, ритмичность распространена в антропогенных процессах, где повторяемость задаётся человеком.

При дешифровании рядов очень важны структура и ориентированность в расположении элементов ряда. В большинстве случаев площадь, занятая каким-либо ландшафтно-генетическим рядом, обладает определённой правильностью, поскольку элементы в ней располагаются не случайно, а в какой-то мере ориентированно. Изучая данную проблему на эколого-генетических рядах растительных сообществ, Б.В. Виноградов [6] разработал морфогенетическую классификацию комплексов сообществ, согласно которой большинство комплексов полупустыни и северных пустынь представлены как результат реализации в пространстве некоторых эколого-генетических рядов растительных сообществ. Это даёт возможность картировать комплексы как индикаторы определенных процессов. К сожалению, эти воззрения не получили должной интерпретации и используются лишь в индикационно-геоботанических исследованиях. Хотя можно предположить, что возможна дальнейшая разработка данной классификации с позиций различных типов сочетаний физиономических элементов ландшафта, возникающих под влиянием процессов, протекающих в ландшафтной оболочке.

На наш взгляд, в современных индикационных исследованиях все настойчивее проявляется тенденция использовать для индикации процессов ряды не только частных индикаторов, но и комплексных, понимаемых в очень обобщенном масштабе. Так, в геологических, геохимических исследованиях ландшафта нередко применяются

в качестве индикаторов эктояруссы крупных ПТК. Такие индикаторы, полученные на основе анализа пространственных взаимосвязей элементов ландшафтной оболочки и проявляющиеся в пределах обширных территорий, дают более качественные сведения о свойствах ландшафта, чем частные индикаторы. По сравнению с частными индикаторами, которые характеризуют объект в одном конкретном месторасположении, данные индикаторы позволяют оценить ландшафт в целом, выявляют всю гамму пространственных взаимосвязей между его морфологией и ПТК, формируют детальную картину совокупности процессов обмена вещества и энергии, протекающих между морфологически разными элементами ландшафтной оболочки [7].

Использование элементов территориальной морфологической структуры в качестве индикаторов его свойств объясняется тем, что все специфические упорядоченные системы элементарных территориальных морфологических единиц (фации, урочища) состоят из комплекса взаимосвязанных компонентов ландшафта и формируются под воздействием определённых причин экзогенного или эндогенного характера. В качестве экзогенных причин выступает совокупность процессов перераспределения по рельефу количества тепла, влаги, химических элементов и т.д., а эндогенных причин – новейшие тектонические движения, литолого-стратиграфические свойства горных пород, гидротермальных вод, гидротермальные условия и другие. В целом, каждый эндогенный и экзогенный фактор формирует определённый факториальный ряд ПТК.

Таким образом, при исследовании как природных, так и антропогенных процессов на обширных территориях, рекомендуется использовать в качестве индикатора структуру ландшафта, внешним выражением которой является рисунок ландшафта. Под рисунком ландшафта понимается система взаимосвязанных контуров, получаемых при составлении ландшафтной карты или ландшафтного дешифрирования АФС или КФС [8], которое является одновременно и методом изучения, и методом исследования объектов, явлений и процессов на земной поверхности по их индикационным признакам. Различные морфологические особенности рисунка могут иметь свое индикационное значение, выявление которого является необходимым условием оценки ландшафта изучаемой территории для решения геоэкологических задач и для целей оптимизации природопользования. Уже выявлены типичные рисунки (на АФС) для многих процессов. Появление ано-

мальных элементов в структуре рисунка обычно связано со свойствами глубинных геологических объектов и характеризует природные условия на значительно большей глубине.

В последнее время появилось немало исследований, использующих индикационные методы и связанных с ландшафтно-индикационными свойствами трансформации снежного покрова и установлением их роли в лавинообразовании. Усилия ученых направлены на создание комплексного метода изучения снежного покрова на основе пространственного распределения его кристалло-морфологической структуры по основным видам ландшафтов как горных, так и равнинных территорий [9].

Анализ современных работ в области индикационного ландшафтоведения свидетельствует, что развитие индикационных методов дает возможность исследователю наблюдать в пространстве и времени различные стадии развития

структурных ячеек геосистем, формировать из них ландшафтно-генетические ряды и выполнять качественный, научно обоснованный прогноз направленности процессов, протекающих в них.

Итак, можно заключить, что исследователи, опираясь на принципы системного подхода к изучению ландшафтов и уже разработанные методические основы ландшафтно-индикационных исследований в пространстве и времени по многим направлениям, пытаются суммировать весь цикл индикационных исследований посредством обобщения универсальных формализованных принципов индикационной интерпретации морфологической структуры ландшафтов разных географических территорий в целях их оценки и прогнозирования их эволюции (т.е. от ландшафтного картирования до прогнозирования), что представляется перспективным и актуальным, особенно с развитием аэро- и космических наблюдений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Викторов С.В., Чикишев А.Г.* Ландшафтно-генетические ряды и их значение для индикации природных и антропогенных процессов // Труды МОИП. Т. 55. М., 1976. С. 27–33.
2. *Абумуслимов А.А.* Анализ эколого-генетических рядов для растительных сообществ для дефляции и эволюции пустынь Северо-Западного Прикаспия // Автореф. канд. дис. Махачкала, 2004. 24 с.
3. *Алахвердиев Ф.Д., Абумуслимов А.А.* Состояние и современная динамика песчаных ландшафтов Северо-Западного Прикаспия Грозный: АН ЧР, 2012. 243 с.
4. *Утепбергенов Ж.* Растительные индикаторы некоторых почвенных условий в бессточных впадинах Устюрта // Вестник Каракалпакского фил. АН Узб. ССР. №1. Нукус, 1982. С. 11–15.
5. *Востокова Е.А.* Использование геоботанических признаков при гидрогеологическом дешифрировании в аридных областях СССР // Вопросы индикационной геоботаники. М., 1960. С. 70–79.
6. *Виноградов Б.В.* Растительные индикаторы и их использование при изучении природных ресурсов. М.: Высшая школа, 1964. 328 с.
7. *Толчельников Ю.С., Савельева Р.П., Хазанова Т.М.* Структура геосистем как индикатор свойства компонентов ландшафта и природных процессов // Труды МОИП. Т. 55. М., 1976. С. 67–71
8. *Викторов А.С.* Рисунок ландшафта. М., 1986. 180 с.
9. *Древило М.С.* Геоэкологические исследования снежного покрова на основе его ландшафтно-индикационных свойств (на примере о. Сахалин) // Автореф. канд. дис. Барнаул, 2001. 27 с.

**ПОДВЕРЖЕННОСТЬ СЕЛЕВОЙ ОПАСНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНОВ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ И КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИК:
ХАРАКТЕРИСТИКА СЕЛЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ;
ЧИСЛЕННАЯ ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ОПАСНОСТИ**

© П.Е. МАРЧЕНКО, М.М. ГЯУРГИЕВА, Д.Р. ДЖАППУЕВ

Центр географических исследований КБНЦ Российской академии наук, г. Нальчик

В работе рассмотрены наиболее характерные с точки зрения подверженности селевой опасности районы Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республик. В соответствии с развиваемой в ЦГИ КБНЦ РАН методологией численной интегральной оценки степени подверженности геосистем опасным природным процессам в качестве примера представлены результаты численной интегральной оценки степени подверженности территории села Верхний Баксан, одного из наиболее подверженных селевой опасности сел КБР, уникальной на сегодняшний день в практике подобных работ степени детализации.

Ключевые слова: опасный природный процесс, селевая опасность, геотаксон, фактическая природная опасность, интегральная оценка фактической селевой опасности.

In this work the most characteristic areas of the Kabardin-Balkar and Karachay-Cherkess Republics are considered from the point of view of susceptibility to torrential danger. According to the methodology of a numerical integrated assessment of the degree of susceptibility of geosystems to natural hazards, developed in the Center of geographical researches (CGR) of the KBSC of the Russian Academy of Sciences, results of numerical integrated assessment of degree of susceptibility of the territory of the village of Upper Baksan (one of the most subject to torrential danger of the villages of KBR), unique in present practice of similar works by its extent of detailing, are presented as an example.

Key words: natural hazard, torrential danger, geotaxon, actual natural danger, integrated assessment of the actual torrential danger.

Факт подверженности части предгорной, горной и высокогорной территорий Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республик опасным природным процессам экзогенного генезиса, одно из первых мест среди которых занимают сели, обуславливает безусловную важность и актуальность проведения работ в части анализа имевших место фактических проявлений селевой деятельности в наиболее характерных с точки зрения селевой опасности районах и на их основе численной оценки фактической селевой опасности.

В зоне воздействия селевых потоков частично находятся территории более чем 20 населенных пунктов КБР [1], значительное число хозяйственных объектов. Для КЧР можно говорить о примерно тех же цифрах, однако непосредственно проявление и интенсивность селевых потоков, подверженность селевой опасности населенных пунктов КЧР все-таки существенно меньше [напр., 2–4].

Для территории Карачаево-Черкесской Республики могут быть выделены несколько участков, где имеют место фактические проявления селевой опасности в районе населенных пунктов.

Они приурочены к истокам р. Уллухурзук бассейна Уллукама, а именно к рекам Кюкюртлю и Битюктюбе; к истокам р. Чучкур (бассейн р. Худес), а именно, к её левому притоку – р. Чемарткол, берущей начало к северу от Эльбруса; к среднему течению Даута – р. Кенделлерсу, ручей Рхи [4, 5].

Рассмотрим некоторые селеопасные бассейны в районе населенного пункта Хурзук, Карачаево-Черкесской Республики.

В устье селевого ручья (без названия), впадающего с левого борта в р. Уллукам, на террасу Уллукама наложен огромный древний конус выноса, в левой и центральной частях которого расположены жилые дома и хозяйственные постройки аула Хурзук. Грязекаменные селевые потоки дождевого генезиса по ручью были зафиксированы в конце XIX – в первой половине XX веков, а последний – в 1968 г. [4, 5] Натурные исследования показывают наличие имевших место селевых выносов объемами до 5 тыс. м³ повторяемостью 1 раз в 5–10 лет.

В бассейне Уллукама селеопасным в настоящее время является также селевое русло, расположенное на правом борту р. Уллукам с конусом

выноса на северо-западной окраине аула Хурзук. В этом русле сход небольших селей наблюдается примерно один раз в 5 лет с объёмами выносов в пределах 5 тыс. м³. В 2002, 2005 гг. по руслу ручья сходили небольшие селевые потоки, оставившиеся в нижней части русла, не доходя до древнего конуса выноса. 18 августа 2006 г. в связи с обильными дождями с градом по руслу ручья сошёл мощный грязекаменный сель, подпрудивший р. Уллукам плотиной высотой 3 м с образованием озера длиной 200 и шириной 50 м с последующим его прорывом. Сель разрушил мост и гидрост на р. Уллукам, повредил 2 жилых дома, хозяйственные постройки, сорвал 75 м и занёс селевыми отложениями 80 м полотна автомобильной дороги с. Учкулан – а. Хурзук и огороды [4, 5].

Селевую опасность р. Уллухурзук обуславливают формирующиеся в его верховьях, в бассейнах рек Кюкюртлю и Битюктюбе, достаточно мощные грязекаменные селевые потоки дождевого и ледниково-дождевого генезиса. Они, продвигаясь по руслу Уллухурзука, постепенно понижают концентрацию твёрдого материала, трансформируясь в катастрофические сели низкой плотности – селеподобные паводки. Ранее грязекаменные сели верховий, в сочетании с процессами подмыва и обрушения берегов, с объёмами выносов 50–100 тыс. м³ достигали аула Хурзук, и причиняли ему значительные разрушения, как это произошло в 1909 г., когда селевой поток уничтожил значительную часть этого аула [2]. Как правило, основная разгрузка селей чаще происходит в месте впадения в Уллухурзук его левой составляющей – р. Кюкюртлю и его правой составляющей – р. Битюктюбе, разрушая мосты через р. Уллухурзук и повреждая участки грунтовой просёлочной дороги а. Хурзук – лесничество в долине р. Уллухурзук. Такие случаи сходов селевых потоков были зафиксированы в 1981, 1983, 1984 гг. [2]

В данном районе КЧР селеопасный период продолжается с мая по сентябрь и составляет в среднем 120 дней. Наиболее активные селевые явления в ледниковой зоне бассейна Уллухурзука отмечаются в июле-августе, что связано с интенсивным таянием снега и льда на ледниках, а в бассейнах Уллухурзука – в мае-июне, что связано с летним максимумом атмосферных осадков.

Средняя повторяемость катастрофических селей в бассейне Уллухурзука – один раз в 50–100 лет [2–5], что может объясняться относительно малым количеством атмосферных осадков, выпа-

дающих в этих бассейнах, расположенных в так называемых зонах «дождевой тени».

Отметим, что вышеописанные участки с достаточно высокой степенью селеопасности относятся к районам с естественным развитием селевых явлений, т.к. в их пределах не обнаружены нарушения устойчивости горных ландшафтов вследствие антропогенного воздействия.

В дополнение рассмотрим еще один участок на территории КЧР, расположенный в селеопасной зоне, – бассейн р. Загеданка.

Река Загеданка является правым притоком р. Большая Лаба. Длина реки – 2,8 км, площадь бассейна – 3 км². Объем максимального единовременного селевого выноса до 10 тыс. м³ [5]. Очаги зарождения селей находятся на высотах от 2500 до 2700 м. Повторяемость селевых проявлений составляет 1 раз в 20–50 лет. В основном это селевые потоки дождевого генезиса, водокаменного и грязекаменного типа [2].

Последний сход селевого потока зафиксирован 21 июня 2002 г. [2] На конусе выноса наблюдались селевые отложения (диаметр некоторых валунов 1,5 м), которые привели к разрушению альплагеря Ставропольского института «Гражданпроект». По словам очевидцев, уровень селевого потока доходил до окон вторых этажей домиков альплагеря (рис. 1).

Для сравнения приведем краткий анализ подверженности селевой опасности отдельных наиболее характерных районов уже Кабардино-Балкарской Республики.

На территории Кабардино-Балкарской Республики наибольшее количество селевых русел зафиксировано в бассейне р. Баксан, в числе которых рр. Адыр-Су, Сылтран-Су и Кыртык. На конусе селевых выносов последних расположено село Верхний Баксан Эльбрусского района, своего рода уникальный объект в КБР с точки зрения подверженности селевой опасности. Село Верхний Баксан находится на высоте 1589 м над уровнем моря, состоит из более чем 118 домов [6]. Практически каждый сход селевого потока на рассматриваемой территории, так или иначе, приносил урон сельскому хозяйству, сносил жилые дома, а иногда приводил и к человеческим жертвам.

Приведем факты схода катастрофических селей в районе с. Верхний Баксан.

Река Кыртык – правый приток р. Баксан. В бассейне р. Кыртык, по имеющимся данным, сходят сели преимущественно с дождевым генезисом, по типу – грязекаменные и водокаменные. Объем максимального единовременного выноса

Рис. 1. Альплагерь «Гражданпроект» после схода селя 21 июня 2002 г. [2]

составляет 500 тыс. м³, без учета правого притока Сылтран-Су. По факту по р. Кыртык селевые потоки сходили в 1881, 1916, 1941, 1945, 1967 гг. [7]

Река Сылтран-Су – правый приток р. Кыртык. По р. Сылтран-Су проходят селевые потоки различного генезиса – гляциальные, дождевые и смешанные [8]. Типы селевых потоков – грязекаменные и водокаменные.

Возможны и сели гляциального генезиса [9], связанные с прорывом высокогорного озера Сылтран, находящегося на высоте 3186 м. Объем воды в озере в летний период может составлять около 2,2 млн. м³ [9]. Там же указано, что, возможно, прорыв озера в 1881 г. стал причиной схода мощного катастрофического селя на аул Урусбиево (Верхний Баксан).

По имеющимся данным, катастрофические селевые потоки по р. Сылтран-Су сходили в 1881, 1967 гг.

Сель 1967. г возник в начале в долине правого притока Кыртыка – Сылтран-Су, где зимой сошла снежная лавина, загромоздившая русло речки снесенными ею деревьями. Во время прохождения селя деревья были увлечены им и ниже по долине создали запруды, прорыв которой сопровождался образованием высокой селевой волны. Лавина оставила на скалистых склонах следы движения на высоте до 17 м над руслом при ширине ущелья 12–13 м, а скорость движения селя достигала 9–10 м/сек. При движении селевой волны возник ураганной силы ветер. Первая

селевая волна, пронесшись по Сылтран-Су и выбросив массу валунов и гальки на левобережную часть села Верхний Баксан, загромодила устье долины Кыртык высоким каменным валом. Затем сель, двигавшийся по Кыртыку, прорвал этот вал и, объединившись с потоком Сылтран-Су, начал свою разрушительную работу. Селем было уничтожено несколько жилых домов со всеми приусадебными постройками, садами и огородами, а также магазин. Этому способствовало то обстоятельство, что речка протекала по поверхности конуса выноса в неглубоко заложенном русле. Сель при своем движении по конусу все время перемещался вправо, подрезая берег, сложенный рыхлым материалом. Вдоль правого берега образовался отвесный уступ, высотой до 4 м, над которым после селя нависали постройки, приготовившиеся к обрушению. Но, благодаря иссякшей в этот момент разрушительной силе потока, они остались целы. Слева от русла в верхней части конуса выноса видны были полуразрушенные и занесенные валунами и галькой дома (рис. 2). По нашим оценкам, опирающихся непосредственно на натурные исследования района события, объем сошедшего селя мог составлять около 1 млн. м³.

Река Адыр-Су – правый приток р. Баксан. В бассейне р. Адыр-Су проходят гляциальные, дождевые, смешанные и прорывные сели. По типу делятся на водокаменные и грязекаменные.

Площадь селевого бассейна составляет 111 км², длина селевого русла составляет около 14,8

км. По данным авторов [7, 10] сели в верховьях р. Адыр-Су сходили в 1936, 1940, 1958, 1947, 1966, 1975, 1977, 1979, 1980, 1983 гг. По данным [11], 1–3 августа 1940 г. наблюдался механизм формирования гляциального селя, ставший преобладающим в течение последующих лет. Он был связан с дезинтеграцией конечно-моренного комплекса карового ледника Джаловчат в долине Адыр-Су [11]. По подсчетам [11] на основании инструментальных замеров, из балки Джаловчат

(левый приток р. Адыр-Су) на участок днища долины р. Адыр-Су было вынесено около 3 млн. м³ рыхлообломочного материала. Сошедший катастрофический сел практически уничтожил находившиеся там альпинистские лагеря «Сталь» и «Молния». Другим показательным примером явился сход селя 19 июля 1983 г. по р. Куллумкол-Су (правый приток р. Адыр-Су), который стал катастрофическим для альплагеря «Джайлык» (рис. 3, 4).

Альплагерь "Джайлык" за 12 ч. до гибели

Рис. 3. Альплагерь «Джайлык» до схода селевого потока 16 июля 1983 г.
[Фото с сайта <http://www.djailyk.ru/content/257>]

Рис. 4. Альплагерь «Джайлык» после схода селевого потока 19 июля 1983 г.
[Фото с сайта https://ru.wikipedia.org/wiki/Альпинистский_лагерь]

По данным [7], общий объем сошедшего 16 июля 1983 г. селя был оценен в 800 тыс. м³.

Далее на показательном примере с. Верхний Баксан проиллюстрируем применение развиваемой в Центре географических исследований КБНЦ РАН геоинформационной методологии численной интегральной оценки подверженности геосистем совокупности опасных природных процессов (ОПП) для получения уникальных на сегодняшний день по степени детализации интегральных оценок фактической опасности за последние 150 лет для конкретной территориальной системы.

Как уже указано нами выше, анализ фактов схода селей в рассматриваемом районе за последние 150 лет показывает, что непосредственно для села определяющую опасность представляют селевые потоки по рр. Сылтран-Су и Кыртык. Именно факты схода селей по этим рекам были положены в основу численной интегральной оценки подверженности с. Верхний Баксан селевой опасности.

Для первичного оконтуривания максимальных размеров многолетних конусов выносов селевых потоков по этим рекам мы провели дешифрирование ряда космоснимков, что позволило определить максимальные границы конусов выноса селей, прошедших в исследуемый период. Как отмечено выше, в 1967 г. селевые потоки практически одновременно сошли по двум селевым бассейнам – Сылтран-Су и Кыртык.

Дальнейшее более детальное и точное оконтуривание осуществлялось посредством GPS-съёмки на местности с использованием при этом данных дешифрирования. Общее число точек, на основании которых проведено оконтуривание конуса выноса, составляло более 30.

Рассмотрим непосредственно вопросы, касающиеся численной интегральной оценки селевой опасности с. Верхний Баксан.

Основные положения методологии численной интегральной оценки степени подверженности геосистем опасным природным процессам, опирающейся на геоинформационные модели и методы, представлены нами ранее достаточно детально [напр., 12–19]. Основным элементом структурирования (модельного структурирования) геосистем, представления и анализа геоинформации о подверженности геосистем совокупности опасных природных процессов (ОПП) является геотаксон [напр., 16–17] – определённая площадь земной поверхности, на которой задается перечень и характеристики ОПП и ставится во взаимно-однозначное соответствие определенное

интегральное численное значение, характеризующее степень её опасности. Естественно, что размер геотаксона в каждом конкретном случае определяется задачами, стоящими перед исследователем, включая в первую очередь вопросы необходимой степени детализации получаемых результатов.

В соответствии с методологией территориальная система (с. Верхний Баксан) разбивается на определенное число геотаксонов равной площади и, квадратной формы. В данном случае, когда решается задача численной оценки степени подверженности селевой опасности отдельных частей с. Верхний Баксан мы сочли приемлемым вариант, когда размеры геотаксонов – 100x100 м. Естественно, что анализируются геотаксоны, соответствующие площадям, непосредственно находящимся под имевшими место воздействиями селевых потоков.

При реализации методологии каждый из геотаксонов разбивается на определённое количество квадратных ячеек; вся имеющаяся информация по степени опасности ОПП в каждой ячейке геотаксона соотносится к точкам (узлам), совпадающим с центрами ячеек. Как нами показано теоретически ранее [напр., 18], наиболее оптимальным является число узлов в геотаксоне равное 16, 25. В данном исследовании число анализируемых узлов в каждом геотаксоне полагалось равным 16.

Учитывая ранее полученные результаты теоретических исследований [напр., 12–17 и др.], касающиеся корректности вычислений при определении значений интегральных показателей природной опасности геотаксонов (ИППОГт), узлы распределялись равномерно по геотаксону при равенстве размеров анализируемых ячеек.

Понятно, что реализация описанной выше процедуры для оценки степени опасности геотаксона приводит к матрице (вектору), элементами которой являются числа, определяющие степень опасности для каждого из узлов геотаксона.

Как уже отмечалось нами ранее [12–17 и др.], авторы исходят из положения о том, что наиболее объективными показателями, характеризующим ОПП с точки зрения опасности, являются силовые (энергетические), например, величина суммарного механического давления ОПП на объект.

Ниже в виде таблицы приведен сокращенный вариант разработанной нами шкалы (более полный вариант представлен [19]) критических значений давления ОПП и соответствующих баллов при разрушении хозяйственных и при-

родных объектов с учетом особенностей анализируемой ситуации, когда на геосистему воздействуют ОПП одного генетического типа – сели,

и балльных оценок имевших место фактических проявлений ОПП в районе с. Верхний Баксан.

Таблица

Шкала критических значений суммарного давления ОПП и соответствующих баллов при разрушении (уничтожении) хозяйственных и природных объектов

№ п/п	Балл	Суммарное давление ОПП, Р, 10 ⁵ Па	Примеры хозяйственных и природных объектов в зоне поражения ОПП
1.	1	0,05	Разрушение стекол, оконных рам, дверей; изгородей; слом ветвей деревьев
2.	2	0,5	Разрушение деревянных зданий, слом молодых деревьев
3.	3	1,0	Разрушение: бескаркасных кирпичных зданий с покрытием из ж/б элементов, малоэтажных и многоэтажных (три этажа и более)

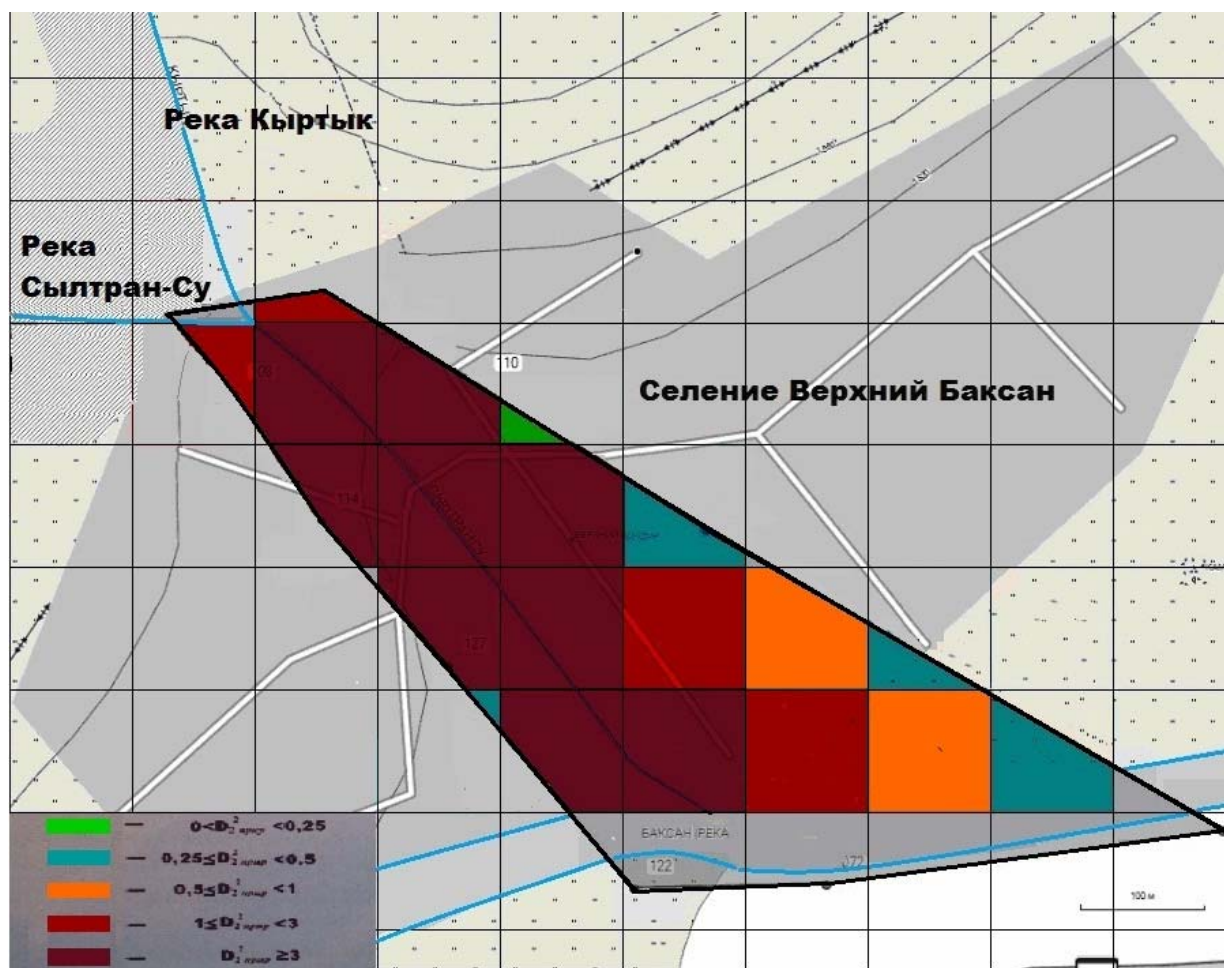

Рис. 5. Интегральные показатели фактической природной опасности геотаксонов, составляющих часть территории с. Верхний Баксан КБР, находящихся непосредственно в зоне конуса выноса селевых потоков. Основой для расчетов являлись: выражения (1)-(2), балльные оценки опасности в соответствии с таблицей. Площадь конуса выноса околнурена черной линией. Размеры геотаксонов 100x100 м

В соответствии с методологией, вычисление ИППОГт осуществляется посредством определения нормы вектора, элементами которого являются показатели опасности расчетных узлов геотаксона [16, 17 и др.]:

$$D_n = \frac{1}{M} \left(\sum_{i=1}^m P_i^n \right)^{1/n}, \quad (1)$$

где P_i – значение опасности в узле (суммарное давление ОПП на объект, в баллах), M – общее количество расчетных узлов геотаксона.

Учёт одновременного воздействия на i -й узел N ОПП осуществляется посредством выражения:

$$P_i = \sum_{j=1}^N P_{i,j}. \quad (2)$$

На рис. 5 представлены результаты численной интегральной оценки степени фактической подверженности отдельных участков с. Верхний Баксан Кабардино-Балкарской Республики селевым потокам, полученные на основе анализа фактических данных за последние 150 лет.

Приведем некоторые пояснения к полученным результатам. Соответствие того или иного геотаксона одной из представленных на рис. 5 градаций обуславливается (в рассматриваемом случае воздействия на геотаксоны ОПП лишь одного генетического типа – селей) количеством узлов геотаксона, подверженных воздействию ОПП и балльной оценкой опасности в каждом из узлов. Вполне естественно, что максимальным

значениям опасности (5 градация) соответствуют геотаксоны, непосредственно примыкающие к руслу реки и расположенные вблизи него. В этом случае практически все узлы геотаксонов, находящиеся внутри оконтуренного конуса выноса имеют максимальные 3-х балльные оценки опасности, что приводит в численном выражении к оценкам опасности $D_{2,прир.}^2 = 7 \div 9$. Естественно, что с увеличением расстояния от русла реки, уменьшаются балльные оценки опасности и, соответственно, геотаксоны переходят к более низким по значениям опасности градациям.

Таким образом, в настоящей работе представлен анализ фактической подверженности селевой опасности наиболее показательных в этом отношении районов Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской Республик. На основе фактического материала получены уникальные по своей детализации численные интегральные оценки селевой опасности района с. Верхний Баксан (КБР), могущие служить основой для разработки инженерных мероприятий по защите уже существующей жилой застройки и хозяйственных объектов, а также учитываться при проектировании и строительстве новых объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шагин С.И. Географические аспекты природно-техногенной опасности территории Кабардино-Балкарской республики / Дис. канд. геогр. наук. Нальчик, 2005. 223 с.
2. Гяургиева М.М. Районирование территории Карачаево-Черкесской Республики по пораженности селами различного генезиса (Западный Кавказ) / Автореф. дис. канд. геогр. наук. Нальчик, 2013. 20 с.
3. Гяургиева М.М. Морфометрические особенности основных селевых бассейнов Карачаево-Черкесской Республики // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. №3. С. 18–24.
4. Кондратьева Н.В., Гяургиева М.М., Багов А.М. Расчет максимального объема твердых отложений селя для Западного Кавказа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. №5. С. 30–36.
5. Гяургиева М.М., Кондратьева Н.В. Селевая активность по данным наблюдений на Западном Кавказе // Сборник материалов IV Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука и устойчивое развитие». Нальчик, 2010. С. 7–13.
6. Джаппуев Д.Р. Картографирование селевых форм рельефа при помощи GPS-съемки на примере села Верхний Баксан // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. №3. С. 25–31.
7. Сейнова И.Б., Золотарев Е.А. Ледники и сели Приэльбрусья. М.: Научный мир, 2001. 204 с.
8. Кондратьева Н.В., Сейнова И.Б., Гяургиева М.М. Роль селей и водной эрозии в процессе денудации горной системы в бассейне реки Баксан (Центральный Кавказ) // Геориск. 2011. № 2. С. 38–39.
9. Крыленко И.Н., Сурков В.В., Тарбеева А.М., Крыленко И.В. Морфология озера Сылтран (бассейн р. Баксан) и оценка его прорывоопасности // Труды Международной конференции «Селевые потоки: катастрофы, риск, прогноз, защита». Пятигорск, 2008. С. 305–308.
10. Герасимов В.А. О селеопасности горных рек КБР и возможных мерах противоселевой защиты // Труды ВГИ. Вып. 16. 1970. С. 56–59.
11. Ковалев П.В. Геоморфологические исследования на Центральном Кавказе (бассейн р. Баксан). Харьков, 1957. 162 с.

12. *Марченко П.Е.* Основные концептуальные положения интегрального оценивания территорий по степени их подверженности опасным природно-техногенным процессам // Проблемы управления рисками в техносфере. 2008. Т. 7. №3. С. 24–31.
13. *Марченко П.Е.* Исследование зависимости интегральной оценки опасности территории от площадей и конфигураций воздействия опасных природно-техногенных процессов // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2008. №6. С. 93–102.
14. *Марченко П.Е.* Результаты моделирования одновременного воздействия на территорию совокупности опасных природно-техногенных процессов // Естественные и технические науки. 2008. №3. С. 252–257.
15. *Марченко П.Е.* Вопросы сравнения территорий по степени их подверженности опасным природно-техногенным процессам // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. 2009. №1. С. 101–104.
16. *Марченко П.Е.* Анализ подверженности территориальных систем воздействию опасных природно-техногенных процессов на основе геоинформационных моделей и методов (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2010. №3. С. 159–168.
17. *Марченко П.Е.* Геоинформационные модели и методы интегральной оценки природно-техногенной опасности территориальных систем / Автореф. дис. докт. техн. наук. СПб., 2010. 44 с.
18. *Марченко П.Е.* Некоторые методические вопросы численной оценки подверженности геосистем опасным природно-техногенным процессам // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. №5. С. 62–69.
19. *Марченко П.Е.* Вопросы детализации интегральных оценок природной опасности геосистем (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. №6. С. 86–92.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абумуслимов А.А. – к.б.н., главный учёный секретарь Президиума АН ЧР

Абумуслимова И.А. – м.н.с. отдела биологии и экологии АН ЧР

Алахвердиев Ф.Д. – д.б.н., профессор, ЧГУ

Алигаджиева А.Р. – к.филол.н., преподаватель немецкого и английского языков кафедры иностранных языков для технических специальностей Дагестанского государственного технического университета

Арсакаева Х.С. – ассистент кафедры русского языка ЧГУ

Дадашев Р.Х. – д.ф.-м.н., профессор, академик АН ЧР, вице-президент АН ЧР

Джамбулатов Р.С. – научный сотрудник физики и химии ЦПМ АН ЧР

Бекмурзаев С.Х. – зав. отделом археологии и архитектуры Департамента по охране и использованию культурного наследия (памятников истории и культуры) Министерства культуры Чеченской Республики

Бурков С.Б. – старший научный сотрудник отдела систематизации археологического материала ГБУ «Институт истории и археологии РСО-А»

Гадаев В.Ю. – к.филос.н., профессор, ведущий научный сотрудник сектора философии и социологии ИГИ АН ЧР

Гаджиева З.М. – к.филол.н., проректор по учебной работе Дагестанского медицинского стоматологического института

Гапуров Ш.А. – д.и.н., профессор, президент АН ЧР

Гусейнов Г.-Р.А.-К. – д.филол.наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета

Гяургиева М.М. – к.г.н., н.с. Центра географических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Джамалудинова С.М. – к.филол.н., преподаватель кафедры английского языка для ЕНФ ДГУ

Джаппуев Д.Р. – н.с. Центра географических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Довлеткиреева Л.М. – к.филол.н., доцент кафедры русского языка ЧГУ

Завьялов В.И. – д.и.н., с.н.с. лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН

Кидирниязов Д.С. – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН

Кыдыралина Ж.У. – д.и.н., первый заместитель директора Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Магомадова Т.С. – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории ЧГУ

Мамаев Р.Х. – с.н.с. Центра археологических исследований ИГИ АН ЧР

Мамаев Х.М. – к.и.н., заместитель директора ИГИ АН ЧР

Марченко П.Е. – д.т.н., главный учёный секретарь Президиума Кабардино-Балкарского научного центра РАН, заведующий Центром географических исследований КБНЦ РАН

Мугумова А.Л. – к.филол.н., доцент кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного университета

Патахова П.Д. – к.филол.н., доцент кафедры английского языка для ЕНФ ДГУ

Таджибова Р.Р. – к.филол.н., доцент кафедры английской филологии Дагестанского государственного университета

Умаров Х.Г. – к.ф.-м.н., профессор, ЧГУ

Халидов А.И. – д.филол.н., профессор, главный научный сотрудник отдела языка и литературы ИГИ АН ЧР

Элимханов Д.З. – к.ф.-м.н., заместитель директора ЦПМ АН ЧР

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

Правила оформления статей для авторов «Вестника Академии наук Чеченской Республики»

Статьи, направляемые в журнал «Вестник Академии наук Чеченской Республики» публикуются по следующим направлениям:

- Физико-математические науки;
- Исторические и археологические науки;
- Филологические науки;
- Науки о Земле.

Статьи должны быть посвящены актуальным проблемам науки, содержать четкую постановку цели и задач исследования, строгую научную аргументацию, обобщения и выводы, представляющие ценность своей новизной и практической значимостью.

Редакционная коллегия просит авторов при подготовке статей руководствоваться нижеизложенными правилами. Материалы, поступившие в редакцию, проходят рецензию. Статьи, не удовлетворяющие предъявляемым требованиям и оформленные без соблюдения правил, возвращаются без рассмотрения.

1. Рукописи представляются в электронной версии. Объем направляемых материалов не должен превышать 40 000 печатных знаков, включая пробелы (для обзорных статей по фундаментальным проблемам; статей, обобщающих многолетние исследования авторов); 25 000 печатных знаков, включая пробелы (для статей, основанных на теоретических обобщениях и на результатах экспериментальных и полевых исследований); 6 000 печатных знаков, включая пробелы (для рецензий, хроники); 4 000 печатных знаков, включая пробелы (для юбилейных и памятных персоналий). В этот объем входят рисунки, таблицы, список литературы.

2. К рукописи статьи прилагаются: 1) направление от учреждения, в котором выполнена работа; 2) акт экспертизы; 3) рецензия. К статьям, выполненным аспирантами и соискателями, прилагается отзыв научного руководителя.

3. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman (14 кегль), интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., левое – 3 см, правое – 1,5 см.

В начале статьи в левом верхнем углу ставится индекс УДК. Далее со следующей строки идут данные в такой последовательности:

- полное название статьи и Ф.И.О. автора(ов) прописными буквами полужирным шрифтом Times New Roman (размер 14) на английском и русском языках;
- копирайт, инициалы и фамилии авторов полужирным шрифтом;
- названия организаций, города, где выполнена работа;
- e-mail;
- краткая (на 5–6 строк) аннотация;
- ключевые слова.

Обязательным является наличие ключевых слов и аннотации на русском и английском языках.

Далее идет текст самой статьи. В конце на отдельной странице дается список литературы (не менее 5–10 источников).

Нумерация литературы составляется в соответствии с последовательностью ссылок в тексте. Ссылки на литературу в тексте приводятся в квадратных скобках. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТами, размещенными на сайте Российской книжной палаты (<http://www.bookchamber.ru/content/about/standarts.html>).

4. В конце статьи указываются:

- полное название учреждения, в котором выполнено исследование, фамилия(и) автора(ов), ученая степень, звание, должность;
- почтовый индекс, адрес, номера телефонов (служебный и домашний), факса и e-mail каждого соавтора.
- контактное лицо, с которым редакция может связаться.

5. Текст и графический материал представляются в двух экземплярах (в тексте и отдельным файлом (формат jpeg, jpg). Повторение одних и тех же данных в тексте, таблицах и графиках недопустимо. Рисунки в двух экземплярах должны быть выполнены четко, в формате, обеспечивающем четкость передачи всех деталей. Рисунки должны быть черно-белыми. Каждый рисунок должен сопровождаться подписью независимо от того имеется ли в тексте его описание. Подписи к рисункам должны быть напечатаны на отдельной странице через два интервала. На обороте рисунков следует карандашом указать фамилии авторов, название статьи и номер рисунка.

6. Текст статьи должен быть тщательно отредактирован. При использовании в тексте сокращенных названий необходимо давать их расшифровку; следует ограничиваться общепринятыми названиями, избегать новых без достаточных на то оснований.

7. Для математических и химических формул следует выбирать 11-й кегль шрифта.

8. При выборе единиц измерения следует руководствоваться международной системой единиц СИ.

9. При описании методики следует ограничиваться оригинальной ее частью.

10. Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

Для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, том или выпуск, год, общее количество страниц.

Для периодических изданий: фамилия и инициалы автора, название журнала, том, номер, год издания, первая и последняя страницы использованной статьи.

11. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

12. Электронная версия статьи должна быть направлена на e-mail: vestnikanchr@mail.ru. В состав электронной версии должен входить файл с текстом статьи в форме **Microsoft Word** и **файлы, содержащие иллюстрации** в формате JPEG или встроенные в файл Microsoft Word.

13. Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь будет рассматриваться редакционной коллегией. Доработанный текст автор должен вернуть с первоначальным вариантом статьи, а также ответом на все замечания.

14. Не принятые к публикации статьи авторам не высылаются.

15. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Редакционная коллегия

Вестник
Академии наук Чеченской Республики
№ 1 (26), 2015

Редактор *Хасиева А.В.*
Корректор, дизайн и верстка *Хасиева А.В.*
Технические секретари *Бадаев С.В., Мамаев Р.Х., Ясаева М.Л.*

Подписано в печать 21.04.2015. Выход в свет
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,88. Тираж 200 экз.

Свободная цена

Отпечатано в ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий»
с электронного оригинал-макета. Заказ №
364026, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35